

ВТОРОЙ
КУБАНСКИЙ ПОХОД
И ОСВОБОЖДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Белое движение в России

**Второй кубанский
поход и освобождение
Северного Кавказа. Том 6**

«Центрполиграф»

2023

Второй кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. Том 6
/ «Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10002-3

Книга «Второй кубанский поход и освобождение Северного Кавказа» представляет собой шестой том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с боями Добровольческой армии во второй половине 1918 года по воспоминаниям участников этих боев. В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

ISBN 978-5-227-10002-3

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1	7
А. Деникин1	7
МАРКОВЦЫ ВО ВТОРОМ ПОХОДЕ НА КУБАНЬ30	23
МАРКОВЦЫ-Артиллеристы во втором кубанском	70
ПОХОДЕ64	
Н. Прюц93	80
В. Кравченко99	86
А. Туркул114	97
НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ116	102
Н. Ребиков117	105
С. Нилов126	114
Б. Прянишников130	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Второй кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. Том 6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шестой том серии «Белое движение в России» посвящен боям Добровольческой армии во второй половине 1918 года: Второму Кубанскому походу и осенне-зимним боям под Армавиром и в Ставрополье, завершившимся полным разгромом большевиков и очищением от них всего Северного Кавказа. Настоящий том служит непосредственным продолжением первого, второго и третьего, в которых были собраны воспоминания о формировании на Дону и на Кубани добровольческих частей и об их действиях до выступления в Первый Кубанский поход и во время Первого Кубанского похода (т. е. до конца мая 1918 года).

Второй Кубанский поход Добровольческой армии начался 9 июня 1918 года. К этому времени она насчитывала до 9 тысяч человек, примерно в 10 раз уступая по численности противостоящим ей красным войскам на Кубани и Северном Кавказе. Однако качественный состав Добровольческой армии в это время оставался еще исключительно высоким: среди строевых бойцов до 60—70% составляли офицеры, а остальные были близкие им по духу и боевым качествам добровольцы.

В начале июня, перед выступлением во Второй Кубанский поход, армия была разбита на следующие соединения:

1-я дивизия (генерал-лейтенант С.Л. Марков; впоследствии Б.И. Казанович), в которую входили 1-й Офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й Офицерский конный полки, 1-я Инженерная рота, 1-я Офицерская батарея и Отдельная конная сотня;

2-я дивизия (генерал-майор А.А. Боровский): Корниловский ударный, Партизанский пехотный, 4-й Сводный Кубанский конный полки, 2-я Инженерная рота и 2-я Офицерская батарея;

3-я дивизия (полковник М.Г. Дроздовский): 2-й Офицерский стрелковый, 2-й Офицерский конный полки, 3-я Инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, конно-горная и Мортирная батареи;

1-я конная дивизия (генерал от кавалерии И.Г. Эрдели): 1-й Кубанский (Корниловский), 1-й Черкесский, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский конные полки и конно-горная батарея;

1-я казачья Кубанская бригада (генерал-майор Покровский): 2-й и 3-й Кубанские конные полки и взвод артиллерии. Не входили в состав дивизий Пластунский батальон, 6-дюймовая гаубица, радиостанция и 3 броневика («Верный», «Доброволец» и «Корниловец»).

В ходе 2-го Кубанского похода были сформированы 1-я и 2-я Кубанские казачьи дивизии и Пластунская бригада (генерал А.А. Гейман). В июле—августе 1918 года 1-я конная дивизия включала полки: Корниловский, 1-й Уманский, Запорожский, Екатеринодарский и Линейный, 2-й Черкесский; 1-я Кубанская казачья дивизия (генерал В.Л. Покровский) – 2-е полки этих наименований; 2-я Кубанская казачья дивизия (полковник С.Г. Улагай) включала 1-й и 2-й Хоперские, 1-й Лабинский и 2-й Кубанский полки.

В ноябре 1918 года дивизии Б.И. Казановича и А.А. Боровского были развернуты в 1-й и 2-й армейские корпуса, сформирован 3-й армейский корпус (генерал В.П. Ляхов), а из 1-й конной и 2-й Кубанской дивизий сформирован 1-й конный корпус (генерал барон П.Н. Врангель). К сентябрю 1918 года в армии было 35—40 тысяч штыков и сабель, в декабре в

действующих войсках было 32—34 тысячи и в запасных, формирующихся частях и гарнизонах городов 13—14 тысяч, т. е. всего около 48 тысяч человек.

Непосредственной целью похода было очищение от большевиков Кубани и овладение ее столицей Екатеринодаром и Черноморским побережьем. Первый удар был нанесен по станции Торговой, а 1 июля была взята и Тихорецкая. Во второй половине июля армии пришлось выдержать чрезвычайно тяжелые бои у станции Кореновской, но к 1 августа Екатеринодар был окружен и 3 августа освобожден. Однако после этого у красных оставались на Северном Кавказе по-прежнему значительные силы, в несколько раз превосходившие Добровольческую армию. Центром последующих операций стал Армавир. 6 сентября он был занят дивизией Дроздовского, но 13 сентября был вновь захвачен красными в ходе предпринятого ими контрнаступления. Под городом развернулись тяжелые бои. 10 октября началось наступление красных на Ставрополь, который добровольцам пришлось оставить 17 октября. Добровольческой армии бои второй половины 1918 года обошлись очень дорого. В некоторых боях, например при взятии Тихорецкой, потери доходили до 25—30% состава, и вновь стоял вопрос о самом ее существовании. Ценой огромного напряжения сил и благодаря искусному маневрированию Добровольческой армии удалось переломить ход событий в свою пользу и перейти в решительное наступление. 13 октября дивизией генерала Казановича был взят Армавир, а 1 ноября генералом бароном Врангелем – Ставрополь. От разгрома в ходе этих операций красные уже не смогли оправиться, и к началу 1919 года был освобожден от большевиков весь Северный Кавказ.

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев Добровольческой армии с лета по конец 1918 года, в разное время публиковавшиеся в русской эмигрантской печати. Помещены как фрагменты из книг, так и журнальные и газетные публикации. Почти все эти воспоминания (за исключением мемуаров генералов А.И. Деникина и А.В. Туркула, а также книг С. Мамонтова и Э. Гиацинтова) никогда в России не публиковались.

Материалы тома сгруппированы по двум разделам. В первом из них собраны материалы, посвященные 2-му Кубанскому походу, во втором – боям под Армавиром и Ставрополем осенью—зимой 1918 года.

В книге приводятся воспоминания как вождей и руководителей Белого дела (Деникина, Врангеля, Шатилова), так и рядовых участников тех, ставших легендарными, событий. В результате перед читателем открывается истинная картина Белого движения: и из штабов, и из окопов.

Во многих воспоминаниях подробно описываются обстоятельства гибели 12 июня 1918 года генерала Сергея Леонидовича Маркова. И это не случайно – С.Л. Марков действительно был одним из самых выдающихся белых генералов, и многие эксперты полагают, что, если бы он остался жив и участвовал в дальнейшей борьбе, исход Гражданской войны мог быть иным.

В описываемых боях раскрылся воинский талант генерала П.Н. Врангеля. Читатель убедится, что именно ему принадлежит решающая заслуга в освобождении Северного Кавказа от большевиков и создании условий для последующего наступления белых армий на Дон, Донбасс, Украину и Москву. Этим и другим событиям Гражданской войны в России будут посвящены следующие тома нашей серии.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки.

Поскольку в Белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

Раздел 1

А. Деникин¹ НА КУБАНЬ!²

Итак – на Кубань!

Стратегически план операции заключался в следующем: овладеть Торговой, прервав там железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северо-кавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Кушевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа.

Для прикрытия со стороны группы Сорокина³ я оставил только один полк и два орудия генерала Покровского, который должен был объединить командование и над ополчениями задонских станиц.

Этот план был проведен до конца, невзирая на противодействие вражеской силы и сторонних влияний.

Нас было мало: 8—9 тысяч против 80—100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство... В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее.

9—10 июня 1918 года армия выступила во 2-й Кубанский поход.

Взятие Торговой. Смерть генерала Маркова

На 12 июня назначена была атака станции Торговая.

Еще 9-го началось расхождение дивизий на широком фронте, причем конница Эрдели⁴ и дивизия Маркова⁵ с донскими частями Быкадорова⁶ должны были накануне (11-го) выйти к

¹ **Деникин Антон Иванович**, р. 4 декабря 1872 в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, с 29 августа 1917 г. под арестом в Быхове. После освобождения 19 ноября 1917 г. участник организации Добровольческой армии, в начале января 1918 г. командующий войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. В 1-м Кубанском походе – заместитель генерала Л.Г. Корнилова, которого 31 марта 1918 г. сменил на посту Главнокомандующего. 26 декабря 1918 г. – 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР. В эмиграции в апреле—августе 1920 г. в Англии, затем до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. д. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн-Эрборе.

² Впервые опубликовано: А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1924. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май—октябрь 1918 г. В настоящем издании публикуются главы, посвященные 2-му Кубанскому походу и боям под Ставрополем.

³ **Сорокин Иван Лукич**, р. 1884 в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был главнокомандующим Красной армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

⁴ **Эрдели Иван Георгиевич**, р. 1870. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897). Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Участник выступ-

линии железной дороги Тихорецкая—Царицын, очищая свои районы от мелких партий большевиков, отвлекая их внимание и 12-го завершая окружение Торговой; две сильные колонны – Дроздовского⁷ и Боровского⁸ – направлены были с возможною скрытностью вдоль линии железной дороги Батайск—Торговая и берегом реки Средний Егорлык для непосредственного удара на Торговую. Дивизия Боровского составляла вначале мой общий резерв.

В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия железнодорожного сообщения и обеспечения главного исправления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю.

10 июня после упорного боя генерал Эрдели овладел селом Лежанкой; часть красноармейцев была изрублена, другая взята в плен, остальные бежали на юг. 11-го конница с таким же успехом овладела селом Богородицким, выслав в тот же день разъезды для порчи и перерыва железнодорожного пути от Тихорецкой.

Я со штабом шел при колонне Боровского и заночевал в селе Лопанском. На рассвете 12-го видел бой колонны. Побывал в штабе Боровского, цепях Кутепова⁹ (полковник Кутепов

ления генерала Корнилова в августе 1917 г., выходец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., в январе—марте 1918 г. представитель армии при Кубанском правительстве, с марта 1918 г. командир отдельной конной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 16 апреля 1919 г. Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров—участников войны во Франции, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 7 июля 1939 г. в Париже.

⁵ **Марков Сергей Леонидович**, р. 1878. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), академию Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., выходец. В Добровольческой армии с 24 декабря 1917 г. начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г., начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии, с 12 февраля 1918 г. командир Офицерского полка, с апреля 1918 г. командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шаблиевка.

⁶ **Быкадоров Исаак Федорович**, р. 19 мая 1882 в ст. Нижне-Кундрючевской Области Всевеликого Войска Донского (ВВД). Из дворян ВВД, сын полковника. Ростовская гимназия, Новочеркасское военное училище (1902), офицер с 1903, академия Генштаба (1910). Полковник, командир 58-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; один из организаторов Общедонского восстания, март 1918 г., руководитель восстания в районе ст. Бело-Калитвенской, командир отряда восставших казаков, командующий ополчениями станиц Нижне-Калитвенской, Кундрючевской, Усть-Белокалитвенской и других, с 1 апреля—август 1918 г. командующий Задонской группой, с 12 мая по декабрь 1918 г. войсками Задонского района и Южной группой Восточного фронта Донской армии, с 23 февраля 1919 г. командующий 2-й Донской армией, с 11 марта по апрель 1919 г. командир 8-го Донского армейского корпуса. 1918—1920 гг. товарищ председателя Войскового Круга ВВД. Генерал-майор (с 7 мая 1918). Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в Югославии, Чехословакии, Франции. С начала 1930-х и до смерти товарищ председателя Войскового Круга ВВД. Умер 20 сентября 1957 г. в Анже (Франция).

⁷ **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. 7 октября 1881 в Киеве. Из дворян, сын генерала. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академию Генштаба (1908). Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте, с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон. После соединения с Добровольческой армией начальник 3-й пехотной дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918). Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

⁸ **Боровский Александр Александрович**, р. 1875. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1896), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. С 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с марта 1918 г. командир Офицерского полка, с июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, уволен с 29 октября 1919 г. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Весной 1920 г. покинул Крым. Умер в 1938 г.

⁹ **Кутепов Александр Павлович**, р. 1882. Из дворян, сын лесничего. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., командир офицерской роты, с декабря 1917 г. войсками таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир роты Корниловского полка, затем командир того же полка, командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, затем образованного из Добровольческой армии Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии. С 1928 г. председатель РОВСа. Похищен и убит агентами ОГПУ 26 января 1930 г. в Париже.

командовал бригадой во 2-й дивизии. – А. Д.), ворвавшихся в село Крученобалковское, с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в 1-м походе, живет и в начальниках, и в добровольцах.

Около 7 часов утра, разбив большевиков у Крученой Балки, Боровский преследовал их передовыми частями в направлении Торговой, дав отдых главным силам.

Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовского на рассвете, слышен был только редкий артиллерийский огонь. Мы с Романовским, несколькими офицерами и казаками, перейдя речку, поскакали к его колонне.

Дроздовский, сделав ночной переход, с рассветом развернулся с запада против Торговой и вел методическое наступление, применяя тактику большой войны... В тот момент, когда мы въехали в хутор Кузнецова, части Дроздовского готовились там к переправе через реку Егорлык. Большевики от Торговой обстреливали нас редким артиллерийским огнем; с противоположного берега и хутора Шавлиева шел ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто в расстоянии 150 шагов, стреляло картечью наше орудие...

Прошло уже более пяти лет с того дня, когда первый раз увидел дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии... Суетливо, как насадка, собиравшего своих офицеров и бродившего, прихрамывая (старая рана), под огнем по открытому полю Жебрака...¹⁰ Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия, с изрешеченным пулями щитом... И бросившуюся на глазах командующего через речку вброд роту во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом¹¹ – со смехом, шутками и криками «ура»...

* * *

Хутор Шавлиев был взят, и дивизия стала переходить через Егорлык и разворачиваться против Торговой, откуда из длинных окопов была встречена огнем. Дроздовский долго перестраивал боевой порядок; темп боя сильно замедлялся. Между тем со стороны Крученой Балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, артиллерии, спасавшихся от Боровского. Я послал приказание всей колонне последнего продолжать немедленно наступление на Торговую.

Около двух часов дня начал подходить Корниловский полк, и дроздовцы вместе с ним двинулись в атаку, имея в своих цепях Дроздовского и Жебрака.

Торговая была взята; захвачено три орудия, много пулеметов, пленных и большие интендантские запасы. На железнодорожной станции, где расположился мой штаб, тотчас по ее занятии дроздовцы установили уже пулемет на дрезину и погнались за уходившими эшелонами большевиков; другие мастерили самодельный «броневой поезд» из платформ с уложенными на них мешками с землей и ставили орудие, пулеметы. Вечером «первый бронепоезд» (!) Добровольческой армии двинулся к станции Шавлиевская.

В этот же день генерал Эрдели с кубанскими казаками захватил с бою село Николаевское, станцию Крученская и, оставив там полк для прикрытия со стороны Тихорецкой, двинулся к Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верст с несколькими боями; уставшие лошади еле двигались. Тем не менее Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей там конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в плен.

¹⁰ Жебрак-Русанович Михаил Антонович, р. 1875. Из крестьян. Окончил Виленское военное училище, Военно-юридическую академию. Полковник, командир 2-го Балтийского морского полка. Организатор офицерского отряда в Измаиле, с которым в 1918 г. присоединился к полку Дроздовскому. С 22 апреля 1918 г. командир Офицерского полка отряда Дроздовского. Убит 24 июня 1918 г. под Белой Глиной.

¹¹ Воспоминания А.В. Туркула публикуются ниже.

12 июня воссозданная Добровольческая армия одержала свой первый крупный успех. С 12 июня в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, а центр страны – от всероссийских житниц – Кубанской области и Ставропольской губернии и от грозненской нефти (в районе Кизлярского и Петровского участков Владикавказской железной дороги царила анархия и велась борьба между терцами, горцами и большевиками. – А. Д.). Это обстоятельство, несомненно, подрывало экономический базис советской власти, но в силу роковых переплетений интересов не могло не отозваться на общем состоянии народного хозяйства. Утешала меня надежда, что такое положение недолговечно и что штыками своими Добровольческая армия принесет вскоре северу освобождение, а вместе с ним хлеб, уголь и нефть. Мечты!..

* * *

Спускалась уже ночь, замирали последние отзвуки артиллерийской стрельбы где-то на севере, а от колонны Маркова не было никаких известий. Наконец, пришло донесение:

«Станция Шаблиевская взята...

Генерального Штаба Марков смертельно ранен...»

11 июня Марков очистил от мелких большевистских банд район между Юлой и Манычем и приступил к операции против Шаблиевки. Станция оказалась занятой сильным отрядом с артиллерией и бронепоездами. Взять ее в этот день не удалось. Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно, в связи с общей обстановкой большевики начали отступать. Уходили и бронепоезда, посылая последнее, прощальные снаряды по направлению к брошенной станции. Одним из них вблизи от Маркова был тяжело ранен капитан Дурасов... Другой выстрел – предпоследний – был роковым. Марков, обливаясь кровью, упал на землю. Перенесенный в избу, он мучился недолго, приходя иногда в сознание и прощаясь трогательно со своими офицерами-друзьями, онемевшими от горя.

Сказал:

– Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас...

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк провожал останки своего незабвенного начальника дивизии. Раздалась команда: «Слушай – на караул!...» В первый раз полк так небрежно отдавал честь своему генералу: ружья валились из рук, штыки колыхались, офицеры и казаки плакали навзрыд...

К вечеру тело привезли в Торговую. После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке, среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный с крестом флаг, его флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя...

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю.

Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...

Вспомнились последние годы – Галиция, Волынь, ставка, Бердичев, Быхов, 1-й Кубанский поход... Столько острых, тяжких и радостных дней, пережитых вместе и сроднивших меня с Марковым... Но не только потерял друг. В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдья мы с Иваном Павловичем¹², точно угадывая мысль друг друга, говорили со скорбью:

¹² Романовский Иван Павлович, р. 1877. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Вер-

– Нет Маркова...

В ту же ночь два грузовика со взводом верных соратников, с пулеметами по бортам везли дорогую кладь по манычской степи, еще кишевшей бродячими партиями большевиков, в Новочеркасск. Там осиротелая семья покойного – мать, жена и дети, там «его» полк и десятки тысяч народа отдали последний долг праху героя, который когда-то учил своих офицеров:

– Легко быть честным и храбрым, когда сознал, что лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной России...

* * *

13 июня я отдал приказ по армии:

«1

Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 июня при взятии станции Шаблиевка пал смертельно раненный генерал С.Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Бoryньей, Перемышлем, Луцком, Чарторийском... Добровольческая армия никогда не забудет горячо любимого генерала, водившего в бой ее части под Екатеринодаром, в «Ледяном походе», у Медведовской...

В непрестанных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки...

Вечная память со славою павшему...

2

Для увековечения памяти первого командира 1-го Офицерского полка части этой впрямь именоваться 1-й Офицерский генерала Маркова полк¹³».

ховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, 8 января 1919 г. – 24 марта 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР. Генерал-лейтенант. В марте 1920 г. эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

¹³ Марковский полк (1-й офицерский полк, 1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. 1-й генерала Маркова пехотный полк) был сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-Офицерский полк около 800), под Екатеринодаром – 800, после штурма – 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля до 600, в мае – около 500. Во время похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я – из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк. В августе 1918 г. из полка (около 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, grenадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластуных батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке – всего до 400 человек. После пополнения насчитывал свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). В конце октября, после боев у Армавира в полку было 1500 шт. (по 40—120 в роте), столько же в середине ноября (роты по 100 штыков, офицерские свыше 200), в конце месяца – 2000. В середине января 1919 г. в полку было до 800 шт. (по 50—80 в роте, в офицерских – по 150), в конце месяца до 1500, в начале апреля до 550 (по 10—35 в роте). В это время офицерские роты наполовину состояли из сол-

Бои на путях к Екатеринодару. Кореновская

Для овладения Екатеринодаром направлена была большая часть армии. Дивизии Казановича¹⁴ и Дроздовского (1-я¹⁵ и 3-я¹⁶) – вдоль Тихорецкой линии; Эрдели (1-я конная¹⁷) –

дат. На 1 октября 1919 г. в полку было около 3000 человек, на 5 октября 1919 г. его боевой состав насчитывал 882 штыка при 20 пулеметах, в середине октября около 1200 штыков. С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской дивизии. На 12 декабря 1919 г. имел 800 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал около 450 штыков при 15 пулеметах (3 батальона по 3—4 роты), в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 400 штыков. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г., и провел через свои ряды десятки тысяч людей. Только одна из рот (7-я офицерская) за год существования к июню 1919 г. пропустила через свои ряды около 600 офицеров, 70 кубанских казаков и до 200 солдат. За это время она потеряла убитыми около 120 (20% потерь), ранеными по 2 и более раза до 300, по 1 разу около 160, пропавшими 5—6 офицеров, 30 остались полными инвалидами, и только один офицер ни разу не был ранен (22—23 офицера воювали в ней с первого дня). Потери полка часто были весьма значительными. Части, вошедшие в состав Марковского полка, практически полностью состоявшие из офицеров еще до 1-го Кубанского похода, потеряли около 600 человек (уже под Кизитеринкой погибло около 20 офицеров, а всего при взятии Ростова в конце ноября 1917 г. выбыло около 150, в т. ч. до 40 убитых). В 1-м Кубанском походе под Выселками и Кореновской марковцы потеряли до 200 человек при 45 убитых, под Екатеринодаром около 350 (около 80 убитых и до 50 пропавших), т. е. 50% состава, у ст. Медведовской до 75 (15 убито), у Лежанки 20 апреля до 50 и 21-го более 100 (15 убито), у Сосыки около 100 человек, всего за поход около 1175 человек (из которых около 300 убитыми и до 80 пропавшими). Во 2-м Кубанском походе 25 июня 1918 г. у Кагальницкой полк потерял 400 человек, в т. ч. около 80 убитых (по другим данным – 317, в т. ч. 31 убит), причем почти все потери пришлось на чисто офицерские роты – 305 человек (около 65 убитых), 6 июля под Екатериновской до 350 (в т. ч. 150 – офицерские роты), а всего за неделю – до 500. В боях под Армавиrom: 13 сентября около 350, 14-го – до 250, 19-го – свыше 150 (из них 7-я офицерская рота до 100 при 24 убитых), 2 октября свыше 200, 13-го – свыше 300, а всего до 2000. В начале ноября под Ставрополем до 500, в зимних боях в Ставропольской губ. 16 декабря у с. Грушевка 20 офицеров и 6 солдат, а всего 2200 человек. За весь же 1918 г. (не считая потери до 1-го Кубанского похода) марковские части потеряли более 10 тысяч человек. В Донбассе 20 января 1919 г. у ст. Доломит одна из офицерских рот полка потеряла до 40 человек, к концу января за 9 дней полк потерял до 300 человек, в начале февраля одна 1-я рота – 60 (20 убиты), а всего за четыре месяца боев до начала мая полк потерял до 2000. При начале майского наступления полк потерял 150 человек, а к июню – до 300, с 6-го по 27 августа до 800, 31 августа до 80, при наступлении на Ливны к 20 сентября – 800. При обороне Ливен к 15 октября комендантская рота полка потеряла 117 человек, 29 октября одна из рот полка потеряла до 100, весь полк с 7-го по 31 октября – до 2000, с 4-го по 10 ноября – 200. В Крыму при штурме Перекопа 4 апреля 1920 г. полк потерял до 60 человек, 13 июля у Янчекрака – до 400 человек и т. д. Для чинов полка в эмиграции был установлен нагрудный знак в виде черного мальтийского креста с белой узкой каймой, в центре черный прямоугольник с пересекающимися по диагонали линиями, окруженный серебряным терновым венком; на концах креста дата: «12», «фев», «19», «18». Командиры: ген.-лейт. С.Л. Марков (12 февраля – середина марта 1918), ген.-майор А.А. Боровский (середина марта – 20 апреля 1918), полк. Н.Н. Дорошевич (20—21 апреля 1918), полк. кн. И.К. Хованский (21—27 апреля 1918), полк. Н.С. Тимановский (27 апреля – октябрь 1918), ген.-майор Н.Н. Ходаковский (октябрь 1918), полк. Наркевич (врио, октябрь – 19 ноября 1918), полк. В.И. Гейдеман (19—27 ноября 1918), полк. А.Н. Сальников (27 ноября 1918 – март 1919), полк. А.Н. Блейш (март 1919 – середина февраля 1920), полк. Трусов (врио, март 1919), полк. И.П. Докукин (врио, 14—21 ноября 1919), полк. Д.А. Слоновский (врио, 21 ноября – 18 декабря 1919), кап. (полк.) Д.А. Марченко (22 декабря 1919 – начало октября и с 21 октября 1920), подполк. Г.А. Лебедев (октябрь 1920; убит), кап. В. Коломацкий (врио, октябрь 1920). Командиры батальонов: полк. Н.Н. Дорошевич, полк. Назимов, полк. Наркевич, подполк. Н.Б. Плохинский (убит), ротм. Дударев (убит), полк. А.Н. Блейш, полк. А.С. Булаткин (убит), полк. С.Г. Волнянский (убит), полк. Трусов, полк. Шульга, кап. Д.А. Марченко, полк. Д.А. Слоновский, полк. Бржезицкий, кап. Папков (убит), подполк. Г.А. Лебедев. Командиры рот: полк. Лаврентьев, полк. А.П. Кутепов, полк. Ширяев, ротм. Дударев, полк. Зотов, полк. Коротаяев, полк. Ценат (убит), полк. Попов (убит), полк. А.Н. Блейш, полк. С.Г. Волнянский, полк. А.С. Булаткин, шт.-капитан Поляков, полк. Табунов (убит), пор. Савельев, кап. Пиллер, кап. Залесский, кап. Большаков (убит), кап. Д.В. Образцов, кап. Павлов, кап. Ждановский, кап. Верещагин, шт.-капитан Александрович (убит), кап. Урфалов, кап. Букин, пор. В. Бетковский, кап. Сухарев, пор. Румянцев, кап. Шевченко.

¹⁴ **Казанович Борис Ильич**, р. 1871. Из дворян. Окончил Могилевскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае—июне командирован в Москву в Национальный центр. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919 г. до начала 1920 г. командующий войсками Закаспийской области. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, в августе 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Общества офицеров Генерального Штаба, председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчево (Югославия).

¹⁵ 1-я дивизия сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. (с 21 мая 1919 г. – пехотная). Состав: 1-й Офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й офицерский конный полки, 1-я Инженерная рота, 1-я Офицерская батарея и Отдельная конная сотня. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В сентябре 1918 стала включать Марковский, Корниловский,

севернее, параллельно им, к Черноморской линии для удара по городу с севера; Покровский (1-я Кубанская дивизия¹⁸) – с севера на Тимашевскую и далее в тыл Екатеринодарской группе

Дроздовский, Партизанский и Самурский полки. 19 октября 1918 г. с выделением из Марковского Сводно-гвардейского полка стала включать две бригады. С 15 ноября 1918 г. вошла во 2-й, с 15 мая 1919 г. – в 1-й армейский корпус. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские, 1-й, 2-й и 3-й Марковские полки, запасный батальон (полк. Коновалов; 1122 штыка, 7 пулеметов), 1-ю артиллерийскую бригаду, 1-й запасный артиллерийский дивизион и 1-ю инженерную роту, до 27 августа также Кабардинский полк, до 1 сентября 1919 г. Алексеевский полк. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 7170 штыков при 148 пулеметах. 14 октября 1919 г. расформирована и разделена на Марковскую и Корниловскую дивизии. Начальники: ген.-лейт. С.Л. Марков (до 12 июня 1918), ген.-майор Б.И. Казанович (12 июня – 15 ноября 1918), ген.-лейт. С.Л. Станкевич (15 ноября 1918 – 11 марта 1919; умер), ген.-майор А.П. Колосовский (с 21 марта 1919), ген.-майор Н.С. Тимановский (до 27 октября 1919). Нач. штаба: полк. В.И. Гейдеман (до 19 ноября 1918), полк. А.Н. Кардашенко (с 19 ноября 1918), полк. В.А. де Роберти (до 22 июля 1919), А.А. Биттенбиндер (с 22 июля 1919). Командиры бригад: ген.-майор Н.С. Тимановский (1-й, октябрь 1918 – 31 января 1919), полк. Р.М. Туненберг (2-й, 19 ноября 1918 – 11 марта 1919), ген.-майор А.Н. Третьяков, полк. Н.В. Скоблин.

¹⁶ 3-я дивизия сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. (с 21 мая 1919 г. пехотная). Состав: 2-й офицерский стрелковый, 2-й офицерский конный (с 1 июля также Самурский) полки, 3-я инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, конно-горная и Гаубичная батареи. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле 1918 г. за 10 дней боев дивизия потеряла 30% состава, с 16 августа за месяц боев около 1800 человек, т. е. более 75% своего состава. 11 ноября 1918 г. ей были переданы 1-й и 2-й стрелковые полки расформированной 4-й дивизии. С 15 ноября 1918 г. входила в состав 2-го армейского корпуса, с 27 декабря 1918 г. – Крымско-Азовского корпуса (в это время включала также Ингерманландский конный дивизион, Чехословацкий пехотный батальон, Петропавловский, Александровский и Романовский отряды, 3-й легкий и 3-й парковый артдивизионы, запасный батальон, 3-й авиаотряд, Чугуевский и Белгородский конные отряды). 17 января 1919 г. в ее состав был передан Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии. С 15 мая 1919 г. включена в состав 1-го армейского корпуса. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Дроздовские и Самурский полки, запасный батальон (полк. Еньков; на 5 октября 1919 г. 850 штыков, 4 пулемета), 3-ю артиллерийскую бригаду, 3-й запасный артиллерийский дивизион и 3-ю инженерную роту, до 1 сентября 1919 г. также Сводно-стрелковый и Белозерский полки. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 5945 штыков при 142 пулеметах. 14 октября 1919 г. преобразована в Дроздовскую дивизию. Начальники: полк. (ген.-майор) М.Г. Дроздовский (июнь – 31 октября 1918), ген.-лейт. В.З. Май-Маевский (врид 19 ноября 1918 – январь 1919), ген.-майор В.К. Витковский (с января 1919). Нач. штаба: полк. Чайковский (6 сентября – 8 октября 1918), полк. Ерофеев (с 19 ноября 1918), полк. Н.А. Корнев (6 декабря 1918 – 28 апреля 1919), полк. Б.А. Штейфон (весна 1919), полк. Ф.Э.Бредов (с 22 июля 1919). Начальники артиллерии: ген.-майор В.Ф. Кирей (до 8 ноября 1918), полк. В.А. Мальцов (с 11 ноября 1918). Командиры бригад: ген.-майор Смирнов (до 22 ноября 1918), полк. В.К. Витковский (с 24 ноября 1918), ген.-майор Н.Н. Ходаковский (до 21 марта 1919).

¹⁷ 1-я конная дивизия сформирована в Добровольческой армии 6 июня 1918 г. из Отдельной конной бригады, причем 2-й бригадой в нее вошел конный отряд ген. Покровского. Первоначальный состав: 1-й Кубанский (Корниловский), 1-й Черкесский конные, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский Кубанского казачьего войска полки и конно-горная батарея. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле—августе 1918 г. включала Корниловский конный, 1-е Уманский, Запорожский, Екатеринодарский и Линейный, 2-й Черкесский полки. За август и сентябрь 1918 г. потеряла 260 офицеров и 2460 казаков – почти 100% своей численности. Все батареи дивизии в августе—сентябре 1918 г. (1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная) имели почти исключительно офицерский состав. В 1-й конно-горной батарее в августе 1918 г. было около 100 офицеров на солдатских должностях и 12 солдат ездовых. 31 октября 1918 г. в состав дивизии был включен стрелковый полк (сформирован 22 сентября 1918 г.; полк. Чичинадзе, с 22 июля 1919 г. полк. Черкезов). С ноября 1918 г. входила в 1-й Кубанский корпус. 7 декабря 1918 г. Черкесские полки были выведены из дивизии. После переформирования корпусов и в октябре 1919 г. в 4-й конный корпус. К 5 октября 1919 г. (без Корниловского и 1-го Партизанского, но с 1-м Линейным полком) насчитывала 519 штыков, 419 сабель, 23 пулемета и 7 орудий. Осенью 1919 г. в нее входили: Корниловский (на 5 октября 1919 г. в 3-й Кубанской казачьей дивизии), 1-й Екатеринодарский, 1-й Партизанский (на 5 октября 1919 г. нет в дивизии), 1-й Уманский, 1-й Запорожский Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк (519 штыков, 12 пулеметов; полк. М.К. Чичинадзе, май – 22 июля 1919, полк. Черкезов с 22 июля 1919, ген.-майор И.Д. Павличенко – до октября 1919) и 1-й конно-артиллерийский дивизион (полк. Черкезов, полк. В. Щеголев): 2-я (в ремонте), 3-я (2 орудия) и 4-я (1 орудие) конные и 1-я конно-гаубичная (4 гаубицы) батареи. Начальники: ген.-кав. И.Г. Эрдели (с 6 июня 1918 до 31 октября 1918), ген.-кав. А.М. Драгомиров (июнь – август 1918), ген.-майор бар. П.Н. Врангель (август – 31 октября 1918 – январь 1919), полк. В.Г. Науменко (с 19 ноября 1918), ген.-майор П.Н. Шатилов (с 10 января 1919), полк. П. Тутов (врид, 5 мая 1919; убит), ген.-майор Н.М. Успенский (23 мая – 23 октября 1919), ген.-майор И.Д. Павличенко (врид, 5 октября 1919), полк. (ген.-майор) В.В. Муравьев (с 23 октября 1919). Нач. штаба: полк. Р.К. Дрейлинг (до 7 октября 1918), полк. В.И. Соколовский (23 октября – 19 ноября 1918), полк. А.Т. Гаевский (с 24 января 1919), кап. Петров. Командиры бригад: 1-й – полк. В.Г. Науменко (до 19 ноября 1918), полк. В.В. Муравьев (17 марта – 23 октября 1919), 2-й – полк. (ген.-майор) С.М. Топорков (2 ноября 1918 – 19 января 1919), полк. Е. Жарков (22 января – 11 марта 1919; умер), полк. М.П. Растегаев, полк. П. Тутов (апрель – 5 мая 1919), ген.-майор И.Д. Павличенко (с 23 октября 1919).

¹⁸ 1-я Кубанская казачья дивизия сформирована в Добровольческой армии 5 мая 1918 г. как 1-я Кубанская казачья бригада в составе 2-го и 3-го Кубанских конных полков и взвода артиллерии. Участвовала во 2-м Кубанском походе, в ходе которого 24 июля развернута в дивизию (2-й и 3-й Сводные Кубанские, 2-й Уманский, 2-й Запорожский, 1-й Кубанский, 1-й и 2-й Хоперские полки, 2-й и 6-й Кубанские пластунские батальоны, 1-й и 4-й Кубанские конно-артиллерийские дивизионы, 3-я конная и 1-я конно-горная Кубанские батареи). В июле—августе 1918 г. включала 2-е Уманский, Запорожский, Екатерино-

большевиков. Боровский (2-я дивизия¹⁹) должен был частью своих сил наступать вдоль Кавказской железнодорожной линии для обеспечения главного направления и для демонстрации. Для обеспечения тыла в Кореновской был оставлен пластунский батальон с двумя орудиями.

14 июля я с Романовским был в центральной группе, в станице Пластуновской, установил окончательно детали наступления и напутствовал каждую дивизию пожеланием, чтобы она «первою вошла в Екатеринодар». Этот прием боевого соревнования как нельзя более соответствовал общему настроению – все рвались к Екатеринодару.

К вечеру того же дня Дроздовский маневром окружения взял станцию Динская, захватив 3 орудия, 600 пленных и большую добычу; южнее Казанович занял с боя монастырь (Покровская община).

Поздно ночью я вернулся в Тихорецкую. Штаб армии на другой день должен был перейти в Кореновскую.

Но утром 15-го связь с центральными колоннами была порвана. По железнодорожному телефону мы получили донесение, что станция Кореновская была атакована крупными силами противника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен.

Большевистские войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной нашей группы, разъединили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1—2 формирующихся батальона, 1—2 сотни и мой конвой.

Положение создалось грозное.

Я приказал немедленно отозвать из Ставрополя полк с батареей для нанесения совместно с бронепоездами удара по Кореновской с северо-востока, тогда как центральная группа будет наносить его, очевидно, с юго-запада; послал Покровскому²⁰ приказание – минуя всякие пре-

дарский и Линейный полки. С ноября 1918 г. входила в 1-й Кубанский корпус. 29 июля 1919 г. 2-й Уманский полк передан в 4-ю Кубанскую казачью дивизию. К 5 октября 1919 г. (временно, без 2-го Черноморского полка, во 2-м Кубанском корпусе) насчитывала 741 штык, 584 сабли, 40 пулеметов и 4 орудия. Осенью 1919 г. в нее входили: 2-й и 3-й Сводные Кубанские казачьи полки, 2-й Черноморский и 2-й Линейный Кубанского казачьего войска полки, Кубанский гвардейский казачий дивизион (в Екатеринодаре; полк. Свидин), стрелковый полк (с 1 марта 1919; 741 штык, 20 пулеметов) и 1-й Кубанский казачий конно-артиллерийский дивизион (полк. П. Козинец): 1-я (4 орудия) и 4-я (на укомплектовании) Кубанские казачьи конные батареи. 25 октября в дивизию вошел 1-й Таманский полк. С 11 ноября 1919 г. дивизия включена в состав 4-го конного корпуса. Расформирована 6 мая 1920 г. Начальники: ген.-майор В.Л. Покровский (до 3 января 1919), ген.-майор В.В. Крыжановский (с 22 января – осень 1919). Нач. штаба подполк. Ю.В. Сербин (с 24 июля 1918), полк. И.А. Ребдев (ноябрь 1918). Командиры бригад: 1-й – полк. В.В. Крыжановский (до 22 января 1919), полк. Захаров, 2-й – полк. Д.Г. Галушко (31 октября 1918 – 12 января 1919), полк. В.Л. Малеванов (12 января – 6 декабря 1919), полк. Т.И. Остроухов (с 6 декабря 1919), 3-й – полк. Т.И. Остроухов (1 октября 1918 – июнь 1919).

¹⁹ 2-я дивизия сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. (с 21 мая 1918 г. пехотная). Состав: Корниловский ударный, Партизанский, 4-й Сводный Кубанский конный полки, 2-я Инженерная рота и 2-я Офицерская батарея. Участвовала во 2-м Кубанском походе. 16 января и 15 мая 1919 г. Корниловский ударный и Партизанский полки исключены из ее состава. Летом – осенью 1919 г. составляла основу войск Черноморского побережья. Включала Кавказский офицерский, Черноморский стрелковый и 1-й Кубанский стрелковый полки, запасный батальон (полк. Семашко; 1100 штыков, 10 пулеметов), 2-ю артиллерийскую бригаду и 2-ю инженерную роту (полк. Бершов; 194 человека), а также (до 29 июля 1919) 2-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 3837 штыков, 82 пулемета и 14 орудий. Расформирована в начале 1920 г. Начальник ген.-майор А.А. Боровский (июнь – 27 ноября 1918), ген.-майор А.Н. Черепов (с 27 ноября 1918 – осень 1919). Нач. штаба полк. П.А. Бородаевский (с 28 апреля – октябрь 1919), полк. В. Васильев (с 14 ноября 1919). Командиры бригад: ген.-майор А.Н. Черепов (до 27 ноября 1918), ген.-майор П.К. Писарев (с 15 декабря 1918), ген.-майор М.Я. Бурневич (15 декабря 1918 – 1 сентября 1919), ген.-майор Р.М. Туненберг (11 марта – 26 июля 1919).

²⁰ **Покровский Виктор Леонидович**, р. 1889. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, июль 1918 г. – 3 января 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии. С января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, январь—август 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, со 2 ноября 1919 г. по 8 марта 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

пятствия и чего бы это ни стоило, атаковать Тимашевский узел и выйти в тыл Сорокину; Эрдели – ударить на Кореновскую с севера.

В центральную колонну штаб послал на аэроплане сообщение о направленной помощи; летчик должен был спуститься в районе Пластуновской с риском попасть в руки неприятеля...

Прошли томительные сутки...

* * *

Сведения разведки о движении большевиков из Тимашевской на Екатеринодар имели некоторые основания: туда текли обозы, беженцы, дезертиры, мелкие отряды, отколовшиеся от Сорокина. Главные силы оставались, однако, в районе Тимашевской, приводились в порядок, пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти насчитывали, как оказалось, не менее 25—30 тысяч. На основании согласных показаний пленных Сорокин принял решение: выставив против Покровского заслон из лучшей своей дивизии, которая должна была впоследствии отступать на Тамань и Новороссийск, самому пробиться через Кореновскую на Усть-Лабу с целью уйти за Кубань. Вероятно, только впоследствии легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его использовать свое положение и попытаться разбить Добровольческую армию. Во всяком случае, весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих – Сорокина или его штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северокавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника (убит в октябре большевиками в Ставрополе. – А. Д.)...

14-го Сорокин перешел в наступление на широком фронте, направляя главные силы на Кореновскую. В этот день он, отбросив конницу Эрдели, вышел на линию Переяславская—Ново-Корсунская—Сергиевская, а 15-го взял Кореновскую.

* * *

Ввиду неясных слухов о появлении противника у Сергиевской и Дядьковской, полученных к вечеру 14-го, послана была туда новая разведка, а колонны Казановича и Дроздовского были придержаны у Динской.

Когда утром 15-го колонны оказались отрезанными от Тихорецкой, Казанович и Дроздовский, по взаимному соглашению, оставив арьергард с бронепоездом у Динской (из состава 1-й дивизии батальон марковцев и 1-й конный полк²¹. – А. Д.), двинулись на Кореновскую с

²¹ 1-й конный генерала Алексеева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (конный, конно-партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (конные отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полк. Рашпилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпиля убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. 1-й конный генерала Алексеева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II). 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. преобразован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексеева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равностороннего креста с широкой белой каймой, на который слева снизу-направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста белая дата «1917». Командиры: полк. К. Корсун (июнь—сентябрь 1918), полк. В.П. Глиндский (сентябрь—ноябрь 1918), полк. (ген.-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918 – 21 марта 1919), полк. Сабуров (7 апреля – осень 1919).

целью атаковать ее. Марковцы Казановича – в поезде, дроздовцы – на подводах. 2-й конный полк²² был направлен на станцию Раздольная для атаки Кореновской с юго-востока.

С рассветом Казанович, имея всего два батальона марковцев с артиллерией и бронепоездом, атаковал большевиков в направлении станции (Станичная), не дождавшись подхода Дроздовского, и потерпел неудачу: батальоны его залегли, отбиваясь огнем от наступавшей пехоты противника, от атакующей большевистской конницы. В 8 утра войска Дроздовского развернулись севернее железной дороги, направляясь на станицу с запада, и бой под Кореновской, тылом к Екатеринодару, продолжался с новым напряжением в течение всего дня.

Войска Сорокина оказались здесь в значительно превосходных силах и отменного боевого качества. Артиллерия его выпускала огромное количество снарядов.

Напрасны были многократные атаки наших дивизий, выезды «на картечь» батарей, личный пример начальников: Дроздовского, под непрерывным огнем ободрявшего свои войска, Казановича, выезжавшего в цепь противника на броневике в горячие минуты боя, Тимановского²³, водившего лично в атаку батальон марковцев для спасения положения...

Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником, за ручей Кирпели к станице Платнировской. «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, – говорится в описании действий Дроздовской дивизии, – носил очень тяжелый характер... Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности [уйти] от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали [потом] раненых на кострах...»

Дивизии остановились на ночь на позиции за ручьем. Части стали подсчитывать свои поредевшие ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились в порядок. На сове-

²² 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротм. Гаевским 5 марта 1918 г. как конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы – Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая – 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов). К 7 августа состоял из 7, к концу августа из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня до осени 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польшу. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек. 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель, в середине октября – 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. – 71 человек, 5 июня – 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки – 50, 19 октября 1920 г. у Отрады – 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918 г. – первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», вверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротм. Б.А. Гаевский, ген.-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918), полк. Шумов (август 1918 – 11 января 1919), ротм. Поспелов (с 11 января 1919), полк. Б.П. Гаттенбергер, полк. И.Г. Барбович (1 марта – 7 июля 1919), полк. Б.А. Гаевский (врио; 5 июня, 7–17 июля 1919), полк. А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля – 26 ноября 1919), подполк. (полк.) Д.А. Силкин (26 ноября 1919 – 8 августа 1920), полк. В.А. Амбразанцев (до августа 1920), полк. М.А. Кабаров (с августа 1920). Командиры эскадронов: полк. Кушелев, ес. Фролов (убит), ротм. Михайловский (убит), ротм. Сыкалов (убит), ротм. Войцеховский (убит), шт.-ротм. Малиновский (убит), ротм. Спицын, кап. Галицкий, ротм. Полторацкий и др.

²³ **Тимановский Николай Степанович**, р. 1889. Полковник, командир Георгиевского батальона ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. С 12 марта 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир Марковского полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 21 января – начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января – Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, со 2 июня 1919 г. – начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. – начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. в Ростове.

пении, состоявшемся в эту ночь в штабе 3-й дивизии, обстановка рисовалась в крайне мрачном свете. Казанович так описывает это совещание: «Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и искать кружным путем соединения с командующим армией или Боровским... Что надо спасать части от уничтожения...» Казанович протестовал: «Такое отступление развяжет большевикам руки, они [возьмут] Тихорецкую, порвут всякую связь между отдельными частями армии... Операция будет сорвана... наше отступление поведет к поражению армии по частям. С другой стороны, нельзя себе представить, чтобы генерал Деникин оставался в бездействии – очевидно, он направляет все, что ему удалось собрать, в тыл стоящим против нас большевикам».

Казанович, наконец, заявил, что ввиду потери связи с командующим армией он, как старший, на основании полевого устава, вступает в командование группой и приказывает с рассветом возобновить наступление на Кореновскую...

С утра 17-го были сделаны попытки наступления Марковским полком, но безуспешно. Противник в свою очередь перешел в наступление по всему фронту.

С особенной силой большевики обрушились в направлении железной дороги на правый фланг дроздовцев (Солдатский полк²⁴) и на марковцев. Во многих местах окопы наши были захвачены, и в них шел жестокий штыковой бой. С большим трудом благодаря незначительным поддержкам храброго 2-го Офицерского полка²⁵ и батареи доблестного подполковника Миончинского²⁶ удалось восстановить положение.

²⁴ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. на ст. Песчаноокопской из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня – 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля – 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. – 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галлиполи влит в Алексеевский полк. Командиры: полк. К.А. Кельнер (до 19 июля 1918), полк. Н.Н. Дорошечев (19 июля – начало августа 1918), подполк. (полк.) К.Г. Шаберт (по 14 августа, сентябрь – 29 октября 1918), полк. Сипягин (14 августа – сентябрь 1918), полк. М.А. Звягин (29 октября – декабрь 1918, 18 мая – ноябрь 1919), полк. Ильин (декабрь 1918 – 18 мая 1919), полк. Е.И. Зеленин (начало декабря 1919 – 16 апреля 1920), полк. Д.В. Житкевич (21 июня – ноябрь 1920).

²⁵ 2-й офицерский полк (2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с 22 августа 1919 г. 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. – 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован в начале мая 1918 г. в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского. После соединения последнего с Добровольческой армией получил наименование 2-го офицерского и вошел в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя и с 4 января 1919 г. именовался 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. С 14 октября 1919 г. входил в состав Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1352 шт. при 45 пул., в начале августа 1920 г. – свыше 1000 шт., на 21 сентября – свыше 1500. Нес тяжелые потери. В начале 2-го Кубанского похода в бою под Белой Глиной в ночь на 23 июня 1918 г. потерял около 400 человек, в т. ч. до 80 офицеров убитыми. 28 января 1919 г. к северу от Бахмута погибла дроздовская офицерская рота, убито 37 офицеров. 9 января 1920 г. полк потерял около 70 человек, при взятии Ростова 9 февраля – около 220, 31 июля под Гейдельбергом – более 300 человек. Для чинов дроздовских частей в эмиграции установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, верхний и правый концы которого малиновые, а левый и нижний белые, в середине буква «Д» славянской вязи, сверху надпись «Яссы», внизу дата «1917». Командиры: ген.-майор В.В. Семенов (до 21 апреля 1918), полк. М.А. Жебрак-Русанович (22 апреля – 23 июня 1918), полк. В.К. Витковский (24 июня 1918 – январь 1919), полк. К.А. Кельнер (с 18 января 1919), полк. В.А. Руммель (до 11 октября 1919), полк. А.В. Туркул (11 октября 1919 – август 1920), полк. В. Мельников (август – 23 сентября 1920), полк. (ген.-майор) Н.В. Чеснаков (с 23 сентября 1920). Командиры батальонов: полк. Е.Б. Петерс, полк. В.В. Манштейн, подполк. Чертков, шт.-капитан Ройбул-Вакаре, кап. Боровский, кап. (полк.) Тихменев, полк. Ханьков, полк. Бикс, полк. В.П. Коньков, кап. Янчев. Командиры рот и команд: пор. М. Димитраш, пор. Рябоконь (убит), кап. П. Иванов (убит), пор. Усиков (убит), пор. Моисеев (убит), шт.-капитан (полк.) Трусов, кап. П.М. Трофимов, подпор. (кап.) Барабаш, кап. Ковалев, пор. Давидович, пор. Ауэ, пор. Гуревич (убит), кап. Байтодоров, пор. Бураковский, пор. Злобин, пор. Кумачев, шт.-капитан Карнаопуло, полк. Лапков, пор. Григорьев (убит), пор. Домбровский, пор. Чугуев, пор. Бюро, пор. Малашенок (убит), подпор. Цветков, кап. Искрицкий, подпор. Станишевский, подпор. Бикс, пор. Годлевский, кап. Алексеев, шт.-капитан Сосновский и др.

В атаках большевиков, невзирая на их исключительное упорство, добровольцы заметили, однако, какую-то необычайную нервность.

Большевики не просто атаковали – они пробивались...

В то время, когда силы добровольцев были уже на исходе, возле Платнировской спустился летчик штаба армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи со стороны Тихорецкой.

Настроение войск сразу поднялось.

Пополудни над Кореновской появились высокие разрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанский полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника с тыла.

Вскоре на всем поле между Кореновской и Платнировской добровольцы увидели ясную и знакомую им картину «конца», когда поле сразу оживает и по нему мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди... 1-й Кубанский полк²⁷ ворвался в Кореновскую; навстречу ему шел стремительно Марковский. Разбитый противник спешно уходил двумя волнами: одна, смяв правый фланг марковцев, бросилась на юг, на Раздольное, откуда ее встретил атакой 2-й конный полк; другая в сравнительном порядке текла на запад, провожаемая огнем артиллерии Дроздовского, и остановилась тыловыми частями верстах в двух-трех от Кореновской. Дроздовский под впечатлением вчерашнего дня не решился преследовать ее пехотой...

Связь с Тихорецкой была восстановлена. Большевики понесли весьма тяжелые потери – добровольцы пощады не давали. Но и Добровольческая армия была сильно обескровлена. 1-я и 3-я дивизии потеряли 25—30 процентов своего состава. В числе убитых были храбрейшие первопоходники-марковцы полковник Хованский²⁸, подполковник Плохинский²⁹, штаб-ротмистр Дударев и много других...

Не один день потом в Тихорецкой провожал я в могилу прах своих старых соратников, со скорбью в душе и с больной неотвязчивой думой:

– Уходят, уходят... один за другим...

Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и других, войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгнувшиеся в глубь России и отдаленные тысячами верст от своих баз...

²⁶ **Миончинский Дмитрий Тимофеевич**, р. 26 октября 1889 в Казани. Из дворян, сын генерала. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1906), Михайловское артиллерийское училище (1909). Георгиевский кавалер. Подполковник, командир батареи 31-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 12 декабря 1917 г.; с 14 декабря командир Юнкерской батареи, участник похода отряда Чернецова. С 12 марта 1918 г. командир Юнкерской батареи 1-го легкого добровольческого артиллерийского дивизиона, с марта 1918 г. командир 1-й отдельной легкой батареи, с 10 июля 1918 г. командир 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Полковник. Убит 16 декабря 1918 г. у с. Шишкина Ставропольской губ.

²⁷ 1-й Кубанский стрелковый полк был сформирован 1 марта 1918 г. в ауле Шенжий в составе Кубанского отряда как 1-й стрелковый полк, насчитывая 1200 штыков и 4 пулемета (в т. ч. 700 офицеров, 400 юнкеров и 100 казаков) и 60 человек пулеметной прислуги; после соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее 1-й бригады как Кубанский стрелковый полк. С начала июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 16 января 1919 г. – 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1324 штыка при 43 пулеметах. Летом 1920 г. входил в состав 1-й Сводной пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: подполк. (полк.) Р.М. Туненберг (1 марта 1918 – 26 июля 1919), полк. Дмитриев (с 10 августа 1919).

²⁸ **Хованский Иван Константинович** (1-й). Полковник л.-гв. Литовского полка. Участник боев в Петрограде. В декабре 1917 г. главномачальствующий Ростова, затем в 3-й Офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 1 апреля 1918 г. командир 3-й роты Офицерского полка, 21—27 апреля 1918 г. командир Офицерского полка, в июне 1918 г. командир 2-го батальона того же (Марковского) полка. Убит 24 июля 1918 г. у ст. Выселки.

²⁹ **Плохинский Назар Борисович**. Из крестьян. Подполковник. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.; командир 1-й офицерской роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском (Марковском) полку; командир роты, затем командир 1-го батальона. Ранен 16 июля 1918 г. у ст. Кореновской. Умер 19 июля 1918 г.

* * *

К утру 18-го войска Добровольческой армии на екатеринодарском направлении располагались следующим образом: на севере генерал Покровский, ведя весьма упорные бои, форсировал низовья Бейсуга и после уличного боя овладел Брюховецкой. Эрдели расположился главными силами в районе Березанской, одним полком занимая Батуринскую. 1-я дивизия Казановича была на подходе к станице Выселки, выделив Марковский полк на станцию Бейсуг. Дроздовский оставался в районе Кореновской, имея авангард в Платнировской.

Время, когда происходили описанные выше события в южной группе Сорокина, северная продолжала наступление на восток, угрожая Березанской и Выселкам. 18-го большевики выбили Эрдели из Березанской и заняли станицу. В то же время другая их сильная колонна сосредоточилась у хутора Журавского, подойдя к вечеру к станице Выселки и открыв по ней артиллерийский огонь.

Необходимо было покончить во что бы то ни стало с этой группой, вновь угрожающей железной дороге и нашим сообщениям. Я приказал Дроздовскому вести активную оборону Кореновской, а Казановичу, с подчинением ему, кроме 1-й дивизии, и конницы Эрдели, разбить северную группу большевиков.

Казанович 18-го производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном...

На другой день Кореновская группа большевиков с утра большими силами обрушилась вновь на колонну Дроздовского. Весь день шел бой, в течение которого большевики несколько раз врывались в Кореновскую с юга. Одновременно замечено было движение сильной колонны вдоль реки Малеваны, с запада на восток, в глубокий обход позиций 3-й дивизии. Войска Дроздовского проявляли большое упорство, но противник был также необыкновенно настойчив, шел в превосходных силах, а главное, взял уже в свои руки инициативу, приковав Дроздовского к Кореновской и заставив его перейти к пассивной обороне.

Положение Кореновской стало безнадежным.

Понеся серьезные потери, утомленный физически и морально, Дроздовский отдал приказ об отступлении. Начав с трудом вывод войск из боя еще засветло, он в течение ночи отошел на восток верст за 30, в станицу Бейсугскую, оторвавшись совершенно от противника. На другой день (20-го) он донес мне, что за минувшие бои дивизия сильно пострадала, в настоящее время не боеспособна и требует полного отдыха...

Известие об отступлении 3-й дивизии пришло в штаб армии и к Казановичу только пополудни 20-го. Казанович между тем вел упорные атаки Березанской и Журавки. Первая была нами взята; но сопротивление Журавской группы противника разбивало все наши усилия. Войска Казановича, в особенности Марковский полк во главе с Тимановским, ходили многократно в атаку, несли тяжелые потери, но успеха не имели.

21 июля Сорокин был назначен главнокомандующим красных войск Северного Кавказа, и это назначение, по-видимому, повлияло на упорство его войск.

На Екатеринодарском фронте создалось для нас положение тягостной, томительной неопределенности. Только на севере обстановка несколько улучшилась.

20-го наша флотилия, организованная в Ейске, вошла на рейд Приморско-Ахтарской и высадила там небольшой десант, который занял станцию, а в то же время Покровский после упорного боя взял станицы Ново-Джерлиевскую, Роговскую и Ново-Корсунскую, охватив с севера Тимашевский железнодорожный узел.

На 24 июля я вновь назначил общее наступление Екатеринодарской группы, привлекая и 3-ю дивизию.

Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомление дивизии, наступать на Кореновскую, в тыл Северной группе большевиков с целью облегчения задачи Казановича.

Оставив большую половину своих сил для выполнения задачи пассивной – прикрытия усть-лабинского направления, Дроздовский с остальными 24-го двинулся левым берегом реки Бейсужка; но атаковать Кореновскую, занятую, по его сведениям, крупными силами противника, не решился и заночевал на полпути в хуторе Бейсужек. Казанович атаковал опять, опять понес большой урон, и безрезультатно. Между 1-й и 3-й дивизиями создавались натянутые отношения, основанные меньше всего на их боевых достоинствах: и начальники, и части могли поспорить в доблести... Но трудно было сочетать два характера – безудержного Казановича и осторожного Дроздовского, две системы в тактике: у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков; у Дроздовского – медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми «пакетами» для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее.

Утром 25-го Дроздовский продолжал движение, изменив его направление: учитывая слабость своих сил, он отказался от глубокого обхода и решил выйти в ближайший тыл Журавской группе большевиков. Двинувшись на хутор Малеванный и овладев им в десятом часу утра, Дроздовский направил 1-й Солдатский полк в сторону Выселок, где вел бой генерал Казанович. Появление наших войск вызвало большую панику среди большевистских обозов. В течение 4—5 часов Дроздовский, прикрывшись со стороны Кореновской конницей, вел здесь двусторонний горячий бой: обойдя большевиков, он оказался сам обойденным противником, подошедшим к Малеваному с юго-запада от Кореновской. Сдерживая его с этой стороны артиллерийским огнем, Дроздовский лично с «солдатскими» ротами отражал атаки с северо-востока. Большевики, стоявшие против Выселок, повернули в его сторону. Сначала одна волна, которая была расстреляна и уничтожена в штыковом бою, потом вскоре и остальные силы, преследуемые с севера марковцами и 1-м конным полком. Последний в пылу увлечения, гонясь по пятам за большевиками, налетел и на дроздовцев и, пока недоразумение разъяснилось, понес потери от их огня.

Севернее между тем у Журавской 1-й Кубанский полк и конница Эрдели вновь с большим подъемом атаковали позицию противника с севера и северо-востока и, опрокинув большевиков, заняли станицу.

К 4 часам все было кончено.

Армия Сорокина, на этот раз понеся жестокое поражение, отступала на всем фронте, преследуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоездами. К вечеру занята была с бою и Кореновская.

Только в этот день (25-го) я приобрел вновь полную свободу действий и получил возможность продолжать выполнение своего основного плана.

Взятие Екатеринодара

Армия Сорокина уходила с большой поспешностью главной массой в направлении на Екатеринодар, частью на Тимашевскую; там по-прежнему Таманская дивизия оказывала упорное сопротивление коннице Покровского и даже 28-го предприняла серьезное контрнаступление в направлении на Роговскую... На юге отдельная группа большевиков – 4—6 тысяч с артиллерией и бронепоездами – располагалась в районе Усть-Лабинской (постоянная переправа через Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями к Раздольной и Кирпильской. Под прикрытием Екатеринодарской укрепленной позиции и Усть-Лабинской группы по мостам у Екатеринодара, Пашковской, Усть-Лабинской шло непрерывное движение обозов: советское командование перебрасывало свои тылы и коммуникации за реку Кубань...

Невзирая на крайнее утомление войск непрерывными боями, я двинул армию для неотступного преследования противника: Эрдели и Казановича – в направлении Екатеринодара с севера и северо-востока, Дроздовского – против Усть-Лабы. Покровский по-прежнему имел задачей овладение Тимашевским узлом и Боровский – содействие колонне Дроздовского продвижением части сил вниз по Кубани.

27-го кубанская конница Эрдели вышла к Черноморской железной дороге у станции Медведовской, а по Тихорецкой ветви блестящей конной атакой одного из кубанских полков овладела станицей Пластуновской. Дроздовский в этот день взял с бою Кирпильскую, а Корниловский полк – станицу Ладожскую, причем захватили исправный неприятельский бронепоезд с 6 орудиями и 8 пулеметами (дело капитана Морозова).

28-го, продвигаясь вдоль обеих железнодорожных линий, Эрдели занял Ново-Титоровскую и Динскую, подойдя на 20 верст к Екатеринодару. 29-го в районе Динской сосредоточилась и 1-я дивизия Казановича, причем бронепоезд ее подходил в тот день к разъезду Лорис, на полпути к Екатеринодару.

Штаб армии перешел в Кореновскую, потом в Динскую.

Задержка была за Усть-Лабой.

28-го Дроздовский производил развертывание по линии реки Кирпили и на следующий день атаковал Усть-Лабу, одновременно выслав конный полк с полубатареей против Воронежской. 4-й Кубанский пластунский батальон ворвался на станцию и в станицу, но, не поддержанный главными силами, вскоре был выбит оттуда большевиками, подошедшими из Воронежской, отчасти с востока. В разыгравшемся здесь бою большевики, отрезанные от Екатеринодара, сами многократно атаковали с фланга боковыми отрядами главные силы Дроздовского, перешедшие к пассивной обороне, задержав их к северу от станицы; в то же время параллельно фронту шла непрерывная переброска за Кубань по усть-лабинскому мосту большевистских обозов и войск. Только к вечеру по инициативе частных начальников кубанские пластуны ворвались вновь на Усть-Лабу совместно с корниловскими ротами, наступавшими с востока. Арьергард противника, метавшийся между Воронежской и мостом, совместными действиями конницы Дроздовского был уничтожен, захвачены многочисленные еще обозы, орудия, пулеметы, боевые припасы; конница заняла Воронежскую.

30-го дивизия Дроздовского отдыхала. Я послал приказание двигаться безотлагательно к Екатеринодару, оставив лишь небольшой отряд для прикрытия усть-лабинской переправы. В этот вечер и следующий день Дроздовский пододвинулся к станице Старо-Корсунской, войдя в связь вправо с Казановичем.

Таким образом, к 1 августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой армии подошла на переход к Екатеринодару, окружив его кольцом с севера и востока.

1-го предстоял штурм екатеринодарских позиций.

Они тянулись от Кубани, опоясывая Пашковскую, разъезд Лорис, и далее к екатеринодарским «Садам» (предместье города. – А. Д.), пересекая Черноморскую железнодорожную линию; непосредственно впереди города шла вторая непрерывная линия окопов. Местность кругом была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1 августа после ожесточенного боя Покровский взял, наконец, Тимашевскую, и разбитый противник начал отходить в общем направлении на Новороссийск...

В этот же день с раннего утра начались бои на всем Екатеринодарском фронте. Кубанцы Эрдели дошли до «Садов», сбивая передовые части противника, поддержанные бронепоездом; Казанович после горячего боя овладел разъездом Лорис и продвинулся вперед версты на две; Дроздовский потеснил противника к станице Пашковской и занял разъезд того же имени. В таком положении наши войска застала ночь, а наутро возобновился опять упорный бой.

Я шел с войсками Казановича. Все поле боя было видно как на ладони; вдали виднелись знакомые очертания города... Четыре месяца тому назад армия уходила от него в неизвест-

ное, раненная в сердце гибелью любимого вождя. Теперь она опять здесь, готовая к новому штурму...

Шел непрерывный гул стрельбы. Быстро подвигался вперед 1-й Кубанский полк под сильным огнем; левее цепи Дроздовского (4-й Кубанский пластунский батальон и батальон 2-го Офицерского полка. – А. Д.) катились безостановочно к Пашковской, на некоторое время скрылись в станице и потом появились опять, пройдя ее и гоня перед собой нестройные цепи противника... Проходит немного времени, и картина боя меняется: начинается движение в обратном направлении. Наши цепи отступают в беспорядке, и за ними текут густые волны большевиков, подоспевших из резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая и левому флангу Казановича. Дроздовский, вызвав свои многочисленные резервы, останавливает с фронта наступление противника; я направляю батальон Кубанского стрелкового полка в тыл большевикам: скоро треск его пулеметов и ружей вызывает смятение в рядах большевиков. Волна их повернула вновь и откатилась к Екатеринодару.

К вечеру Дроздовский занимал опять Пашковскую, заночевав в этом районе. Казанович продвинулся с боем до предместья.

На фронте Эрдели, у Ново-Величковской, бригада кубанцев (запорожцы и уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивавшуюся на соединение с Тимашевской группой большевиков. К концу дня Эрдели атаковал на широком фронте арьергарды противника с севера и запада от Екатеринодара и в девятом часу вечера ворвался в город.

Утром 3-го наши колонны, штаб армии вступали в освобожденный Екатеринодар – ликующий, восторженно встречавший добровольцев. Вступали с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретя какое-то особое мистическое значение.

Еще на улицах Екатеринодара рвались снаряды, а из-за Кубани трещали пулеметы, но это были уже последние отзвуки отшумевшей над городом грозы. Войска Казановича овладели мостом и отбросили большевиков от берега.

В храмах, на улицах, в домах, в человеческих душах был праздник – светлый и радостный.

МАРКОВЦЫ ВО ВТОРОМ ПОХОДЕ НА КУБАНЬ³⁰

Восстание донских казаков разрасталось, но шло медленно и неуверенно. Не было всеобщего подъема. На выбранного в атаманы генерала Краснова³¹ ложилась трудная задача: поднять казачий свободолюбивый дух, формировать крепкие части, и это – в условиях борьбы и неустойчивости положения в тылу. Немцы помогали Дону лишь вооружением и боеприпасами и поддержкой формирования на его территории Южной³² и Астраханской³³ армий, протекавшего весьма слабо.

³⁰ Приводимые здесь воспоминания марковцев приводятся по книге подполковника В.Е. Павлова, составленной по запискам и дневникам более 100 чинов марковских частей: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Т. 1. Париж, 1962. Павлов Василий Ефимович. Окончил Алексеевское военное училище (1914). Капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 7-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с июня 1918 г. помощник командира, с июля 1918 г. командир 7-й роты. В октябре 1919 г. командир 3-го батальона в 3-м Марковском полку, в Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. В эмиграции во Франции.

³¹ **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889). Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. В октябре 1917 г. возглавлял части, верные Временному правительству, в боях под Петроградом. В феврале 1918 г. прибыл с остатками корпуса на Дон и до весны скрывался в ст. Константиновской. С 4/17 мая 1918 г. войсковой атаман Всевеликого Войска Донского. Генерал от кавалерии (1918). Находясь на этом посту, возглавлял сопротивление большевикам донского казачества. Придерживался прогерманской ориентации и с образованием Вооруженных сил Юга России и включением в их состав Донской армии 2/15 февраля 1919 г. ушел в отставку. С 22 июля 1919 г. в рядах Северо-Западной армии ген. Юденича, где возглавлял отдел пропаганды и вместе с писателем А.И. Куприным организовал ежедневную газету «Приневский край», затем с января 1920 г. был представителем армии в Эстонии. В эмиграции в Германии. С марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. В составе Казачьего Стана сдался англичанам и выдан 19 мая 1945 г. в Лиенце советским властям. Казнен в Москве 17 января 1947 г.

³² Южная Армия формировалась летом 1918 г. в Киеве союзом «Наша Родина» (герц. Г. Лейхтенбергский и М.Е. Акацатов), имела монархическую и прогерманскую ориентацию. В июле 1918 г. при союзе в Киеве было образовано бюро (штаб) армии, которым руководили полковники Чеснаков и Вияловский, имевшее целью вербовку добровольцев и отправку их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губ., где формировалась 1-я дивизия ген.-майора В.В. Семенова. Начальником штаба армии был приглашен ген.-майор К.К. Шильдбах, начальником контрразведки армии в Киеве в августе 1918 г. был будущий создатель Русской Западной армии подполк. П.Р. Бермондт (кн. Авалов). В августе началось формирование 2-й дивизии ген.-лейт. Г.Г. Джонсона в Миллерово и штаба корпуса. В течение трех месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые отправлено в армию около 16 тысяч добровольцев, 30% которых составляли офицеры, и около 4 тысяч в Добровольческую армию через Донского атамана П.Н. Краснова. В Пскове вербовочное бюро армии возглавлял подполк. Бучинский. В конце августа были сформированы эскадрон 1-го конного полка (полк. Якобсон) в Черткове и пехотный батальон в Богучаре. В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, сохранивших свои знамена и штандарты, вступить в армию при условии сохранения их частей. Идею создания армии активно поддерживал гетман П.П. Скоропадский. Именно он передал в армию кадры 4-й пехотной дивизии (13-й Белозерский и 14-й Олонецкий полки), из которых планировалось еще весной создать Отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Кроме того, Южной армии были переданы кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий, почти не использованные в гетманской армии. Именно они послужили основой для 1-й и 2-й дивизий Южной армии. Немецкое командование, видя в Добровольческой армии силу себе враждебную, препятствовало поступлению в нее добровольцев, поощряя, напротив, комплектование Южной Армии, в результате чего многие офицеры были дезориентированы и в итоге не попали ни в одну из них. Предполагалось, что Южная Армия будет действовать вместе с Донской, и П.Н. Краснов требовал перевода этих формирований в Кантемировку. 30 сентября 1918 г. Донской атаман издал приказ о формировании Особой Южной армии из трех корпусов: Воронежского (бывшая Южная Армия), Астраханского (бывшая Астраханская армия) и Саратовского (бывшая Русская народная армия) во главе с ген. Н.И. Ивановым (нач. штаба ген. Залесский). Осенью 1918 г. она насчитывала более 20 тысяч человек, из которых на фронте находилось около 3 тысяч бойцов. После перевода частей Южной Армии в район Чертково и Кантемировки обнаружилось, что их насчитывается едва 2000 человек, в т. ч. не более половины боеспособных. К октябрю боевой элемент Южной Армии исчислялся всего 3,5 тысяч человек. К концу октября, после четырех месяцев формирования армия насчитывала едва 9 тысяч штыков. Она (теперь под названием «Воронежский корпус»; ген.-лейт. кн. Н.П. Вадбольский) была передана Северо-Восточному фронту Донской армии, и 7 ноября 1918 г. ген. Семенов со своей дивизией выступил на фронт. Однако в ноябре при 3000 штыков на фронте армия имела в тылу более 40 штабов, управлений и учреждений и в ней числилось около 20 тысяч человек. Части армии, действовавшие на воронежском направлении, понесли большие потери. В феврале—марте 1919 г. они были переформированы и вошли в состав 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

³³ Астраханская армия формировалась рядом организаций крайне правого направления в Киеве летом 1918 г. независимо от Южной Армии, но одновременно с ней и, в отличие от последней, была очень тесно связана с германским командованием. Одним из ее организаторов был полк. Потоцкий. Как и Южная, формировалась при непосредственном участии гетмана П.П.

Против Дона красные сосредоточили большие силы и оказывали ему активное сопротивление. Прошло лишь всего недели две, как Добровольческая армия перешла с Кубани на Дон, едва изжила в себе внутренний кризис, была ничтожной численности, но атаман Краснов уже настоятельно просил генерала Деникина о выступлении на помощь донцам на царицынском направлении. Основания к этой просьбе были весьма существенны: помимо физической и моральной помощи восставшим, Добровольческая армия выходила бы на дорогу к центру России; взятие Царицына удаляло бы ее от немцев и давало бы ей большую свободу действий; в Царицыне армия нашла бы столь нужные ей боевые припасы; там она пополнилась бы бойцами и при продвижении на север она вливалась бы в свои ряды выражающее открыто недовольство красной властью крестьянское население. Затем, очень важно для боевых действий, – взятие Царицына прерывало бы связь центра красных с их армией на Северном Кавказе, что приводило бы к ослаблению последней, и, наконец, Добровольческая армия приблизилась бы к Чехословацкому корпусу³⁴, базировавшемуся на Самару, настроенному явно против большевиков и считающему себя в продолжении борьбы с Германией, как и Добровольческая армия.

Командование Добровольческой армии соглашалось со всем этим, но учитывало и другое. Оно считало, что пассивность красных на Северном Кавказе явление временное и что они неизбежно перейдут в наступление на Дон, а тогда незначительные донские части, стоящие против них, не будут в силах сдержать его. Дон, атакованный с тыла огромными силами, неизбежно подвергнется разгрому, и тогда ему не поможет уже и Добровольческая армия.

Силы красных, стоявшие на южном рубеже Дона, исчислялись следующими цифрами:

1 – в районе Азов—Батайск—Кушечка, частью против немцев, частью против Добровольческой армии, стояла армия Сорокина в 30—40 тысяч человек при 80 орудиях и двух бронепоездах.

2 – в районе Тихорецкая—Торговая – группа в 30 тысяч человек при слабой артиллерии, целиком стоящая против Добровольческой армии.

3 – в углу между реками Маныч и Сал, с центром в станице Великокняжеской, – группа в 12 тысяч человек при 17 орудиях, висевшая на фланге Добровольческой армии, против которой стоял отряд донцов в 3 тысячи человек, подчиненный ее командованию.

Скоропадского: ей были переданы значительные суммы из украинской казны. В армии служило также немало офицеров – уроженцев нижнего Поволжья. После 1-го Кубанского похода в Астраханскую армию из Добровольческой по призыву шт.-кап. В.Д. Парфенова перешли до 40 только что произведенных офицеров (через полтора месяца от них осталось 8 человек). Части армии, действовавшие на царицынском направлении, понесли большие потери. 30 сентября 1918 г. приказом Донского атамана была преобразована в Астраханский корпус (корпус Астраханского казачьего войска) и включена вместе с частями Южной Армии и Русской народной армии в состав Особой Южной армии. Астраханский корпус во главе с Астраханским атаманом полк. кн. Тундуговым (нач. штаба полк. Рябов) насчитывал около 3000 человек пехоты и 1000 конницы и оборонял степи за Манычем. Реально в корпусе был сформирован лишь 1-й Астраханский пехотный (1-й Астраханский добровольческий) полк. 12 апреля 1919 г. корпус был расформирован и его части вошли в состав Астраханской отдельной конной бригады и 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

³⁴ Чехословацкий корпус был сформирован в 1917 г. на Юго-Западном фронте из военнопленных австрийской армии чехов и словаков, добровольно пожелавших воевать на стороне России. Включал 2 дивизии и запасную бригаду (всего сначала около 30, затем 45 тысяч человек). После большевистского переворота и Брестского мира был отправлен на Западный фронт через Сибирь, и к лету 1918 г. эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Наиболее крупные группировки находились в районах Пензы, Сызрани и Самары (8 тысяч; пор. С. Чечек), Челябинска и Миаса (8,8 тысячи; полк. С.Н. Войцеховский), Новониколаевска и ст. Тайга (4,5 тысячи; кап. Р. Гайда), во Владивостоке (около 14 тысяч; ген. М.К. Дитерихс), а также Петропавловска, Кургана, Омска (кап. Сыровой). 25 мая 1918 г. при попытке большевиков разоружить корпус чехословацкие части выступили против них, создав благоприятные условия для ликвидации советской власти в Поволжье и Сибири. Летом 1918 г. части корпуса вели бои с большевиками вместе с Сибирской и Народной армиями, но осенью, когда их лучший элемент был в основном выбит, стали отводиться в тыл и в дальнейшем не принимали участия в боях, сосредоточившись вдоль Транссибирской магистрали. Во время Великого Сибирского Ледяного похода сыграли крайне отрицательную роль, заняв своими эшелонами железнодорожные пути и мешая отходу войск Восточного фронта. Командир ген.-майор В.Н.Шокоров. Нач. штаба ген.-лейт. М.К. Дитерихс.

Кроме того, во всех крупных пунктах Кубани и Ставрополя были красные гарнизоны, задача которых – подавлять восстания казаков и готовить резервы для красной армии из неистощимого запаса людей, сочувствующих большевикам.

Но сила красных на Северном Кавказе была не только в их численности, но и качественная, и моральная. Во-первых, потому, что немалую часть их составляли целые части бывшей Кавказской армии, бившиеся с турками, уже организованные, обученные и сплоченные. Во-вторых, в состав армий входили тысячи матросов Черноморского флота. И в-третьих, вся эта масса, отрезанная от центра России, но стремящаяся «по домам», веря комиссарам, не видела иного выхода, как только силой прочистить себе путь на север, что поднимало ее дух и решимость. Уверенность в успехе поддерживали комиссары, указывая на слабость как казаков, так и «деникинцев».

Учитывая это, командование Добровольческой армии считало, что прежде, чем начать наступление на север, необходимо разбить красных на Северном Кавказе, создать там базу снабжения и спокойный тыл. Кроме того, Северный Кавказ даст дополнение в армию и главным образом конницей, роль которой в текущей войне огромная. Считалось, что освобождение Северного Кавказа не займет долгое время, т. к. кубанские и терские казаки готовы к борьбе с красными, а за это время донцы смогут удержаться.

Было и еще одно веское основание идти на юг: Добровольческая армия наполовину состояла из кубанских казаков, стремившихся скорее освободить свои станицы. Это – более чем основание; это моральное обязательство.

Итак, Добровольческая армия пойдет на юг – на Кубань!

Начало похода

Когда генерал Марков вернулся из отпуска, в частях его дивизии решили: на днях пойдем в дело! Обсуждался вопрос: в каком направлении? Высказывались две мысли: на Сосыку и на Торговую – обе наперерез железным дорогам. Однако для всех было безразлично – куда. Подсчитывались силы Добровольческой армии: 5 пехотных полков, инженерные роты, пластунские батальоны, не менее 6 конных полков. Насчитывалось что-то не более 10 тысяч штыков и сабель (согласно сведениям генерала Деникина: до 9 тысяч штыков и сабель, 21 орудие, 2 броневых автомобиля). О силах противника не имелось представления, кроме уверенности во много раз превышающей его численности. Но это вовсе не играло никакой роли в настроении добровольцев: была вера в себя и вера в Вождей.

Проходили дни без каких-либо явных признаков скорого похода. Но вот 7 июня с переднего фаса фронта пришли в Егорлыкскую два батальона Кубанского стрелкового полка и взвод батареи: как будто началось сосредоточение частей. А 8 июня – реальный признак к выступлению: по станице прошел станичный трубач и объявил казакам распоряжение о приготовлении каждым двором по полпуду сухарей и приведении в порядок стоведерных бочек на колесах.

Однако почему же не возвращается 1-й Офицерский полк? Генерал Марков ничего не говорит, а спрашивать его рискованно. Наконец, 9 июня в частях дивизии объявлено: готовиться к походу; к вечеру все должно быть готово.

С наступлением ночи на северо-восточной окраине станицы выстроились:

1 – Кубанский стрелковый полк.

2 – Инженерная рота³⁵.

³⁵ Марковская инженерная рота (1-я Отдельная инженерная генерала Маркова рота). Образована в Добровольческой армии в середине марта 1918 г. из Технической роты как 1-я Инженерная рота. 8 декабря 1919 г. получила имя генерала С.Л. Маркова. Входила в состав 1-й бригады, с начала июня 1918 г. – 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. – Марковской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала 563 человека. Командир полк. Г.М. Гротенгельм.

3 – 1-я батарея (2 орудия)³⁶.

4 – Отдельная конная сотня.

«И это – вся дивизия?» – задавали недоуменный вопрос, но оказалось, что ей приданы еще и

5 – Донской пеший полк с 1 орудием и

6 – небольшого состава Донской конный полк. Подъехал генерал Марков. Он здоровался с каждой сотней отдельно, приветствуя с походом и предупреждая экономить воду.

– Кубанцам поменьше есть сала, – шутил он.

– Свое все вышло, а у гостропузых (так кубанцы называли донцов) нет в заведении солить. Пора идти нам на Кубань за новыми запасами, – весело отвечали кубанцы.

Возразил на это казак-донец, бывший при генерале Маркове для связи:

– Никак нет, ваше превосходительство! Куркули (так донцы называли кубанцев) брешут, что сало поели; они его поизрасходовали на пятки, когда утекали с Кубани.

Все смеялись. Поход начался очень весело. Хорошо и легко было идти свежей ночью.

10 июня. Рассветало. Колонна с небольшими остановками продолжает идти. Солнце быстро подымалось и начинало припекать, и главное, прямо в лицо. Начинала мучить жажда, и у людей быстро стали опоражниваться фляги. Большой привал. Раздача воды из бочек: по ведру на лошадь и на взвод людей. Генерал Марков присутствует при раздаче воды. Люди жуют сухари и запивают водой. Лошади «просят» добавка воды, и генерал Марков отпускает им его.

Снова в пути... Кругом голая степь и нестерпимый зной. Люди, кони уже не идут, а еле плетутся. Ведут колонну конные калмыки-проводники. Кто-то спросил одного из них:

– Сколько верст осталось до зимовника?

– Не знаю. Никогда не ходил, а на лошадях часа через два дойдем, – ответил тот.

И действительно, вскоре на горизонте показались признаки растительности. Заметили это и кони и пошли быстрее. Последние версты две они даже подымались перейти в рысь. Пройдя около 30 верст, колонна остановилась в большом, богатом зимовнике. Был объявлен привал до ночи. В течение семи часов люди и лошади просидели в воде большого пруда, к великой досаде дежурного батальона. С наступлением ночи колонна снова двинулась в путь.

11 июня. К рассвету она вошла в большой зимовник (Королькова). Зимовник пуст: ни людей, ни скота. Здесь уже хозяйничали большевики. В огромный колодезь, снабжавший зимовник водой, ими сброшенадохлая лошадь. После небольшого отдыха колонна перешла в другой небольшой зимовник, совершенно разрушенный. Уже все знали, что дивизия подходит к железной дороге Тихорецкая—Царицын и, следовательно, скоро бой. Колонна здесь простояла до ночи. Генерала Маркова не было видно. Узнали, что он с конной сотней и батареей выехал на разведку в направлении на станцию Шаблиевка.

Маленький отряд, не доехав до станции Шаблиевка верст 8—10, остановился. С возвышенного места генерал Марков отлично видел станцию, хутор Попова в 2 верстах перед ней, в пологой балке с речкой. Противника не видно. Картина мирная. Но показался поезд, идущий к станции с юга. «Обстрелять его!» – приказал генерал Марков батарее. Снаряды ложились на большом недолете. От выстрелов картина быстро изменилась: на окраинах хутора и станции появились цепи красных. Разъезд, посланный влево, донес о красной кавалерии. Генерал Марков повел отряд влево, в северном направлении. Колонна кавалерии, силою в полк, шла

³⁶ 1-я Офицерская батарея. Ведет происхождение от Сводной Михайловско-Константиновской батареи. С декабря 1917 г. входила 1-й батареей в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион (I) Добровольческой армии. При расформировании его в середине марта 1918 г., включив в свой состав 4-ю батарею дивизиона, стала именоваться 1-й отдельной батареей, приданной 1-й бригаде. С начала июня 1918 г. вошла в состав 1-й пехотной дивизии. С формированием 8 июля 1918 г. второй батареи развернулась в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион (II). С 7 августа 1918 г. 1-я батарея дивизиона именовалась 1-я генерала Маркова батарея. Командир подполк. Д.Т. Миончинский. Командиры орудий: шт.-капитан А.А. Шперлинг, пор. Казанли (убит), подьесаул Золотарев, кап. Рудницкий, кап. Б.В. Харьковцев 1-й, пор. Н. Боголюбский, Начальники команд: подпор. Давыдов, подпор. Гагеман.

на пересечение пути отряду. До нее было верст пять. «Рассеять ее!» – отдается приказание батарее. Беглым и удачно направленным огнем колонна была рассеяна и ускакала в направлении станции. Отряд продолжал движение к реке Маныч. Вскоре подскакал разъезд от донцов и доложил генералу Маркову о переходе красных на южный берег реки Маныч. Отряд направляется в указанном разъездом направлении и опять артогнем принуждает красных, очевидно их разведывательные части, быстро удалиться за реку.

Генерал Марков доволен: стало известно расположение сил противника и возможные его действия; но главное то, что противник узнал о готовящемся на него наступлении с участием артиллерии, а это, возможно, побудит его усилить оборону станции подводом к ней сил с других участков, и в частности от станции Торговая.

Вся эта разведка, оказавшаяся столь сложной, протекала быстро; к вечеру генерал Марков уже был в своей дивизии и отдал приказание о расположении частей на ночь и об охране. Инженерная рота, конные части в зимовнике. Кубанский стрелковый полк и батарея – на северной его окраине, окружив себя подводами, наподобие древнего вагенбурга, выставив на позиции пулеметы и орудия. Донской пеший и конные полки в отделе – в сторону реки Маныч.

Генерал Марков объехал части. «Инженерам» он сказал:

– Ночь отдыхать будем здесь. Сегодня нет желания драться с красной сволочью. А завтра дадим бой, что небу будет жарко. Спите спокойно!

В наступившей ночи генерал Марков собрал всех начальников частей в расположении батареи у ее костра, позволив чинам батареи присутствовать при его совещании.

Прежде всего он осветил обстановку на фронте всей армии и данную ей задачу. Армия должна атаковать противника в районах станций Торговая (2 и 3 пех. и конная дивизии) и Шаблиевка (1 див.). Завтра, 12-го, начнется наступление. Его дивизия, выступив с места стоянки задолго до рассвета, будет наступать следующим образом: Кубанский стрелковый полк – прямо на Шаблиевку. Ему придется выбить противника из хутора Попова, сбить его с позиций на другом берегу речки, а затем атаковать и взять станцию, причем нельзя допустить, чтобы противник взорвал мост. Батарее задача – всемерная поддержка пехоты. Донской пеший и конный полки будут прикрывать наступление с севера. Инженерная рота – в резерве. Задачи конной сотне будут даваться в ходе боя. Генерал Марков закончил, с присущим ему весельем, словами:

– Кажется, все, как положено по полевому уставу. Да?! Заместители: полковник Третьяков, Туненберг и ты – Миончинский. – Затем, обратившись к артиллеристам, сказал им: – А вам всем, господа, могу сказать вот что: на пехоту ляжет штурм станции, а вам придется принять на себя весь огонь артиллерии и бронепоездов в открытом поле. Будут потери, но – учить мне вас нечему!

Отпустив начальников, генерал Марков завернулся в бурку и уснул тут же у батарейного костра.

Бой у станции Шаблиевская

12 июня. Дивизия была поднята задолго до рассвета и в темноте двинулась, имея впереди дозорные цепочки Кубанского стрелкового полка. Когда раздались первые выстрелы сторожевого охранения красных, полк, не останавливаясь, развернулся в боевой порядок.

Светало. Впереди показался хутор, и вскоре оттуда по наступающим затрещали пулеметы и массовый ружейный огонь. Затем открыла огонь и батарея противника, стоявшая у станции. Стрелки вынуждены продвигаться перебежками по открытой и ровной местности. Атака неизбежно сулит большие потери. Генерал Марков это видит и приказывает командиру конной

сотни, есаулу Растегаеву³⁷, указывая на низину вправо, обскákat по ней хутор с юго-востока и атаковать его. Сотня, проделав предварительный маневр по низине, с расстояния чуть ли не с версту, кинулась в атаку на хутор. Она налетела на левый фланг расположения красных. Снаряды красных рвались сзади нее. Огонь пехоты с противоположного берега речки почти не нанес ей потерь, когда она с гиком ворвалась в южный край хутора, захватив сразу же два пулемета и до 150 пленных. Углубиться в хутор сотня не смогла, но ее удар заставил красных оставить позиции перед хутором.

Генерал Марков, увидев это, вместе с группой бывших с ним конных помчался к хутору. Орудие штабс-капитана Шперлинга с батарейным пулеметом скачет за генералом Марковым, обогнав цепь стрелков. Вскочив в хутор, группа конных с генералом Марковым была встречена огнем. Двое свалились с лошадей. Пулемет и орудие открыли огонь по сараям, в которых задержались красные. Помогла и артиллерия противника, снаряды которой ложились как раз по расположению красных. Через короткое время подбежали цепи стрелков. Хутор занят. Стрелки бегут вперед, на плечах убегающих красных переходят мост через речку и продолжают наступление на станцию.

За это время 1-я батарея обстреляла идущий из Торговой эшелон, подбила его паровоз и засыпала снарядами красных, выскочивших из эшелона и бегущих на станцию. Она заставила замолчать красную батарею и сняться с позиции. Но обстрел хутора артиллерийским огнем продолжался: стрелял красный бронепоезд.

Генерал Марков вышел из хутора, чтобы видеть переправу стрелков через речку. Он отдавал распоряжения кубанцам и батарее. Близко рвались снаряды. Есаул Растегаев, бывший в это время с ним, едва уговорил генерала Маркова уйти в хутор, но и там, едва он отошел от одного здания, как на месте, где он был, разорвался снаряд.

– Знатно, но поздно! – бросил генерал Марков.

Генерал Марков должен видеть все поле боя, должен видеть противника, его бронепоезд и красных, оставляющих свой подбитый эшелон, о чем ему только что доложили. Он взбирается на крышу одного сарая, где батарея устраивает свой наблюдательный пункт. Но быстро спускается: приехал разъезд от 3-й пехотной дивизии. Выслушав доклад о положении у станции Торговая, он приказывает передать туда, что его дивизия сбита красных с выдвинутой их позиции и переходит к атаке станции Шаблиевка, и сам спешит опять на окраину хутора. Рвутся снаряды красных. Стреляет их бронепоезд, стоявший у самого моста. Есаул Растегаев снова просит генерала Маркова уйти с явно наблюдаемого противником места, но, получив задачу для конной сотни, отходит от него.

Было около 6 часов утра. Артиллерийский бой в полном разгаре. В 1-й батарее уже выбыло из строя 9 человек и 7 лошадей. Кубанские стрелки атакуют станцию, и вдруг...

«Один из вражеских снарядов упал с левой стороны, шагах в трех от генерала Маркова. Раздался взрыв, и генерал Марков как подкошенный свалился на землю. Рядом – его белая папаха».

«Наблюдая за ним, я и находящийся рядом со мной прапорщик Петропавловский бросились вперед и подбежали к генералу Маркову. В первое мгновение мы думали, что он убит, т. к. левая часть головы, шея и плечо были разбиты и сильно кровоточили, он тяжело дышал. Мы немедленно подхватили раненого и хотели унести его назад, за сарай, как раздался новый взрыв

³⁷ **Растегаев Михаил Петрович.** Из казаков ст. Некрасовской Кубанской области. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Подъесаул 1-го Кавказского казачьего полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском конном полку, в марте 1918 г. придан Офицерскому полку. Есаул. В августе 1918 г. войсковой старшина в Марковских частях, с сентября 1918 г. командир конно-артиллерийского дивизиона, с января 1919 г. полковник в Кубанской казачьей дивизии, с октября 1919 г. командир 1-го Партизанского полка Кубанского казачьего войска, март 1920 г. командир Кубанского казачьего полка и бригады. Генерал-майор (1919). С марта 1920 г. в отставке. Галлиполиец; комендант штаба 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. Умер 6 июля 1961 г. в Париже.

с правой стороны. Мы невольно упали, прикрыв собой генерала. Когда пролетели осколки, мы отряхнулись от засыпавшей нас земли, снова подняли его и перенесли в укрытие», – из записки кубанского стрелка, поручика Яковлева, бывшего со взводом в прикрытии батареи.

Больше бронепоезд красных уже не стрелял по хутору: он уходил на север.

Смерть генерала Маркова

Раненого перенесли в дом. Доктор ужаснулся при виде ранения: осколочное ранение в левую часть затылка и вырвана большая часть левого плеча.

– Положение безнадежно, – сказал он.

Стоявшие тут перекрестились. Генерал Марков тяжело дышал. Спустя часа два он пришел в сознание.

– Как мост? – спросил он.

Командир Кубанского стрелкового полка поднес к лицу генерала его икону, которую всегда возил его ординарец. Генерал Марков поцеловал икону и сказал отрывисто:

– Умирую за вас... как вы за меня... Благословляю вас... – Дальше нельзя было разобрать, что говорил он.

Через несколько минут его не стало...

А в это время кубанцы ворвались на станцию и отбросили красных на север за реку. Железнодорожный мост оказался неповрежденным. Дивизия под командой генерала Маркова выполнила задачу, но тяжелой ценой!

12 июня 1918 года у станции Шаблиевская был смертельно ранен и скоро скончался генерал Марков.

Все потрясены этой смертью. Текут неукротимые слезы у «инженеров» и «батарейцев», всхлипывают кубанцы прикрытия у батареи, полюбившие до самозабвения генерала с первого момента, как только встали под его команду.

Полковник Третьяков³⁸, заместивший генерала Маркова, едва смог собрать в себе силы, чтобы руководить еще не закончившимся боем. По его приказанию батарея должна быстро ехать к станции, для непосредственной поддержки кубанцев. С трудом снялась она...

Весть о смерти генерала Маркова дошла до одержавшего большой успех Кубанского полка и быстро распространилась по его цепи. Стрелки сбились в кучки, потеряли свой порыв. Беспокойство было на лицах их. Перейди противник в контрнаступление, не удержались бы они. Где генерал Марков – там победа! Нет теперь его...

* * *

У тела погибшего стояли почетные часовые от Кубанского стрелкового полка и Инженерной роты. На нем лежал флажок: черный с белым Андреевским крестом, флажок первого командира Офицерского полка.

При тусклом мерцании света лампы и свечей, тихими шагами входили и выходили из комнаты, где лежал Вождь, соратники, творя молитвы о вечном упокоении души усопшего.

³⁸ Третьяков Александр Николаевич, р. 1877. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию. Полковник, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии со 2 января 1918 г.; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 марта 1918 г. командир 4-й батареи, с марта 1918 г. при штабе генерала Маркова, затем командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с 4 апреля 1919 г. командир 1-й артиллерийской бригады, с июня 1919 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 г. начальник Алексеевской дивизии, с 16 октября 1919 г. командир Алексеевской бригады. С 26 марта 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (1918 г.). Застрелен 14 октября 1920 г. у с. Днепровка.

А за стенами дома – бойцы в тяжелых думах. Вяло, с глубокими вздохами, они перебра-
сываются фразами все о нем, о своих душевных переживаниях, о своих тревогах...

Нет уже ни Корнилова, ни Маркова...

Почему в этой кровавой борьбе, когда так нужны люди сильные, авторитетные, люди ума
и воли, люди, подающие пример любви к Родине – злой рок вырывает их из рядов Армии?

«Сердце упало... Уныния не было, не было и отчаяния: была какая-то пустота. Ото-
мстить, отомстить! Ко многим счетам прибавился еще один – огромный. Не такой смерти
заслуживал генерал Марков».

«Нам продлена еще жизнь для того, чтобы мы продолжали выполнять свой Долг перед
Родиной, и выполнять его так, как показал нам генерал Марков и те, кто погиб в бою...»

На следующий день, 13 июня, гроб с телом генерала Маркова был перенесен на станцию
Шаблиевка, погружен в вагон и отправлен на станцию Торговая, накануне взятую армией. В
последний раз отдали ему честь стрелки, «батареи» и «инженеры»... Дрожали винтовки в
их руках, слезы лились из глаз. Почетный караул от Инженерной роты сопровождал гроб.

«К 19 часам 13 июня на улице, ведущей от станции Торговой в центр села Воронцовского,
выстроились войска. Уже в сумерках с вокзала двинулась печальная процессия. Над гробом
генерала Маркова плавно колыхался его черный с крестом флаг.

В церкви села отпевали и прощались с дорогим для всех нас генералом Марковым.

Главный священник армии в своем последнем слове призывал всех нас дать клятву
выполнить долг до конца. И клятва эта была мысленно дана.

В этот момент каждый из нас, ярче чем когда-либо, чувствовал правоту творимого
армией дела и уходил от гроба генерала Маркова с полной уверенностью, что дело армии будет
завершено» – так писал в газете «Свободный казак» кубанец.

Можно ли описать те переживания, которые перенес генерал Деникин, узнав о смерти
генерала Маркова и прощаясь с ним? Какое должно было быть самообладание у человека и
Вождя маленькой армии, начавшей свой новый поход и понесшей в первый же день незна-
чимую потерю, чтобы не потерять сердце, не предаться унынию?

«После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей и отдался своему
горю. Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...»

Ночью гроб с телом генерала Маркова был отправлен для погребения в город Новочер-
касск, куда и прибыл 14 июня.

* * *

Весть о смерти генерала Маркова стоявший в Новочеркасске 1-й Офицерский полк полу-
чил утром 13 июня. Она потрясла всех. Была отслужена первая панихида...

Всего лишь несколько дней назад генерал Марков был здесь, был в центре всех разгово-
ров, вызывал желание и надежды всех и главным образом «молодых» идти в бой под его руко-
водством, быть достойными его подчиненными, уметь бороться «по-марковски».

Теперь – печаль молчаливая, глубокая...

Вечером полк построился снова. Командир полка, полковник Тимановский, прочел при-
каз генерала Деникина и затем сказал: отныне каждый чин полка носит имя первого его коман-
дира; не будет с нами генерала Маркова, но он будет жить в сердцах всех нас и незримо вести
нас, руководить нами; мы увековечим его память своей жертвенной любовью к Родине, непоко-
лебимым духом, своими делами, пример которых он показал нам; мы в рядах полка его имени
будем выполнять свой долг с полной верой, что Россия снова будет Великой, Единой и Неде-
лимой. И, в конце своего слова, добавил: чтобы укрепить нашу духовную связь с Шефом, уста-
навливается день полкового праздника в день его Ангела – 25 сентября, день, посвященный
святому Сергию Радонежскому.

Стало как-то легче на душе у добровольцев.

* * *

Утром 14 июня гроб с телом генерала Маркова и несколько других гробов с убитыми был привезен в Новочеркасск и поставлен в Войсковом соборе, а затем он был перенесен в домовую церковь при Епархиальном училище.

Все в городе узнали об этом и пошли поклониться телу убитого, всем известного генерала.

«Я немедленно, чуть не бегом отправился в собор, – записал полковник Биркин³⁹. – Подхожу к клиросу и вижу несколько гробов, стоящих на левом крыле. Вхожу на клирос и сразу остановился у первого гроба, т. к. через стекло, вделанное в крышке, увидел лицо своего удивительного командира полка.

Не помню уже, как долго я стоял над гробом.

Мыслей не было, а я не мог оторвать свой взор от лица того, кого больше всех других уважал и более всех других боялся.

И, положив земной поклон великому воину и еще раз взглянув на того, который ничего не боялся, я поплелся домой.

Если бы все генералы были такие, как он, – думал я...

После смерти двух великих людей: генерала Корнилова и генерала Маркова, остался в живых только один, третий – генерал Деникин, заместитель последних и равный им. Что ожидает его?»

В церкви Епархиального училища у гроба генерала Маркова стали почетные часовые его полка. Целый день к церкви тянулся народ, несли венки. Приходили марковцы. Церковь всегда была полна.

Вот наполнившие церковь молящиеся стали тесниться: вошел генерал Алексеев⁴⁰. Он стал у гроба, молился, всматривался в лицо погибшего и – из глаз его текли слезы. И невольные слезы текли у всех. Старый Вождь попрощался с верным сыном Родины. Отвесив земной поклон, он вышел из церкви.

Похороны генерала Маркова

15 июня. Гроб с останками Великого Русского Патриота перенесен в Войсковой собор для последнего отпевания. Вокруг гроба много венков; лежит ряд черных подушечек с орденами. В центре их – подушка с орденом Святого Георгия IV степени. Орден как был накрепко пришит к гимнастерке генерала Маркова, так и остался пришитым к куску этой гимнастерки, вырезанному из нее и теперь приколотому к подушке.

В соборе генерал Алексеев, Донской Атаман, высшие чины Добровольческой и Донской армий. Семья генерала Маркова: мать, жена, дети... Собор полон. На площади перед ним выстроился 1-й Офицерский генерала Маркова полк.

³⁹ Полковник **Василий Николаевич Биркин** (офицер 6-го гренадерского полка) был преподавателем Донского кадетского корпуса. После 1-го Кубанского похода, который он до конца проделал в 4-й роте 1-го Офицерского полка, вернулся в корпус, с которым весной 1920 г. был эвакуирован в Египет. Умер в эмиграции.

⁴⁰ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. 1857, сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генерального штаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкомверхе А.Ф. Керенском. Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 г. член триумvirата «Донского гражданского совета», с 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

Отпевание окончено. Последнее прощание – и гроб запечатан. Ко гробу подошел наряд офицеров от 7-й Офицерской роты и взял ордена и венки. Процессия стала выходить из храма.

Впереди несли венок от Командующего Добровольческой армией генерала Деникина и его Начальника Штаба генерала Романовского с надписью на ленте:

«И жизнь и смерть за счастье Родины».

За венком – офицеры с орденами покойного. Впереди с орденом Святого Георгия – офицер, фельдфебель 7-й роты, георгиевский кавалер.

Гроб из собора вынесли высшие чины и поставили на лафет орудия.

Полк взял «на караул». Оркестр заиграл «Коль славен».

Процессия вытянулась по Платовскому проспекту, направившись на кладбище, за городом, под звуки похоронных маршей. Полк шел за гробом.

Военное кладбище. Длинная аллея, вправо и влево от которой ряды свежих могил. Вот и вырытая могила. Последняя лития и... гроб опущен.

Несколько залпов полка генерала Маркова.

Семья покойного, генерал Алексеев и все со слезами на глазах смотрят на опущенный в землю гроб...

Но вот, как-то тяжело, генерал Алексеев поворачивается лицом к присутствующим и не сразу начал говорить свое последнее надгробное слово. Он говорил о Христолюбивом Воине Сергии, положившем «жизнь свою за други своя»; говорил о верном сыне Отечества, для которого жизнь была не дорога, «жила бы только Россия во славе и благоденствии»; говорил он о примере для всех, который дал воин Сергей... Хриплым, сдавленным, прерывающимся голосом говорил генерал Алексеев. Но вот он смотрит на семью покойного и наконец, повысив с усилием свой голос, обращается к присутствующим:

– Поклонимся же мы земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины, – и, упав на колени, отвесил ей земной поклон, а за ним – все присутствующие.

– Поклонимся мы и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине, – и снова земной поклон.

– Поклонимся мы и его детям, потерявшим любимого отца.

И, повернувшись к могиле, генерал Алексеев бросил первую лопату земли на гроб. Застучала земля по гробу и закрыла его. Новая могила со скромным деревянным крестом, как и на всех других могилах, появилась на новочеркасском кладбище. На кресте не было надписи, но висел лишь терновый венец.

Все стали расходиться. 1-й Офицерский генерала Маркова полк большой колонной в 1500 штыков вернулся в свое расположение. Для него наступил новый период жизни и боевой службы: без Маркова, но по-марковски; для каждого – по правилу: «жизнь и смерть за счастье Родины». Жизнь – всю жизнь, все годы жизни... Смерть – всегда, всю жизнь, быть готовым принять ее...

«За счастье Родины!»

На черных, марковских погонах отныне уже был вензель генерала Маркова: «М» и вензель – «Г. М.» для 1-й роты полка – «роты генерала Маркова».

Развитие боевых действий

Для дальнейшего наступления Добровольческой армии нужно было обеспечить свой тыл (железнодорожный узел станции Торговая) и облегчить донцам удерживать юго-восточный район, для чего требовалось разбить сильную группу красных, имеющих центр в станице Великокняжеской. Сил 1-й пехотной дивизии и левее ее стоявшего Донского отряда для этого было недостаточно, тем более потому, что нужно было переходить реку Маныч.

13 июня 1-я дивизия имела стычки с красными в районе станции Шаблиевская, а Кубанскому полку пришлось даже отбить атаку красной конницы. Вечером к ней подходили 3-я пехотная и конная дивизии.

В этот день во временное командование 1-й дивизией, впредь до прибытия из секретной командировки в Москву генерала Казановича, вступил полковник Кутепов.

14 июня дивизии заняли исходное положение для наступления: 3-я – у железной дороги; конная – правее; 1-я – левее.

15 июня они перешли в наступление. Решающий успех был одержан на участке 1-й дивизии, и помогли ей сами красные. Утром они перешли реку Маныч и стали теснить Донской пеший полк, но с подходом на помощь полуроты Инженерной роты и 1-й батареи полк перешел в контрнаступление и на его плечах переправился через реку, продолжая решительное преследование. Красные отходили на север, оставив направление на восток, на ст. Великокняжеская, не прикрытым. Туда поскакали конные группы и конные разведчики 1-й батареи и ворвались на станцию и в станицу.

Занятие Великокняжеской в тылу у красных, ведших еще бой южнее ее, по реке Маныч, заставило их начать поспешный отход по всему фронту. На станции ими было оставлено масса военного имущества и боевых припасов. Отошли они далеко на север.

16—18 июня все главные силы армии сосредоточивались в районе станции Торговая. У Великокняжеской остались одни донцы, в их числе пехотный и конный полки, которые входили в 1-ю дивизию. Полковник Кутепов теперь командовал лишь отрядом из Кубанского стрелкового полка, Инженерной роты, 1-й батареи и Отдельной конной сотни. В эти дни возникшая была серьезная опасность глубокому тылу армии – у станицы Егорлыкской была устраниена частями генерала Покровского и пласт. батальонами, с помощью переброшенного туда по железной дороге Корниловского ударного полка⁴¹.

⁴¹ Корниловский ударный полк был создан приказом по 8-й армии (ген. Л.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером. Нес большие потери. Оборона Ростова в феврале 1918 г. стоила полку 100 человек. Из 18 человек командного состава (до командиров рот), вышедших в 1-й Кубанский поход, за войну погибло 13. В начале штурма Екатеринодара полк имел 1000 штыков и пополнился во время боя 650 человек кубанцев, после штурма осталось 67 (потери в 1583 человека). Всего за поход он потерял 2229 человек (теряя в отдельных боях от 6 до 60 человек), в двух наиболее крупных под Кореновской и переходе через р. Белую 150 и 200. За 2-й Кубанский поход полк трижды сменил состав, с начала его до 1 ноября 1918 г. он потерял 2693 человека. В первом же бою под Ставрополем потерял до 400 человек, к 1 ноября осталось 220 человек, а через несколько дней 117. С 1 января по 1 мая 1919 г. в 57 боях в Донбассе полк также переменял полностью три состава: при средней численности в 1200 человек убыло 3303, в т. ч. 12 командиров батальонов (2-й батальон потерял 6 и остальные по 3), 63 командира рот (3-я – 9, 9-я – 8, 1-я – 7, 6-я – 6, 8-я, 11-я и 12-я по 5, 5-я и 10-я по 4, 2-я и 4-я по 3) и 683 офицера, служивших в качестве рядовых. В Орловско-Кромском сражении потерял 750 человек. 31 июля 1920 г. в бою за Куркулак 61 офицера и 130 солдат – четверть состава. В конце августа, после Каховской операции, в полку осталось 107 человек. Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) формы гербового щита, в середине которого череп со скрещенными костями, над ним дуговая надпись «корниловцы», внизу скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятями пылающая граната и ниже даты «1917—18». Нагрудный знак представлял собой черный равносторонний крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу-вверх, рукоятью вниз), в центре голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения золоченые). Командиры: полк. М.О. Неженцев (до 31 марта 1918), полк. А.П. Кутепов (31 марта – 12 июня 1918), полк. В.И. Индейкин (12 июня – 31 октября 1918), полк. Н.В. Скоблин (31 октября 1918 г. – лето 1919), полк. М.А. Пешня (лето – 14 октября 1919), полк. К.П. Гордиенко (с 14 октября 1919), шт.-капитан (подполк.)

19—24 июня армия перешла в наступление вдоль железной дороги в направлении на станцию Тихорецкая, по территории Ставропольской губернии и за эти дни с сильными боями продвинулась на 80—90 верст.

Отряд полковника Кутепова наступал в 25 верстах восточнее железной дороги вместе с конной дивизией, уничтожая и рассеивая большие силы красных. Он прошел села: Сандата, Ивановское, Красная Поляна, Рассыпное и, приблизившись к железной дороге, с 3-й дивизией взял село Белая Глина.

Отличные действия 1-й батареи полковника Миончинского вызвали восторг пехоты и высокую оценку полковника Кутепова. Она не была только механизмом, выпускающим снаряды, базируясь на трех точках: позиция (не важно где), наблюдательный пункт и цель (не важно какая). Она живой организм в бою, всегда в полном контакте с пехотой: в ее цепях, бьющей по целям, важным для каждого момента боя, маневрирующий и даже – атакующий своими конными разведчиками. Батарея брала сотни пленных.

25 июня армия, наконец, вступила в Кубанскую область. Конная дивизия с отрядом полковника Кутепова, которому были приданы два броневедомости, обошли правый фланг противника и взяли – Кубанский полк – станицу Новопокровскую, а конница – ст. Ея. В станице был взят испортившийся броневик красных – «Черный ворон», после ремонта вставший в ряды армии под названием «Генерал Марков», как пожелали назвать его кубанские стрелки.

* * *

Добровольческая армия была теперь в 45 верстах от станции Тихорецкая; более чем ста – от ст. Торговая и в 50 верстах к югу от станицы Егорлыкской. Она угрожала тылу Батайской группы красных, но и сама находилась под угрозой охвата ею справа в свой тыл, т. к. силы армии, стоявшие от главных ее сил до станицы Егорлыкской, были незначительны. И эта угроза стала реальной: красные перешли в наступление, и не только на участке армии, но и правее – на участок донцов. Их наступление на станицу Кагальницкую грозило перерывом главного пути связи армии с Новочеркасском через станицу Манычскую. Чтобы устранить угрозу, из Новочеркасска выступили на фронт 1-й Офицерский генерала Маркова и 1-й Конный Офицерский полки. 25 июня полк генерала Маркова уже был в бою и одержал успех у станицы Кагальницкой. Части генерала Покровского и другой отряд армии сдержали красных на своих участках.

В районе ст. Ея армия простояла более или менее спокойно до 30 июня. Она произвела перегруппировку своих частей: 1-я и 2-я дивизии поменялись своими местами – 1-я, отряд полковника Кутепова, перешла с левого фланга на правый; 2-я – на место 1-й. 3-я дивизия оставалась в центре. На правый фланг армии перешла и Конная дивизия.

Выступление 1-го офицерского генерала Маркова полка

22 июня полку было объявлено о выступлении на следующий день. К этому времени силы полка достигли внушительных размеров: в 1-м и 2-м батальонах в ротах до 150 штыков, в 3-м – до 250. Много пулеметов. Слабые места: почти полное отсутствие пулеметных двуколки или

В.В. Челядинов (врид, январь—август 1920), пор. (кап.) М. Дашкевич (врид, январь, февраль, июль – 21 августа 1920), шт.-капитан (подполк.) Д. Ширковский (врид, февраль 1920). Командиры батальонов: полк. Булюбаш, полк. Мухин (убит), ес. Кисель, полк. Шкуратов, полк. Ильин, кап. Морозов (убит), полк. Молодкин, пор. Федоров. Командиры рот и команд: подпор. Андреев (убит), шт.-капитан Заремба, кап. Миляшкевич (убит), шт.-капитан кн. Чичуа (убит), кап. Минервин (убит), кап. Пиотровский (убит), шт.-капитан Томашевский (убит), шт.-капитан Петров (убит), пор. Салбиев (убит), кап. Лызлов (убит), шт.-капитан Мымыкин (убит), ес. Милеев, пор. Дашкевич, пор. Потло, кап. Сапега, кап. Франц, кап. Трошин, пор. Бурьян, подпор. Пинский, кап. Натус (убит), пор. Редько и др.

тачанок, а в хозяйственной части не хватало походных кухонь, лошадей, повозок. «Добудем у красных» – было решение.

В офицерских ротах возник серьезный вопрос: кому быть хозяйственными чинами – кашеварами, конюхами, артельщиками? Кому быть санитарями? Но нашлись офицеры, охотно согласившиеся на эти должности. Они стали «героями дня». Утвердился принцип: на каком бы посту Добровольческой армии ни служил офицер, он выполняет в равной степени свой долг со всеми остальными. Санитарами согласились стать сверхштатные штаб-офицеры или же были назначены, хотя и временно, вопреки их желанию, бывшие в ротах добровольцы – зауряд-врачи.

Энтузиазм в ротах был большой. Подпрапорщик Сербинов⁴² записал: «Вечером командир роты поздравил нас с походом и высказал свою надежду, что, несмотря на тяжелое материальное положение роты, мы в боевой обстановке оправдаем себя в борьбе за Родину. Рота ответила громовым «ура».

23 июня. «Утром (продолжение записок подпрап. Сербинова) рота была разбужена и роздана пища. Настроение приподнятое. Никто не спросил, почему нам не дали обмундирования и снаряжения и нет ни у кого ни одного патрона. Кухню пришлось оставить, т. к. не было колеса да и лошадей тоже».

«Около 8 часов утра раздалась команда: строиться! У выхода из здания стоял командир роты и рассматривал каждого выходящего бойца. Обратил внимание на капитана в дамских туфлях. Его сделали «гренадером». Да и я имел вид не лучший: сапоги, штатский костюм, винтовка без штыка и ремня, без головного убора и... никаких вещей».

«Рота выстроилась. Раздалась команда: смирно! Еще командирское слово – и рота тронулась, запев:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую...

На тротуарах стояли толпы народа. Женщины плакали и давали нам разные подарки: белье, носки... Из магазинов также спешно выносили все...»

Полк выступал побатальонно. Путь шел через станицу Кривянскую и далее на станицу Манычскую. Кривянская встречала проходившие батальоны молоком, хлебом, разными продуктами питания. За ней началась безбрежная, совершенно голая равнина, и только, оглядываясь вправо и назад, видна была возвышенность, тянувшаяся от Новочеркасска на юг к Ростову, покрытая садами, и Новочеркасск с его златоглавым собором.

Солнце поднялось и стало припекать, обжигая лица: появилась жажда. От земли шло испарение. Всего лишь накануне марковцы из тенистого Александровского сада любовались этой голой степью; теперь они ее ощущали всем организмом. Было несколько легких солнечных ударов. На одном из привалов у какой-то речки, поросшей камышами, соблазнились купаньем, но не освежились, а лишь вымазались, не доставив удовольствия ни себе, ни лягушкам, перепуганным неожиданным для них нашествием.

Во второй половине дня, пройдя около 30 верст, батальоны подходили к Дону и немедленно начинали переправу на пароходе. С высокого правого берега реки станица Манычская была видна как на ладони, широко раскинувшаяся по его низкому, левому берегу, вся утопавшая в зелени и манящая к себе истомленных жарой. Переправившиеся части немедленно раз-

⁴² **Сербинов Григорий Михайлович.** Младший унтер-офицер. В Добровольческой армии; с 17 июня 1918 г. в пулеметной команде 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 24 октября 1918 г. под Прочноокопской. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Старший унтер-офицер. В эмиграции во Франции. Подпрапорщик. Во время 2-й мировой войны лейтенант РОА. Служил в Русском Корпусе. Поручик. Умер 17 июля 1964 г.

водились по квартирам. Люди сбрасывали с себя все и, столпившись у колодцев, обливали друг друга холодной водой и с жадностью пили принесенное казачками в ведрах молоко. А часа через два казачки уже звали есть, выставив на столы яичницы, вареники, хлеб, масло и даже вареную и жареную птицу. Не было аппетита приступить к еде, но аппетит пришел.

Заночевать в станице посчастливилось лишь 3-му и 2-му батальонам, а 1-й, отдохнув в ней около трех часов, посаженный на подводы, уже наступившей ночью продолжал поход в станицу Кагальницкую, до которой было 40 верст. Ехал он переменным аллюром. Тряска основательная.

Не доезжая до станицы верст десять, батальон проехал мимо таборов людей. Это – жители станицы: старики, дети, женщины. Сотни подвод.

– Спешите, господа, спешите, – говорил священник, – красные у самой станицы.

24 июня, утром, батальон подъехал к станице. Ему была объяснена обстановка и дана задача: сменить на западной окраине казаков и оборонять станицу. В роты были выданы недостающие штыки и по 2 цинки патронов, т. е. по 1—2 обоймы на человека и при том сказано: «Патроны беречь, т. к. их больше нет».

Смена прошла спокойно, и батальон расположился в тех ямах, которые были вырыты казаками. Обрадованные казаки, уходя, даже поделились своими запасами патронов. С рассветом артиллерия противника приветствовала марковцев довольно метким огнем. Одна граната ударила в землю перед ямой, занятой тремя офицерами, и, не взорвавшись, очутилась среди них. Ее осторожно выкатили в сторону.

Красные занимали позиции верстах в двух от станицы за выгоном, шагов в 500 шириной, и за полем ячменя, шириной чуть ли не в версту, по легкой, холмистой и голой возвышенности, пересекающей большую и широкую ложину реки Кагальник, протекавшей вдоль ее северного края. Позиция в тактическом отношении – отличная, с укрытым холмами тылом и дорогой, ведущей к ст. Каялы.

Свежевырытые и весьма густые окопы красных тянулись далеко влево, поднимаясь на высокий южный край ложины, и их конца видно не было. Судя по ним, силы красных на видимом участке исчислялись тысячи в две бойцов с массой пулеметов. Артиллерия красных стреляла с четырех позиций, что допускало наличие уже 8 орудий. Замечен был и броневомобиль. Впечатление – красные скорее склонны к обороне, чем к наступлению. Ночью охранение 1-го батальона местами вело перестрелку с партиями противника, выдвигавшимися вперед по полю ячменя.

Вся местность к северу от реки Кагальник наблюдалась лишь конными разъездами с обеих сторон. Объяснялось это близостью ст. Батайск, зоны немецкой оккупации.

Утром этого дня 3-й батальон, также на повозках, выступил из Манычской в Кагальницкую. В пути его обогнал командир полка, полковник Тимановский. Вечером батальон был на месте назначения и расположился по квартирам. Почти все дома были оставлены жителями, и чинам его пришлось самим заниматься приготовлением пищи, что не представляло особых забот: в домах было все. На каждую роту выдано по 2 цинки патронов.

На следующий день, 25 июня, полку дана задача: отбросить противника от станицы. Атакует 3-й Офицерский батальон, с поддержкой и обеспечением левого фланга первым. 2-й батальон должен подойти к началу боя и составить полковой резерв.

Батальону офицеров предстоял серьезный экзамен, и он уснул далеко не крепким сном.

Бой у Кагальницкой

25 июня. Перед рассветом 3-й батальон разбужен и поротно идет на передний фас для смены 1-го батальона. Смена происходит без всякой помехи со стороны противника. 1-й батальон уходит на левый фланг 3-го. Светает. Справа налево разворачиваются 7-я, 8-я и 9-я роты,

на интервалы в 4—5 шагов между бойцами. 7-я рота своим правым флангом упирается в реку Кагальник. В цепь рассыпаются все взводы рот. В батальоне резервов нет.

Совершенно светло. Ротам даются направления. 7-я по обе стороны дороги на ст. Каял; левее ее 8-й роте – на выдвинутую вперед ключевую позицию противника, ясно обозначенную курганчиками. 9-я еще левее.

Роты готовы, но... задержка. Оказывается, не прибыл взвод орудий. Наконец, раздались команды: «Господа офицеры! В атаку вперед!» – скомандовал командир 9-й роты, полковник Блейш⁴³, молодой, стройный, подав сигнал своей шашкой. В центре – полковник Попов, командир 8-й роты, пожилой, грузный, но полный энергии, скомандовал:

«Рота вперед!» – и сам пошел впереди нее. Командир 7-й роты, полковник Б., «заболел», и роту повел полковник Ценат, георгиевский кавалер, суховатый, спокойный: «Господа офицеры! С Богом – вперед!» За цепями рот пошел командир батальона, полковник Наркевич⁴⁴, пожилой, ничем не выделяющийся, разве только своим одеянием – самого простого солдата. За ротами, на некотором удалении, – реденькая цепь санитаров.

750 офицеров, длинной, почти выравненной цепью, спокойно и уверенно шли по открытому выгону на глазах противника. Но тот молчал. Цепь вошла в поле ячменя и проходит почти половину его ширины, при том же молчании противника. Но вот заговорила беглым огнем артиллерия красных. Ее снаряды рвутся по всей длине офицерской цепи и с поразительной точностью. Офицеры без остановки продолжают идти и с тем же равнением. Падают первые жертвы.

Когда офицеры подошли приблизительно на 800 шагов к позиции красных, сразу заговорили их пулеметы и винтовки. Потери резко увеличились, но огонь не остановил офицеров. Падает с оторванной осколком снаряда рукой полковник Ценат. К нему подбегают ближайшие офицеры. «Господа офицеры! Прошу – вперед!» – говорит он, встает, но, пройдя с десятков шагов, снова падает. (Полковника Цената после боя нашли на этом месте. Он умер от потери крови.) Падает, сраженный пулей, полковник Попов, а вскоре и его заместитель, подполковник Щавинский. Но офицеры идут. До противника остается 600... 500 шагов. Они еще в поле ячменя.

Но кончается ячмень. Впереди 300—400 шагов голого подъема до линии, извергающей адский огонь. Видны головы красных. Стоят их командиры, кричащие: «По офицерской банде – бей!» Офицеры невольно залегли и открыли огонь по красным командирам...

На левом фланге 3-го батальона роты 1-го батальона наступают небольшими уступами одна за другой, причем правый фланг его 1-й роты сразу же вышел на линию 3-го батальона.

«Огонь был адский. И на германском фронте не приходилось видеть и слышать ничего подобного. Вся масса пулеметов и винтовок стреляла по 3-му батальону. И мы невольно, почти бегом, бросились вперед, чтобы выйти на линию 3-го батальона и поддержать его», – записал один из участников.

И вот только в этот критический момент, как бы желая искупить свою вину за опоздание, карьером, обгоняя цепи рот 1-го батальона, вылетает артиллерийский взвод и становится на позицию в каких-нибудь 1000 шагах от красных. Но открыть огонь ему не удалось: в цепи 9-й роты своим могучим баритоном поручик Погорлецкий⁴⁵ запел: «Смело мы в бой пойдем»,

⁴³ **Блейш Александр Николаевич.** Из дворян. Полковник, командир ударного батальона. В Добровольческой армии с мая 1918 г., с июня 1918 г. в Марковском полку: командир 9-й (офицерской) роты, с 22 июля 1918 г. командир 1-го батальона, в июле—августе 1919 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка, с декабря 1919 г. командующий Марковской дивизией, с января 1920 г. помощник начальника той же дивизии, в марте 1920 г. начальник Марковской дивизии. Полковник (старшинство в чине 14 декабря 1919). Умер от тифа 5—11 марта 1920 г. в Новороссийске.

⁴⁴ Полковник **Наркевич** в июне—августе 1918 г. был командиром 3-го батальона, с августа 1918 г. врио помощника командира, с 9 октября 1918 г. помощник командира 1-го Офицерского (Марковского) полка, октябрь—ноябрь 1918 г. командир Марковского полка. Ранен 24 июля 1918 г.

⁴⁵ **Погорлецкий Александр Емельянович,** р. 12 сентября 1895 в Павлограде. В 1914 г. поступил добровольцем в артил-

подхватили пение ближайшие офицеры, но на короткий момент – неслось уже «ура» всего 3-го батальона, а за ним и 1-го.

Один за другим замолкли пулеметы красных... Упорно дрался противник, но был принужден бежать, и все поле покрылось его массой. Огрызнулись картечным огнем их батареи, но, попав под ружейный огонь, стали сниматься с позиций, потеряв одно орудие. Спасли бегущих красных их два бронеавтомобиля, но и те скоро стали отходить, будучи обстреляны арт. взводом. Один из них был подбит.

Преследование красных по приказанию остановлено. Но это приказание не дошло до 7-й и части 8-й рот. Они быстро шли вперед и, только дойдя до хутора, верстах в 8 от станицы, остановились, подвергшись нападению красного бронеавтомобиля, одной пулеметной очередью выведшего из строя сразу 6 офицеров. Влево, где водворилась уже тишина, они не имели зрительной связи. Послали связь и донесение.

Темнело. Незаметно прошел целый день – день непрерывного, отчаянного боя. Вскоре, уже в полной темноте, из Кагальницкой к хутору подъехала большая колонна подвод с приказанием: немедленно ехать в станицу. Приехав, ротам не пришлось даже сгрузиться с подвод: полк на подводах куда-то трогался.

* * *

Перевязочный пункт, станичная школа, был переполнен ранеными, и пришлось занимать соседние здания. Во второй половине дня, только после того, как красные были сбиты с позиций и по полю наступления не неся рой пуль и снарядов, смогли выехать для сбора тяжело-раненых санитарные подводы. До позднего времени шли поиски раненых на поле ячменя. Целыми подводами увозились и убитые.

Тяжела и утомительна была работа медицинского и санитарного персоналов всего полка. (В 3-м батальоне половина санитаров переранена и убита.) Они работали и всю ночь. Раненых нужно не только перевязать, но и напоить, и накормить. Их нужно было отправлять в Новочеркасск. Убитых похоронить. Великой благодарностью отвечали пострадавшие за жертвенную энергию и сердечное участие сестер милосердия, во главе со старшей сестрой – Полиной Гавриловной. Закончив свое дело только наутро следующего дня, они, не отдохнув, должны были отправиться нагонять полк.

Потери огромны. У главного участника боя – 3-го батальона:

В 7-й роте – до 60 офицеров, из них около 15 убитых.

В 8-й роте – свыше 200, при 40 убитых.

В 9-й роте – до 45, при 10 убитых.

В 1-м батальоне одна только рота генерала Маркова потеряла до 50 человек, из которых 4 убитых.

Общие потери в двух батальонах достигали 400 человек, из них около 80 убитыми. Несколько тяжело-раненых умерли в станице и в Новочеркасске.

Ряд больших братских могил появились на кладбище станицы Кагальницкой.

лерию. Поручик. В Добровольческой армии; в июне 1918 – июле 1919 г. в 9-й роте и команде конных разведчиков 1-го Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Югославии. Капитан. В эмиграции там же. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Умер 5—6 сентября 1964 г. в Милвилле (США).

* * *

Полк выполнил свою задачу. Он понес потери пропорционально к численности, хотя и большие, нежели противник, однако нанес ему потрясающий моральный удар, сказавшийся в последующее время. Разгрома противника не произошло только потому, что было остановлено преследование. Захвачено одно орудие, свыше 10 пулеметов и небольшое число пленных.

«Экзамен» Офицерский батальон, по признанию «старых» марковцев, выдержал блестяще.

26 июня. Всю ночь и день около 200 повозок с 8 бойцами на каждой катили по степи, растянувшись на многие версты. Утомленные бессонной ночью, боем, безжалостно жгущим солнцем, они спали, не чувствуя неудобств, на трясших их подводах. На остановках слезали и засыпали на земле. Они не замечали, что их лица до неузнаваемости покрылись толстым слоем пыли; не интересовались, какие населенные пункты они проезжали; их совершенно не беспокоили одно время недалеко рвущиеся снаряды.

27 июня. Так тряслись они и вторую ночь, и второй день. Мучил уже сильный голод, не говоря о жажде. Ели и пили все, что попадалось, без разбора: воду, молоко, незрелые фрукты, ягоды шелковицы; в ничтожном количестве хлеб, сало... Стали страдать расстройством желудков.

Наконец, около 17 часов колонна втянулась в какое-то село и остановилась. «Слезай! – раздались крики. – Приехали!» И через короткое время роты были разведены по квартирам и скоро, едва освежившись и подкрепившись тем, что дали хозяева, люди уснули.

28 июня. Тяжелое пробуждение, но бодрость и силы быстро восстанавливались, тем более что на столах стояла уже обильная пища.

Первый вопрос всех: «Где мы?» Название села Горькая Балка ничего не говорило, но, узнав, что полк присоединился к армии, оживились и обрадовались, и особенно когда было объявлено, что после обеда генерал Деникин сделает смотр полку.

Полк выстроился развернутым фронтом в колоннах поротно, имея на правом фланге 3-й батальон. Командир полка, полковник Тимановский, обошел полк.

– Полк, смирно! – скомандовал он.

– Полковник Кутепов – начальник нашей дивизии... – передали в ротах. Его знали лишь участники 1-го Кубанского похода.

С орденом Святого Георгия на груди и Георгиевским оружием, на что прежде всего обратили внимание «молодые» марковцы, он легкой походкой обошел полк и энергичным голосом поздоровался с ним. Впечатление он произвел отличное.

– Равняйся! – снова раздалась команда полковника Тимановского.

– Полк, смирно! Слушай на караул!

– Генерал Деникин! – передалось по рядам.

К полку подходила группа: генерал Деникин, генерал Романовский и др. Взоры всех обращены на Вождя. Большинство его видели в первый раз. На его шее и груди блистали эмалью и золотом ордена Святого Георгия. Генерал Деникин громким, слегка хриповатым голосом поздоровался с полком и стал медленно проходить перед его фронтом, обращаясь со словами благодарности от имени Национальной России к каждой роте в отдельности.

Перед 8-й ротой он задержался. Перед ним стояла офицерская рота в 28 человек. Это все, что осталось от нее. В глазах генерала Деникина появилась глубокая скорбь.

– Благодарю вас! – с трудом произнес он.

Обойдя роты, генерал Деникин обратился ко всему полку. Он сказал, что минувший бой, проведенный марковцами с полным успехом, теперь дает армии возможность, без опасения за свой тыл, продолжать наступление. Что в успехе он не сомневается, что неизбежные потери

будут восполняться притоком сильных духом новых добровольцев, что к армии массой присоединятся кубанские казаки и что Добровольческая армия выполнит взятый на себя великий и святой долг перед Родиной.

Громким «ура» ответил Вождю 1-й Офицерский генерала Маркова полк.

После этого роты с песнями направились по квартирам, проходя мимо генерала Деникина. Настроение у всех было превосходное. Генерал Деникин произвел сильное и восторженное впечатление и вызвал к себе глубокое чувство преданности и доверия. То, что армия совершила за две недели своими малыми силами, проведя ряд рискованных маневров и продвинувшись на сотню верст в глубь расположения противника, – дело воли, расчета и дерзания генерала Деникина.

В 3-м батальоне велись оживленные разговоры о первом для него бое у Кагальницкой. Но не успех боя восхищал всех его участников, а дисциплина и мощь офицерских рот, когда каждый офицер на своем месте выполнял поставленную ему задачу, без того, чтобы им руководили, его вели. В этом бою никакое руководство было невозможно. Сплоченность и крепость, до сего времени подразумевавшиеся теоретически, стали утверждены практически.

29 июня. В 8-ю роту влило пополнение – около ста кубанцев. День прошел спокойно, и только вечером было получено извещение: ночью выступление. Судя по тому, что на площади стали собираться подводы, решили: «Едем!»

Мало кто смог заснуть. Естественно, обсуждался вопрос: куда двинемся? Исходили из представления, что переходит в наступление вся армия, и если так, то цель ясна – ст. Тихорецкая, взятие которой нарушит железнодорожную и телефонную связь в расположении противника и разобьет его силы. Успех будет огромный. Но не окажется ли армия под ударом по меньшей мере с трех сторон: севера, запада и юга? Операция рискованная. Однако, имея более слабые силы, чем противник, должно рисковать. Генерал Деникин на это пойдет; он учтет все. Так рассуждали «ротные стратеги».

30 июня. В час ночи полк был поднят. Ночь совершенно темная: ничего не видно и в 10 шагах. Батальоны погрузились на подводы и тронулись по разным направлениям. По колоннам передают: «не отставать!»

При выезде из села голову 3-го батальона пересекла колонна кавалерии, и когда она прошла, оказалось, что штаб батальона с проводниками и командиры рот, бывшие с ним, исчезли из вида. В голове всего батальона был помощник командира головной, 7-й роты. Ждать нельзя, и он повел батальон прямо по дороге. Ночь была также абсолютно тиха, как и темна. «Вперед!»

Так ехали долго, пока не забрезжил рассвет и пока впереди не показались всадники, оказавшиеся казачьим постом, стоявшим всего лишь в двух верстах от станицы Кальниболотской, занимаемой красными. Пост никаких подвод не видел.

Послав казаков вправо и влево, капитан, ведущий колонну, с волнением ожидал их возвращения. А в это время не так далеко влево началась стрельба.

Вскоре вернулся казак, ездивший вправо, с сообщением, что там стоят подводы и офицеры обеспокоены какой-то пропавшей колонной на подводах. Это был штаб 3-го батальона. Все оказалось благополучно, и даже не было потеряно время, в которое назначено начало наступления на станицу.

Перейдя в наступление, когда уже поднялось солнце, батальон видел, как вправо от него, уже по ту сторону большой, пологой балки, лавы кавалерии шли в атаку, как блистали на солнце клинки казачьих шашек. Там шли части дивизии генерала Эрдели. Марковцы вошли в станицу, почти не встретив сопротивления. Серьезное сопротивление пришлось сломить Кубанскому стрелковому полку, наступавшему левее.

Чины Офицерского батальона заинтересовались результатами атаки кавалерии, виденной ими издали. Кое-кто сходил на те места, видел «результаты» и рассказывал о них с содроганием.

Ожидалось дальнейшее наступление, но полк был разведен по квартирам. Теперь уже все уверены – будем брать станцию Тихорецкую, и готовились не без тревоги, ожидая упорного боя. До станции оставалось 30 верст.

Наступление на станцию Тихорецкая

1 июля. Ранним утром армия перешла в наступление: 1-я дивизия на правом фланге, 3-я – в центре, вдоль железной дороги, 2-я – на левом. Гремела орудийная стрельба в районе железной дороги.

В 1-й дивизии в передовой линии Кубанский стрелковый полк с батареей. Офицерский полк побатальонно на подводах следовал за ним. Он – в резерве армии. Кубанцы быстро идут вперед, выбивая красных из Ново-Романовских хуторов. Во второй половине дня они подошли к станции Тихорецкой, в 8 верстах от станции. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, поддержанного двумя бронеавтомобилями. Был момент неустойки на их левом фланге. Туда на подводах подъехал 3-й батальон марковцев, развернулся и перешел в наступление, но серьезного столкновения с противником у него не произошло: слева перед его фронтом пролетел бронеавтомобиль «Верный»⁴⁶, принудивший красных бежать в станицу. Следовавшие за ним кубанцы и 3-й батальон вошли в станицу, не встретив уже никакого сопротивления. Вскочившие первыми в станицу конные разведчики 1-й батареи захватили штаб красных, руководивший ее обороной. Время – около 15 часов.

Немедленно была произведена перегруппировка частей 1-й дивизии для атаки станции: Кубанский стрелковый полк стал на левом фланге и должен атаковать станцию вправо от большой дороги. С ним батарея. Генерала Маркова полк – правее на некотором интервале, для атаки северной части станции и поселка перед ней, имея один батальон выдвинутым к северу, для охвата станции.

В 17 часов началось наступление. Цепи марковцев шли по высокой, выше роста человека, пшенице. Где позиции противника, видно не было. Не доходя полутора верст до станции, пшеница оказалась скошенной, и едва цепи вышли на эту полосу, как по ним был открыт убийственный огонь. Цепи рванулись вперед, смяли красных, взяли пленных, но вынуждены были остановиться: на их правом фланге стояли два красных бронеавтомобиля, а впереди голый выгон и вторая линия окопов красных, откуда неслась стрельба. Но что-то происходило на левом фланге у кубанцев. Там шел, судя по стрельбе, отчаянный бой; оттуда летели пули почти в тыл левофланговому 2-му батальону марковцев.

В это время начало темнеть и отпадала последняя возможность, хоть и на незначительное расстояние, наблюдения. И совершенно неожиданно для 2-го батальона по нему была открыта стрельба с тыла, куда только что отводились пленные.

В цепи батальона оказался полковник Тимановский.

– Он показался нам каким-то великаном-рыцарем, – записал подпрапорщик Сербинов, – он спокойно приказал нашей лежащей цепи рассчитаться на «первый-второй» и скомандовал: «Вторые номера встать! Кругом! Вперед!»

Перед идущей назад цепью вторых номеров оказались толпы красных. Их смяли штыковым ударом, никого не беря в плен. Но в высокую пшеницу, откуда неслись крики: «Товарищи, сюда! За мной!» – и слышно было движение многих людей, цепь не вошла.

⁴⁶ «Верный» – первый броневи́к Добровольческой армии. Имел 4 пулемета. Участвовал в Дроздовском походе Яссы – Дон как броневи́к № 3, по прибытии на Дон получил свое название. Участвовал во 2-м Кубанском походе. Входил в состав 1-го (3-го, с октября 3-го бронеавтомобильного генерала Дроздовского) броневого отряда. Погиб осенью 1919 г. под Суджей. Командир кап. С.Р. Нилов. Экипаж: шт.-капитан Антипов, пор. Бочковский, подпор. Муромцев, прап. Шатагин, прап. Гребенщиков, у.-оф. Кобенин, у.-оф. Г. Хораб.

А тем временем красные, выйдя на полевую дорогу, ведущую на станцию, повернули по ней. Эта дорога шла между участками 2-го и 3-го батальонов, которые и заметили бегущие к станции толпы красных. Под перекрестным огнем эти толпы легли на ней и лишь какой-то части их удалось достичь станции.

Бой у станции стихал, а марковцы продолжали лежать в цепях не более как в версте перед ней. Что происходит – никто не мог себе представить. Полковник Тимановский куда-то уехал. И только через короткое время было получено приказание: батальонам сосредоточенно оставаться на месте, выслать разведчиков и – особое внимание за правым флангом.

Донесения разведчиков говорили: броневые автомобили красных, висевшие на правом фланге, ушли; красные оставили свою позицию перед станцией; в станционном поселке, на его восточной окраине, не обнаружено противника; и наконец – в районе вокзала встречены разведчики 2-го Офицерского полка.

Но и на эти донесения следовало приказание: оставаться на месте. Недоумение! Вообще какой-то странный бой.

Такое же чувство испытывали и бойцы 1-го батальона, не видевшие перед собой противника, обеспечивая правый фланг всей операции. Батальон выступил из станицы Тихорецкой по дороге, обсаженной редкими вербами, через какие-то гати. Влево, очень близко, за буграми, начался бой, но он стих раньше, чем батальон без выстрела вышел на полотно железной дороги в 3—4 верстах севернее станции. Батальон оседлал железную дорогу фронтом на север и завернул фланги на запад и в то же время выставив караулы на восток и на юг. Такое построение действовало на нервы. Одиночные выстрелы раздавались кругом. Но бой уже стих. Никто не знал, что же произошло. Все сгорали от любопытства.

2 июля. И только утром полк генерала Маркова перешел и стал на квартиры на северо-восточной окраине поселка станции, а Кубанский стрелковый полк – на северо-западной.

Поселок и станция Тихорецкая, видимо, были забиты войсками красных, т. к. решительно всюду оставались их следы. Это подтверждали и жители. На железнодорожных путях красными были оставлены три бронепоезда и много составов, порожних и нагруженных военным имуществом, десятками орудий, ящиками с патронами и снарядами, даже один аэроплан. Повсюду валялись трупы убитых красноармейцев.

Странным и непонятным казался для всех минувший бой. Постепенно выяснились его подробности. 3-я дивизия наступала по обе стороны железной дороги, 2-я – левее ее, обходя станцию с запада, 1-я – с востока и, в сущности, в лоб противнику. Жестокое сопротивление встретил Кубанский стрелковый полк. Он ударом в штыки ворвался в окопы красных, но те, с поддержкой своих броневых автомобилей, контратаковали, также в штыки. Кубанцы подались назад. Им на помощь пришел эскадрон 2-го конного офицерского полка и броневый автомобиль, но и это не сломило сопротивления красных. И только то, что части 3-й дивизии влево от кубанцев ворвались на станцию и оказались в тылу у красных, заставило последних отходить, но не к станции, а в сторону. Это они оказались в тылу у взявших первую линию их обороны марковцев. Сотни заколотых красных остались лежать у своих окопов.

Как и кубанские стрелки, отлично действовала с ними 1-я батарея. Командир стрелков несколько раз благодарил ее и в отдельности 4-е орудие поручика Боголюбского, уничтожившее броневый автомобиль красных.

«Если принято утверждать, что исход боя зависит иногда от самой незначительной боевой единицы или даже от маленькой группы, то этой группой в настоящем бою явилось 4-е орудие», – сказал он.

Большие потери понесли стрелки, но у марковцев они не превышали 40 человек.

* * *

При наступлении на станцию Тихорецкая 1-я Инженерная рота оставалась в тылу армии и ее задачей было немедленное исправление железнодорожного пути, установление телеграфного и телефонного сообщения и обеспечение тыла.

Вечером первого же дня на станцию Тихорецкая из Торговой прибыл эшелон с добровольцами на пополнение армии. 87 офицеров было назначено в полк генерала Маркова.

– Господа офицеры! – обратился к ним полковник Тимановский. – Я могу сказать вам только одно: вы будете служить в 1-м Офицерском генерала Маркова полку, в его 8-й роте, и это должно говорить вам о многом. Желаю вам всего наилучшего!

Наконец-то в Тихорецкой все роты обзавелись трофейными походными кухнями, необходимыми хозяйственными повозками и лошадьми к ним. Кухни задымили и в определенные часы развозили по своим частям пищу.

В Тихорецкой же 1-я отдельная батарея развернулась в дивизион, получив 3 орудия и сформировав 2-ю батарею, одно орудие которой было поставлено на железнодорожную платформу для борьбы на железных дорогах.

Наступление в тыл армии Сорокина

От станции Тихорецкая Добровольческая армия начала наступление по трем направлениям: 1-й дивизией на север, в тыл Сорокинской армии, 2-й – на юг, в направлении на ст. Кавказская, и 3-й – на запад, в направлении на город Екатеринодар. Дивизии расходились, чтобы самостоятельно выполнять свои задачи.

Весьма трудная задача легла на 1-ю дивизию: если не заставить, то принудить армию Сорокина в 30 тысяч бойцов, которую не коснулись последние бои и лишь частично испытавшей силу Офицерского полка у Кагальницкой, оставить занимаемый ею район. Дивизии, наносящей удар в тыл, должны содействовать: бригада генерала Покровского справа и дивизия генерала Эрдели слева.

3 июля. Генерала Маркова и Кубанский стрелковый полки по железной дороге переехали и расположились в станице Ново-Леушковской.

4 июля полки пешим порядком выступили далее на север. В пути их застал ливень с сильнейшим ветром. Стало темно, как ночью. Вода била в лицо и заставляла людей и лошадей повернуться к ней спиной и крупам. Мгновенно все промокли до нитки и стояли по колено в воде. Так продолжалось минут десять. Туча пронеслась, и снова засияло жаркое солнце. Но дальнейший путь по черноземной грязи был уже труден.

К вечеру полки с боем заняли обе станции: Сосыка и станицу Павловскую.

5 июля. Марковский полк стоял на позиции, седлая жел. дор. на Ростов, имея свой резерв за правым флангом, т. к. вправо красные значительными силами занимали хутора и находились лишь под наблюдением 1-го конного Офицерского полка, наконец присоединившегося к своей дивизии.

Неприятный случай произошел с 7-й офицерской ротой. Она занимала позицию по невысокому хребту, впереди которого, на склоне, в полях кукурузы, залегли красные. Последние стреляли редким, но метким огнем. Несколько офицеров были ранены. Невидимость противника и его огонь настолько расстроили нервы офицеров, что они в какой-то момент вдруг не выдержали и бросились бежать, оставив даже своих раненых и орудие, ехавшее занять позицию и застрявшее в грязи. Но эта моральная неустойка продолжалась несколько минут. Офицеры быстро вернулись назад. А противник даже и не пытался выйти из кукурузы на хребет, на, казалось, лучшую для него тактическую позицию. Глубокое смущение пережили офицеры.

6 июля. Дивизия перешла в наступление: Кубанский стрелковый полк западнее железной дороги, с задачей занять в этот день станицу Михайловскую и близлежащие хутора. Полку генерала Маркова занять ст. Крыловскую и находившуюся более 10 верст восточнее ее станицу Екатериновскую.

Вдоль железной дороги повели наступление 1-й и 2-й батальоны с 3 орудиями. 3-й батальон с одним орудием пошел по дороге в северо-восточном направлении, ведущей к станице Екатериновской.

Во второй половине дня станица Михайловская и ст. Крыловская были заняты, после чего 1-й батальон с одним орудием был направлен на станицу Екатериновскую, с целью содействовать 3-му батальону во взятии этой станицы. Полк оказался растянувшимся на 10 вер. фронте.

Перед 1-м батальоном противник отходил без сопротивления. Впереди него шла 1-я рота. Она вышла на гребень, и перед ней открылась картина: узкий мостик через небольшую речку, поросшую камышом; по обе стороны моста густая толпа до 2—3 тысяч красных; многочисленные всадники на этой стороне торопят переправляющихся; тут же сзади какие-то тачанки. На той стороне два орудия... Цепь роты залегла. Но кто-то крикнул: «Вперед! Ура!» – и рота рванулась. В этот момент орудия красных открыли огонь прямой наводкой, ранив 6—8 человек, потом еще двух... откуда-то застрочили пулеметы, а конные с криком: «Их мало!» – поскакали с шашками на роту. Роту смело с гребня, как ветром. Но красные не преследовали.

А в это время правее повел наступление развернувшийся 3-й батальон, имея 8-ю и 9-ю роты в передовой линии, а 7-ю – во второй, за правым флангом. Местность совершенно открытая, с легким подъемом, на гребне которого свежеврытые окопы, с сидящим в них противником. Когда цепь подошла к противнику шагов на 1200, тот открыл сильнейший огонь. На гребне появились многочисленные тачанки с пулеметами. Пулеметный огонь был ужасен. Цепь залегла шагах в 500 от противника. Для поддержки своей пехоты вынеслось вперед орудие, но оно не смогло даже открыть огня, т. к. вся прислуга его была моментально переранена, а лошади перебиты.

Красные перешли в наступление. 8-я рота стала быстро отбегать. Остановить противника не смогла и атака эскадрона 1-го Офицерского конного полка на правом фланге батальона. Цепи красных уже дошли до оставленного орудия, но резервная 7-я рота, приняв на себя отступавшую 8-ю роту, задержала их.

– По тачанкам! – раздалась команда, и через короткое время тачанки мчались назад. Огонь пулеметов прекратился, но силен еще был ружейный огонь противника.

Не обращая внимания на огонь, вдоль цепи 9-й, а затем и 7-й роты проезжал мелкой рысью полковник Тимановский со своим полевым адъютантом, говоря одну только фразу:

– Господа офицеры! Спасти положение!

Офицерские роты перешли в атаку. За ними, за правым флангом, приведшаяся в порядок 8-я рота. Красные стали отступать. Их попытка задержаться в своих окопах не имела успеха. Однако дальнейшее наступление на станицу было остановлено, хотя и не предвиделось сопротивления противника. Приказано оставаться на занятых участках и обратить серьезное внимание на правый фланг.

Наступила ночь. За 9-й ротой остановился броневомобиль «Доброволец». Из него вышел полковник Тимановский, подошел к группе пулеметчиков и низко им поклонился, сказал: «Земной поклон от меня 9-й роте». Этот жест до слез растрогал офицеров. Если полковник Тимановский, вообще скупой на похвалы и благодарности, так поступил, то офицеры поняли, какой опасный и критический бой пришлось им перенести.

Потери полка за весь день 6 июля были громадны, особенно рот 3-го батальона. 7-я и 9-я роты потеряли около 50 человек каждая, 8-я – около 100, т. е. половину своего состава.

Сильно пострадала 4-я рота – 48 человек. В общей сложности полк потерял до 350 человек. Большие потери понесла и батарея – 8 человек и 9 лошадей.

7 июля. Ночь была чрезвычайно свежей, а для 1-го и 3-го батальонов, кроме того, без сна и пищи. Прошла она спокойно, а к утру приятное сообщение: станица Екатериновская оставлена противником. В колоннах батальоны вошли в станицу и расположились по квартирам.

В полдень в расположении рот появились ротные кухни. Напрасно офицеры – кашевары и артельщики – кричали официальное: «Рота, за обедом!»; напрасно затем они перешли на просьбу: «Господа, просим покорно откусать отличного супа из трофейной кухни! Сами готовили. Старались вовсю!» Никто на эти зовы не откликнулся, т. к. все до отвала и очень вкусно были накормлены радушными казачками. А вечером казаки приготовили марковцам сюрприз: пригласили на киносеанс, и т. к. уже было объявлено о ночевке в станице, то с радостью воспользовались этим приглашением.

2-й батальон с батальоном Кубанского стрелкового полка стояли на станции Крыловская.

8 июля. Перед рассветом подъем и выступление «вперед». 1-я дивизия пошла тремя колоннами: первая – два батальона марковцев со взводом батареи, из станицы Екатериновской на хутор Зубова и далее на станицу Кисляковскую; средняя – батальон марковцев и батальон кубанцев, с другим взводом 1-й батареи, орудием 2-й батареи на железнодорожной платформе и приданной дивизии гаубицей 1-й отд. тяжелой батареи, вдоль железной дороги на станцию Кисляковская; левая – два батальона Кубанского стрелкового полка из станицы Михайловской, вдоль большой дороги, также на Кисляковскую.

Для всех было очевидно: армия Сорокина находится в критическом положении. Она оттесняется к западу, лишается последнего участка Владикавказской железной дороги, и для нее остается единственная железная дорога, ведущая от ст. Куцевка на Екатеринодар, наперерез которой шла конная дивизия генерала Эрдели.

Марковцы выступили бодро и уверенно. Еще один-два сильных удара – и армия Сорокина вынуждена будет поспешно отходить.

Правую колонну красные встретили упорным сопротивлением у хутора Зубова, но были сбиты и стали отходить к станице Кисляковской. Их преследовал один батальон, т. к. другой получил приказание форсированным маршем идти к Кисляковской.

Средняя колонна лишь на полпути до ст. Кисляковская вступила в бой с красными, не оказавшими ей большого сопротивления. Но лихо и смело действовал их бронепоезд, тормозивший наступление, пока не был подбит снарядами. Он едва двигался, подавая тревожные свистки и у семафора станции, прямое попадание гаубичного снаряда в вагон со снарядами, произведшее страшный взрыв, прекратило его сопротивление. С потерей своего бронепоезда красные очистили станцию и остановились верстах в трех за ней.

Левая колонна – два батальона Кубанского стрелкового полка – в это время подошла к станции несколько западнее ее, и наступление обеих колонн возобновилось. Однако красные, с подходом к ним новых сил, перешли в контрнаступление, направив более энергичный удар по левой колонне, с охватом ее левого фланга. Кубанцы стали подаваться назад. Ей в помощь высылается батальон кубанцев из средней колонны, но и это не изменяет положения: весь Кубанский стрелковый полк, несмотря на его упорное сопротивление, оттесняется к станции. Батальон марковцев, сдержавший красных вправо от железной дороги, вынужден загнуть свой левый фланг и занять им позицию вдоль железной дороги.

И вот в это время к расположению своего 2-го батальона подошел 3-й батальон, прошедший по жаре 10 верст менее чем в 2 часа.

Через короткое время со станции, находящейся в двух верстах, прискакал офицер с приказанием: «двум офицерским ротам [7-й и 9-й] бегом на станцию». Через 15 минут роты были там и выстроились за зданием пакгауза. Бой шел близко. Носились пули, щелкая по зданиям.

Офицеры тяжело дышали, хватая ртом воздух, а во рту давно у всех полная сушь до боли, до колик. Все твердили одно слово: «воды». Послали за водой.

– Смирно! Господа офицеры! – как-то не своим голосом скомандовал командир батальона полковник Наркевич, хотя он не шел, а ехал верхом.

На платформу пакгауза быстро вышел полковник Кутепов. Начальник дивизии, но... в этот момент к нему галопом подскакал офицер-кубанец и, не слезая с коня, что-то доложил ему. И сейчас же в ответ раздался громкий и резкий голос полковника Кутепова:

– Передайте командиру полка: больше ни шагу назад! Расстреляю всех, кто отойдет на станцию. Сообщите ему, что две офицерские роты идут для поддержки.

Офицер мгновенно ускакал, а полковник Кутепов, не поздоровавшись с ротами, отдав короткое приказание полковнику Наркевичу, ушел обратно. Роты немедленно двинулись, перешли линию железной дороги, пересекли улицу поселка, через дворы вышли в сады и огороды и залегли на окраине их. Впереди, шагах в 500, – цепи кубанцев, стреляющие по противнику, до которого от последних также около 500 шагов. Красные лежат за копнами сжатого хлеба. К ним перебежками подходят резервные цепи. Готовится их атака.

Такое положение марковцы наблюдали несколько минут, как вдруг левее кубанцы поднялись и с криком «ура» бросились вперед. Мгновенно поднялась и вся их цепь. Красные встретили кубанцев сильным огнем и встали всей своей массой. Несколько критических моментов и у красных, и у кубанцев... Как-то мгновенно поднялись офицерские роты и стройной цепью пошли впереди. Они увидели, как поднялись и залегшие было кубанцы и как все они ринулись на красных.

Красные обратились в бегство. Не отставая от них, бежали за ними кубанцы, местами работали штыки, местами красные, собравшись в группы, вдруг останавливались и открывали стрельбу... Отличить, где кубанцы, где красные, было невозможно.

Офицерские роты прошли вперед не менее версты и значительно отстали от кубанцев. Их поддержка была уже не нужна. Они остановились на поле, покрытом убитыми красными. Среди них было немало матросов. Несколько красных было найдено укрывшимися в копнах хлеба.

Через цепь офицеров проходили раненые кубанцы, и редко кто из них не улыбнулся, глядя на офицеров, а один бравый урядник, раненный в грудь, сказал: «Наша взяла! Когда нам сказали, что идут на помощь офицеры, откуда силы взялись? А было плохо...»

Скоро офицерские роты вернулись на станцию, а в сумерках пришел туда и Кубанский полк. Красные отошли далеко. Они, после слабого сопротивления, оставили станицу Кисляковскую, в которую батальон марковцев с юга и части генерала Покровского с востока вошли одновременно.

Тяжелые потери понесли кубанцы. Марковцы потеряли до 100 человек.

Вероятно, лучшие части армии Сорокина в этот день участвовали в бою и вынуждены были далеко отойти так, что с ними было утеряно соприкосновение. Пехотные полки 1-й дивизии могли спокойно отдохнуть ночь. Воды было выпито и вылито на умывание невероятное количество, но уснуть пришлось голодными. В небольшом станционном поселке продуктов питания нашлось весьма мало. И только ночью спящих людей разбудил знакомый крик: «За обедом!» – приехали кухни. Все вскочили моментально, и на этот раз кашевары не только были «удостоены» благодарности, но и похвалой «за усердие!».

9 июня. Перед рассветом – подъем, а через несколько минут и приказание: «Строиться!» Объявлена задача дивизии: занять станицу Куцевскую – и предупреждение о возможности тяжелого боя. С места, взяв сразу же форсированный шаг, дивизия в колонне двинулась вдоль железной дороги. 1-й батальон выступил из Кисляковской прямой дорогой на ту же Куцевку.

Рассветало. Полковник Кутепов со штабом оторвался от колонны и поскакал вперед. С ним и полковник Миончинский с батальонными разведчиками. Никаких признаков противника. Тишина.

Но вот впереди послышался какой-то гул... гул в воздухе, характерный, знакомый... «Аэроплан!» – сразу же определили все. «Та-убе! Та-у-бе!» – гудели моторы. И на небольшой высоте, над продолжавшей идти колонной, пролетели два аппарата с черными крестами на крыльях.

За весь поход добровольцы не вспоминали о немцах, и вот – напоминание. Неприятное и тревожное: ведь дивизия идет в тыл армии Сорокина, стоящей против немцев у Батайска: возможно, красные оставили свои позиции против них, отходят, а за ними следуют немцы, и как результат – неизбежность встречи с ними и даже, может быть, столкновение. Эту мысль, однако, не развивали, но быстрый марш дивизии объяснили целью – занять Куцевку ранее немцев.

Никакого боя перед Куцевкой не произошло: красные ушли в западном направлении, вдоль Черноморской жел. дор., преследуемые частями генерала Покровского. На станции они оставили несколько эшелонов, груженных оружием, снаряжением, обувью, продовольствием.

Разъезды от дивизии, высланные на север от Куцевки, уже на территории Донской области, за речкой Ея и ее притоком – Куго-Ея, немцев не встретили, но встретились с разъездами донских казаков от частей, следовавших за отступавшими красными. В нескольких верстах к северу от Куцевки подрывники дивизии разобрали полотно железной дороги и подорвали насыпь как знак, что Добровольческая армия не желает иметь какой бы то ни было связи с германской армией.

Части дивизии сразу же были разведены по квартирам станицы. Всеобщая радость: и кубанцев станицы, и донцов близлежащих хуторов, и добровольцев. Марковцы радовались не только тому успешному выполнению поставленной их дивизии ответственной задачи, но и ее следствию – огромной помощи, оказанной Дону. Теперь устранена опасность для него на его южной границе. Теперь донцы могут снять отсюда свои части; направить их на другие свои фронты и пополнить свою армию людьми из освобожденного района.

10—11 июля. 1-я дивизия на полном отдыхе. Лишь железнодорожный взвод 1-й Инженерной роты под командой капитана Зайцева вступил в исполнение своих сложных обязанностей по налаживанию связи и сообщения на железнодорожной линии от Куцевки до Тихорецкой.

Однако «стратегические соображения» не оставляли в покое марковцев. Они побуждали их к необходимости продолжения преследования Сорокинской армии вплоть до полного ее уничтожения. Но успокоились на мысли: дивизия остается в Куцевке, чтобы не допустить немцев к продвижению на Кубань. Об отдыхе они думали меньше всего, да, в сущности, их не так уж и утомили последние бои. От Тихорецкой за 7 дней они по прямому направлению проделали лишь до 80 верст. Благоприятствовала и погода. Правда, за этот период марковцы понесли большие потери: до 500 человек, т. е. до 35 процентов своего состава. Нужно пополнение, и полк его получил в количестве около 500 человек.

Пополнение состояло сплошь из кубанских казаков. Казаки были влиты во все роты и даже в чисто офицерские: 7-ю и 9-ю, составив в них четвертые, «казачьи» взводы. Теперь полк генерала Маркова почти на две трети состоял из кубанцев. На офицерах это отражалось в том смысле, что они все больше и глубже стали воспринимать казачьи обычаи, нравы и даже внешний облик. В дальнейших походах, на остановках казаки обыкновенно собирались в круг, пели казачьи песни, танцевали «наурскую», жарили шашлык... Воспринимали все это и офицеры. «Эх, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь» – стала их любимой песней; «наурская» – любимым танцем, с кинжалом в руке и с похлопыванием в ладоши. На головах у марковцев все чаще стали появляться кубанки, на поясах кинжалы, а на плечах бурки, заменявшие шинели.

Дружба между офицерами и казаками укреплялась и никогда не исключала огромного уважения казака к офицеру, как бы он молод ни был: казак в 30 лет назовет своего офицера в 19 лет – «сынок», но всегда выполнит безропотно его приказание. Приятно было слышать обращения казаков: «Господин хорунжий! Господин есаул!» – подчеркивающие их признание офицеров за своих, казачьих.

Богатая, торговая, большая станица Кушевская приняла своих освободителей очень радушно. Марковская молодежь встретила с учащейся молодежью, нашла развлечения и забавы: киносеансы, танцевальный вечер в театре... И как-то мимо проходили последствия большевистской власти: похороны и панихиды по убитым и расстрелянным большевиками. Даже не замечалась поставленная на площади станичного правления зловещая виселица, а затем и тела повешенных на ней врагов казачьих, среди которых был и офицер – подьесаул. Впрочем, марковцы такие картины наблюдали в пройденных ими станицах.

На екатеринодарском направлении

В дни стоянки 1-й дивизии в Кушевке расположение других дивизий было таково: 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского, развернувшегося из бригады, преследовала армию Сорокина и должна была очистить от красных район города Ейска. 1-я конная генерала Эрдели висела на фланге армии Сорокина. 3-я пехотная, усиливавшаяся Солдатским пехотным полком, сформированным из пленных красноармейцев, наступала по екатеринодарскому направлению и 10 июля взяла станицу Кореновскую, в 60 верстах от ст. Тихорецкая. 2-я пехотная 5 июля, пройдя до 60 верст, заняла ст. Кавказская, от которой развивала действия на город Армавир, выставив заслоны в стороны Екатеринодара и Ставрополя. 8 июля Ставрополь был взят большим партизанским отрядом полковника Шкуро⁴⁷, пришедшего с юга и затем вошедшего в состав армии.

Таким образом, фронт армии за неделю после взятия Тихорецкой растянулся до 250 верст и силы ее, хотя и увеличившиеся до 20 тысяч бойцов, оказались разбросанными на этом фронте и всюду уступающими численности противника.

Для армии в это время ставилась единственная и главная задача: окончательно разбить армию Сорокина (до 30 тысяч человек), для чего нужно было прежде всего не дать ей возможности отойти на Екатеринодар и там переправиться на южный берег реки Кубани. Итак, первая цель – взять Екатеринодар.

Но сил одной 3-й дивизии (до 3 тысяч человек) было для этого недостаточно. Город прикрывался отрядами красных в 10 тысяч человек, и, кроме того, при наступлении дивизия имела бы на своем левом фланге другие отряды красных, хотя и значительно меньшей численности, стоявших гарнизонами в станицах по линии железной дороги Екатеринодар—Кавказская. Поэтому на екатеринодарское направление направлялась и освободившаяся 1-я дивизия.

Однако угроза перешедших в наступление красных на город Ставрополь заставила направить туда Кубанский стрелковый полк с 2 орудиями, который 12 июля по железной дороге выехал из Кушевки. После него сразу же стал грузиться генерала Маркова полк с двумя ору-

⁴⁷ Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура), р. 7 февраля 1887. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 17 января 1947 г. в Москве.

диями для переезда на екатеринодарское направление. Конные части отправились туда походным порядком.

13 июля. Марковцы поэшелонно прибывали на ст. Тихорецкая. Подъем у всех был огромный. Ехали с песнями. Когда под колесами вагонов застучали стрелки станции, взоры всех направились на здание вокзала. Над ним развевался Национальный флаг. Раздалось всеобщее «ура».

И вдруг на платформу вышел... жандарм. «Жандарм!» – раздался крики по вагонам. Перед восторженными взорами стоял он в полной форме – «старорежимный»... Величественно выглядел жандарм! Всего лишь с унтер-офицерскими нашивками на погонах, с медалями, с серебряным большим шевроном на рукаве и с аксельбантами на плече. Некоторые марковцы даже заметили небольшую деталь в его форме: аксельбанты были не красного, как раньше, цвета, а трехцветные: бело-сине-красные – деталь, которая также радовала. И стоял жандарм как символ величия России, порядка, спокойствия... и всей образцовой чистоты, которая теперь была на перроне, и на вокзале, и в сквере, и во всем поселке.

Огромному, радостному и громкому возбуждению марковцев не было предела, и только предупреждение о соблюдении тишины, т. к. на соседней линии стоит поезд генерала Деникина, сдерживало их. Но и в этом предупреждении все почувствовали новое: штаб Вождя не на седлах коней, как было до сего времени, а на более твердом основании и постоянном месте, что ясно говорило о большом успехе армии.

Переживаемые марковцами впечатления и настроения были чрезвычайно сильными, и свой новый поход, и тем более на Екатеринодар, они ждали с верой в полный успех. С наступлением ночи эшелоны тронулись.

14 июля рано утром полк поэшелонно прибывал на ст. Платнировка и немедленно выгрузился. Не так далеко, верстах в четырех, у ст. Пластуновской, слышен был бой. Это 3-я дивизия выбивала красных из станицы и заняла ее.

После полудня полк с двумя орудиями и броневым автомобилем выступил в юго-западном направлении, где красные, выдвинувшись, охватывали 3-ю дивизию с левого фланга. Полк сбил противника с двух позиций и занял переправу через реку Кочати, где и заночевал в поле.

15 июля. Утром он направился в станицу Динскую, занятую 3-й дивизией. Резервному батальону полка пришлось проходить у Покровского женского монастыря. Его встретили духовенство и монашки с иконами и хоругвями. Бойцы прикладывались к кресту и святым иконам, получая благословение священника. Трогательно для них было видеть монашек, старых и молодых, у которых из глаз текли слезы радости, что пришел конец глумлениям и издевательствам большевиков над святой обителью и над ними. Глубоко запал в сердца марковцев этот момент, и они шли дальше с волнующим и возвышенным чувством сознания великой Правды их дела: добиться силой оружия освобождения Веры и Родины от гнета и насилия.

Придя в Динскую, полк сменил части 3-й дивизии, направившиеся вправо, с целью нанести удар в тыл Сорокинской армии, остановившейся в районе станицы Тимошевской.

В это время в командование 1-й дивизией вступил вернувшийся из секретной командировки в Москву генерал Казанович. Полковник Кутепов стал его помощником и заместителем.

Осталось всего лишь 25 верст до Екатеринодара. Марковцы не сомневались в том, что на следующий день они, сменяя на своем пути все препятствия, будут в городе. Но... едва прошла часа 3—4 после смены 3-й дивизии, как последовало срочное приказание: резервному 3-му батальону, наиболее сильному офицерским составом, сменить на позициях 1-й и 2-й батальоны, а последним с одним орудием немедленно грузиться в железнодорожный состав. Через короткое время они тронулись в обратном направлении. С ними уехал командир полка

и начальник дивизии. В Динской остался отряд под командой полковника Дорошевича:⁴⁸ батальон марковцев с двумя орудиями и 2-й конный Офицерский полк.

Не сразу узнали марковцы, что произошло, но определенно предположили: в тылу неблагополучно. Несколько позднее узнали, что туда же повернула и вся 3-я дивизия.

Произошло следующее: армия Сорокина из района своего сосредоточения главной массой своих сил неожиданно устремилась на восток, отбросила части Конной дивизии и, пройдя 40 верст, заняла станицу Кореновскую и ст. Станичная. Она оказалась в 30 верстах в тылу 1-й и 3-й дивизий и в 55 верстах от ст. Тихорецкой. Дивизии были отрезаны от тыла и в полном окружении, а Тихорецкая совершенно не прикрытой, за отсутствием в резерве армии частей. Положение – чрезвычайно тяжелое.

В сумерках 1-й и 2-й батальоны прибыли на ст. Платнировская, в 10 верстах от Кореновской, выгрузились и, оставив две роты в резерве, выступили вдоль железной дороги в направлении последней. Пройдя 3—4 версты, они вошли в соприкосновение с противником и остановились в степи.

Ночь. Полковник Тимановский беспокоится за левый, северный, фланг своих батальонов. Туда должна выйти 3-я дивизия, но ее еще нет, и придет она не раньше утра следующего дня. Поэтому он держит две роты в резерве. С рассветом он решил атаковать противника.

Бои у станицы Кореновской

16 июля. Едва стало светать, 1-й и 2-й батальоны перешли в наступление по обе стороны железной дороги. Сбив передовые части противника, они быстро шли вперед по полям скошенного хлеба и стоявшей на корню кукурузе. Шли вслепую, не видя расположения врага, применившегося к местности. Вдруг шквал пулеметного и ружейного огня, ударивший почти в упор, прижал их к земле. Очень метко по целям стали рваться снаряды красных орудий. Противника почти не видно, но силы его, судя по огню, огромны. Оставаться в таком положении нельзя – нужно атаковать.

С криком «ура» марковцы бросились в атаку. Неслись, не замечая своих потерь, не слыша хлокота стрельбы. Местами дорвались до красных: штыковой бой, стрельба в упор по убегающим, преследование; местами залегли, не дойдя до красных, или будучи не в силах их преследовать, или остановленные контратакой.

Цепи наступающих марковцев раздробились. Выдвинувшиеся вперед цепочки оказались не только под фланговым, но и под огнем с тыла. Наступление остановилось. Всякое представление, где свои, где противник, потеряно. Оставалось оттянуть выдвинувшиеся части назад. Атака замерла, едва достигнув передней линии красных.

Было около 9—10 часов. Влево от марковцев разворачивалась 3-я дивизия, и полковник Тимановский направил в передовую линию одну из резервных рот.

Стрельба на фронте марковцев несколько стихла, но как только слева, в нескольких верстах, загремели орудия и 3-я дивизия перешла в наступление, по цепям марковцев раздалась команда: «Вперед, в атаку!» Не на всех участках атакующие добрались до врага, но и там они сразу же встретили контратаки резервов красных. Красные переходят в общую атаку. Их отбивают, но не везде. Взводы, роты подаются назад, оставляя раненых.

⁴⁸ **Дорошевич Николай Николаевич** (Дорошевич-Никшич). Полковник, командир л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. (прибыл со знаменем полка). С февраля 1918 г. командир 3-й офицерской (гвардейской) роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир 2-го батальона Офицерского полка. С апреля 1918 г. помощник командира 1-го офицерского (Марковского) полка, в июне 1918 г. командир полка, в июле 1918 г. командир 3-го батальона того же полка, июль—август, до 23 сентября 1918 г. командир Солдатского (затем Самурского) полка, затем в 4-м батальоне Марковского полка, с 28 сентября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. Взят в плен и убит 2 октября 1918 г. под Армавиром.

5-ю роту обходят с фланга. Обход замечает ротная сестра Ксения. Она расставляет молодежь этой роты для парирования обхода; просит держаться некоторое время, чтобы вынести раненых. Но задержка короткая. Рота отходит. Отход роты видит командир батальона, подполковник Плохинский; он бежит к роте, но, вместо своей цепи, нарывается на красных и падает со штыковой раной в голову и другими штыковыми и пулевыми ранениями. Отход 5-й роты оголяет фланг 2-й. Фланговый взвод ее бросается в контратаку, сдерживает красных, но на короткое время. Рота отходит. Отходит 6-я, отходят все, оставляя раненых. Смелые выезды на платформе орудия с пулеметом лишь сдерживают напор врага.

Бой шел до конца дня, постепенно стихая. Красные теряли свой порыв и, наконец, остановились.

Снова неудача. Слева 3-я дивизия также не добилась успеха.

Наступила ночь. Оставив в охранении две роты, батальоны были отведены за речку Карпели, расположились в нескольких верстах восточнее станицы Платнировской.

Физическое состояние марковцев было чрезвычайно тяжелым. День боя под палящими лучами солнца, без воды, без еды. Подавлено в сильной степени и моральное состояние: неудачные атаки; десятки раненых, оставленных на поле боя, теперь занятого врагом; положение отрезанных от тыла; беспокойство за судьбу сотен раненых, наконец – свою. И в довершение всего – сильно поредевшие ряды рот: за день в двух батальонах выбыло из строя около 300 человек, т. е. почти треть состава. Все это угнетало, создавало неуверенность в завтрашнем дне. Нашлись и откровенно малодушные. Их «успокоили» строгим окликом.

Раздали пищу. Раздали патроны. Прошел слух, что подошли резервы. И действительно, в резерве оказалось две сотни мобилизованных казаков станицы Платнировской.

Роты обошел полковник Тимановский. Он не скрывал, что положение хотя и очень тяжелое, но не безвыходное и, кроме того, подойдут части от Тихорецкой и тогда противник будет сжат с двух сторон; опасаться его со стороны Екатеринодара не приходится, т. к. отряд полковника Дорошевича продолжает занимать Динскую.

Подпрапорщик Сербинов записал, что полковник Тимановский закончил свою беседу такими словами:

– Марковцы! Верьте мне, как я верю вам, и тогда мы с честью выйдем из трудного положения.

«Да! Полковнику Тимановскому верили все, – заключал подпрапорщик Сербинов. – Кто не знал своего полковника в папахе, поддевке, в очках, с баклажкой, с наганом и биноклем на груди? Все марковцы видели своего командира стоящим во время боев на кургане одного, как нерушимый памятник. Он не разрешал никому подниматься на курган. Он был суровый воин. Приказания его были тверды и коротки. Сила воли огромная».

17 июля. Ввиду того что 1-я и 3-я дивизии не имели связи со штабом армии, генерал Казанович вступил в командование ими. Он приказал с рассветом снова атаковать в тех же направлениях, как и накануне.

Марковские батальоны опять развернулись по обе стороны железной дороги, и цепи их пошли вперед, сразу же взяв быстрый шаг, вызванный отчаянной решимостью всех или разбить противника и пробиться, или...

Красные открыли сильный артиллерийский, а затем пулеметный и ружейный огонь. Цепи ускорили свой шаг и бегом бросились в атаку. Красные не выдержали и стали отходить. Отчаянно дрались их пулеметчики: пулеметы на тачанках, прикрываясь полями кукурузы, поливали очередями марковцев.

Бой шел уже на той полосе, где накануне, при отходе, были оставлены раненые и убитые. Здесь находили их лежащими раздетыми, обезображенными, иных с отрубленными головами, иных лежащими сожженными в пепле кукурузы... Первопоходницу прап. Пылаеву Юлию нашли зверски добитой и полуобнаженной в неглубоком колодце. Но в кукурузе находили и

незамеченных красными раненых. В одном месте – сразу трех юных добровольцев 5-й роты. Они плакали... их первые слова были: «нас бросили...» – слова тяжкого упрека. Один из юношей остался жив чудом: его обнаружил красный и со страшными ругательствами и направленным на него штыком подошел к нему, но... прошел мимо.

При виде таких картин марковцами овладела злоба: не щадили и они врага. Но враг отходил в сравнительном порядке и дрался упорно, а когда к нему подошли резервы, перешел в контрнаступление. Остановить его не удалось, и марковцы стали отходить. Порыв красных несколько сдержали отставшие при движении вперед от передовых цепей пулеметы, но не остановили. Пулеметы пришлось бросить. А тут на правом фланге полка угрожающе повисла кавалерия красных. Тщетно оказывает помощь единственное орудие с пулеметом с железнодорожной платформы. Марковцы отходят и опять оставляют своих раненых.

Бросаются в бой последние резервы: рота марковцев, перевезенная на платформах, которая заняла позицию поперек полотна железной дороги, с генералом Казановичем на тендере паровоза, и полковник Тимановский с двумя сотнями казаков. И вот...

«В кукурузе нельзя было видеть ни своих, ни противника, – записал один из чинов роты резерва, – ни зрительной связи, ни ориентации... Мы ничего не понимали в обстановке, в которую попали, и когда роты, находившиеся правее, стали отступать, мы наугад двинулись вполоборота направо. Появление нашей сильной и густой цепи произвело на красных большое впечатление. Они остановились, потом стали подаваться назад, преследуемые нами и соседними ротами».

На другом фланге полка, с подходом двух сотен с полковником Тимановским, отступавшие марковцы сразу же повернули и с казаками бросились в контратаку. Двести шагов, разделивших противников, быстро сократились до нуля... до штыков и... красные не выдержали. Но не было уже больше сил... Цепи залегли. Бой стал стихать. Видимо, выдохлись и красные, остановившиеся шагах в тысяче. Солнце печет безжалостно. Время – приблизительно полдень.

Со стороны Тихорецкой пролетел аэроплан и спустился у станицы Платнировской.

Около 16 часов в тылу у красных послышалась артиллерийская стрельба и все заметили волнение в их цепях. «Подошли наши резервы!» Марковцы инстинктивно встали. Красные открыли нервный огонь. А вскоре приказание: «В атаку». Роты ринулись в четвертую атаку.

Открыв бешеную стрельбу по наступающим, красные, однако, не подпустили их на близкое расстояние, а стали быстро отходить, теряя порядок, прикрываемые лишь своими пулеметами. Марковцы шли быстро, почти бегом, стреляя по пулеметам и по толпам красных. Они шли по полю версты 3–4, устланному убитыми и ранеными.

К началу ночи марковцы заняли станцию Станичная и вошли в южную окраину станицы Кореновской. Левее их в станицу вошла 3-я дивизия, а с востока – Кубанский стрелковый полк с 5 орудиями 1-го артдивизиона, срочно вызванный из Ставрополя.

Красные отошли к северу от станицы Кореновской и остановились в нескольких верстах от нее. Против них заняла фронт 3-я дивизия и правее, в хуторах Журавских, – Кубанский стрелковый полк.

1-й и 2-й батальоны марковцев – в резерве на ст. Станичная, уставшие и измотавшиеся до крайности. Успешный выход из тяжелого положения их не особенно радовал: он стоил им огромных потерь – до 500 человек за 2 дня боя.

Среди убитых, кроме подполковника Плохинского, был и командующий другим батальоном, ротмистр Дударев – оба славные сподвижники генерала Маркова по 1-му походу на Кубань, тогда командовавшие ротами. Потери в батальонах были отчасти восполнены влитыми в их ряды двумя сотнями кубанцев, принимавших участие в последних двух атаках.

18 июля. Несмотря на то что армия Сорокина и была выбита из Кореновской с большими для нее потерями, она, пользуясь своей подавляющей численностью, снова перешла к активным действиям. Ее атаки против 3-й дивизии были отбиты, но она успешно продвигалась

севернее, на фронте конной дивизии генерала Эрдели. Ею была взята станица Березанковская, и снова создавалась угроза захода ее в тыл 1-й и 3-й дивизиям. Ввиду такого положения 1-й и 2-й батальоны марковцев по железной дороге были переброшены на ст. Бейсуг, откуда они перешли в ближайшую станицу Новодевицкую.

* * *

Оставленный в станице Динской отряд полковника Дорошевича 16-го и 17 июля провел в мелких стычках с красными, но 18 июля последние перешли в наступление. Целый день шел бой. 3-й батальон отбивался контратаками, брал пленных, но в конце концов вынужден был оставить станицу и отойти за речку Кочати. Среди пленных было немало китайцев, дравшихся, как они говорили, «за родную Кубань». Некоторым из них, как и немногим из пленных, посчастливилось: были взяты в роты. Утром следующего дня батальон готовился к наступлению, но около 22 часов он, собравшись в колонну, тронулся в станицу Пластуновскую. «Наступление на Екатеринодар сорвалось», – с грустью и тревогой говорили марковцы.

19 июля утром, погрузившись в железнодорожный состав на ст. Пластуновская, батальон тронулся в направлении на Тихорецкую. Где были остальные батальоны полка и что с ними, никто не знал.

Проехав станцию Платнировская, все почувствовали сильный, удушающий трупный запах и увидели по обе стороны железной дороги массу повсюду лежавших трупов. Бойцы 3-го батальона теперь могли представить себе, где и что было с их другими батальонами. Не их ли убитые валялись здесь? Эшелон остановился на ст. Станичная, и только тут узнали: все убитые и раненые марковцы подобраны. Невдалеке, за станицей Кореновской, слышался бой.

Простояв на станции часа три, эшелон как-то поспешно тронулся дальше: он должен срочно прибыть на ст. Выселки. Но едва он переехал мост и проехал выемку, места, памятные по 1-му Кубанскому походу, как все марковцы увидели большие цепи, приближающиеся к железной дороге, и перед ними жидкую лаву кавалерии и услышали ружейную стрельбу. Никаких сомнений в оценке положения ни у кого не было. Не проехал эшелон и половины расстояния до Выселок, как остановился: впереди красные уже были у самой железной дороги. Батальону приказано быстро высадиться. Но на спуск орудия, повозок и лошадей ушло немало времени, т. к. пришлось собирать и подносить шпалы. Закончилась высадка под ружейным огнем противника, задержанного выставленными пулеметами, и с потерей нескольких человек.

Закончив разгрузку, батальон пошел путем несколько восточнее железной дороги и наступившей ночью пришел на ст. Выселки, которую в течение дня удерживал Кубанский стрелковый полк. Ночью на станцию пришли и 1-й и 2-й батальоны полка, и полк сразу же занял позицию перед станцией. Этой ночью 3-я дивизия оставила станицу Кореновскую и отошла в юго-восточном направлении, в станицу Бейсугскую.

1-я дивизия теперь прикрывала Тихорецкую по кратчайшему к ней направлению: по железной дороге. Вправо от нее стояла Конная дивизия, вошедшая в подчинение генералу Казановичу.

Армия вышла из весьма тяжелого положения, но угроза со стороны армии Сорокина продолжала оставаться огромной.

Бои у станции Выселки

20 июля. Силы красных увеличились подходом их Екатеринодарской группы. Ими установлена связь с группой в станице Усть-Лабинской. Инициатива в их руках. И с утра они повели массовое наступление на ст. Выселки. Полки генерала Маркова и Кубанский стрелковый в течение всего дня отбивали атаки. Случались неустойки. «Бараньим бегом из-под самого

носа матросов» стала отступать одна из Марковских рот. Подскакавший полковник Тимановский повернул ее в контратаку. Общей контратаки не могло быть. Полки удержали свои позиции ценою больших потерь. Обескровленная 4-я рота была пополнена 40 офицерами из 3-го батальона.

21—22—23 июля, более слабые и разрозненные атаки противника, отбитые дивизией. Красные удлиннили свой фронт вправо, к югу от железной дороги, отчего 1-й дивизии приходилось удлинять и свой фронт. 23-го подошел только что сформированный пластунский батальон и занял участок влево от Кубанского стрелкового полка, упираясь своим левым флангом в железную дорогу, за которой начинался участок Марковского полка.

24 июля с утра красные повели снова сильное и общее наступление на всем фронте дивизии. Охват левого фланга сразу же потребовал ввода в бой единственного резерва – батальона марковцев.

Главный удар красных был направлен по обе стороны железной дороги. Пластунский батальон не выдержал атаки, не удержался и батальон марковцев. Красные стремительно наступали и охватывали левый фланг кубанцев. Едва не захватили орудие, начальник которого, поручик Казанли, был убит, но к орудию подскакал командир дивизиона, подполковник Миончинский... На участке отходившего батальона марковцев также едва не было захвачено орудие, но здесь оказался полковник Тимановский. Орудие продолжало стрелять картечью, а батальон повернул в контратаку и, обратив красных в бегство, оказался на фланге и в тылу у тех из них, которые наступали на пластунов. Командир батальона, полковник Хованский направил часть сил батальона вправо через железную дорогу. В рукопашной схватке красные были смяты и, расстреливаемые огнем орудия подполковника Миончинского, быстро стали отходить.

Дивизия удержала свой фронт, но снова не была в силах преследовать противника. В полосе железной дороги его некоторое расстояние преследовал только что прибывший броневомобиль «Генерал Марков», но, выехав значительно вперед и скрывшись за кукурузой, там испортился, был подорван и оставлен командой.

Потери генерала Маркова полка были опять большими. Убит полковник Хованский, участник 1-го похода в рядах полка, временно командовавший им с 21 апреля до своего ранения 27 апреля и только что вернувшийся по выздоровлении. Серьезные потери в людях и конском составе [понес] и 1-й артдивизион.

25 июля. Красные по всему фронту дивизии возобновили наступление, но уже не с прежней энергией и не со столь смелыми атаками. Положение, однако, было весьма напряженным, и единственным выходом разрядить его могло быть лишь контрнаступление, но довели огромные силы красных.

Так продолжалось долго, за полдень, пока в цепях противника и за ними не стало заметно какое-то волнение и беспорядочное движение. Затем были замеченыдвигающиеся с юга к железной дороге какие-то цепи на буграх далеко за противником и промчавшийся там броневомобиль. Что происходило, никто не знал и не понимал.

И вот в некий момент, без приказаний, цепи марковцев быстро пошли вперед. Красные их встретили беспорядочным и быстро прекратившимся огнем. Они бежали в сторону железной дороги. Левее вперед неслась лава 1-го конного Офицерского полка.

Внезапно перед марковцами, прошедшими один хутор, недалеко остановился вынырнувший из ложины броневомобиль. «Чей?» – вопрос, на который в цепи уже неслись крики: «Свой!» – над ним развевался маленький Национальный флажок. Скоро вся обстановка разъяснилась: части 3-й дивизии обошли правый фланг красных и зашли им в тыл. Бой стихал.

Через некоторое время батальоны полка были собраны и расположены по группам Малеванных хуторов. Наступила ночь.

26 июля. Полк продолжает стоять в хуторах. Всем становится известно о поражении армии Сорокина, без задержки отступающей частью на Екатеринодар, частью к станции Тима-

шевской. Конная дивизия заняла станицу Кореновскую. За ней шел Кубанский стрелковый полк с 1-й батареей.

В течение дня марковцы вылавливали в камышах речки Малеваны сотни укрывавшихся там красных.

27 июля полк перешел в станицу Кореновскую и расположился по квартирам. Он шел той дорогой, по которой 4 марта этого же года он с генералом Марковым шел из Выселок в наступление на эту станицу.

28 июля – в Кореновской. У марковцев полная уверенность в том, что теперь уже Екатеринодар будет взят в ближайшие же дни, может быть даже и без их участия, т. к. сообщения говорили о почти непрерывном движении к городу конной дивизии, в этот день занявшей станицу Динскую.

В полку подводились итоги минувшим боям на екатеринодарском направлении. 12 дней непрерывных боев. Вторичное столкновение с армией Сорокина, неожиданно показавшей всю силу своей массы и сохраненной ею боеспособности. Свыше половины состава полка – около 800 человек – выбыло из строя.

Огромные потери были отчасти восполнены прибывшими пополнениями – двумя партиями добровольцев. Одна из них, вся из города Екатеринослава, в 100 офицеров, была определена как 3-я рота полка, с переводом оставшегося ее состава в 1-ю и 2-ю роты. Командиром роты назначен приведший эту партию полковник Волнянский⁴⁹. Другая партия в 60 офицеров распределена по 7-й и 9-й ротам. Ее начальник, полковник Булаткин⁵⁰, получил в командование 9-ю роту, командир которой, полковник Блейш, назначен, после смерти подполковника Плохинского, командиром 1-го батальона.

Трогательна была встреча полковника Тимановского с полковником Робачевским, прибывшим с партией в 100 человек и назначенным помощником командира 3-й роты. В Русско-японскую войну вольноопределяющийся Тимановский был в подчинении у подпоручика Робачевского.

В Кореновской чинам полка было выдано жалованье. Они припасали его для Екатеринодара. Для раздачи жалованья раненым, в большинстве находившимся на станции Тихорецкая, были командированы офицеры. Поселок станции был набит ими, и условия для них, естественно, не могли быть удовлетворительными. Но затем раненых постепенно стали развозить по станицам, и главным образом в освобожденный город Ейск. После поправки некоторые из раненых, используя данный им отпуск, уезжали к своим родным на Украину. Там они, в форме полка, вызвали любопытство всех, были пропагандистами Добровольческой армии, звали в армию, но... немногих уже трогали эти их слова, их пример.

29—31 июля. Офицерский генерала Маркова полк по железной дороге прибыл на ст. Динская и оставался в вагонах.

1 августа. Кубанский стрелковый полк с боем взял разъезд Лорис, куда переехал полк генерала Маркова и разгрузился.

2 августа – сильный бой на подступах к городу, но без участия марковцев. Генерал Деникин – на передовых позициях, на наблюдательном пункте 1-й батареи. Командир Кубанского стрелкового полка, полковник Туненберг⁵¹, доложил генералу Деникину о блестящей работе

⁴⁹ **Волнянский Сергей Григорьевич.** Из Екатеринослава. Полковник. В Добровольческой армии; в июле—августе 1918 г. командир 3-й роты, затем командир 3-го батальона Марковского полка. Ранен 16 декабря 1918 г. у с. Шишкино Ставропольской губ. и умер от ран 19 декабря 1918 г.

⁵⁰ **Булаткин А.С.** Полковник. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Офицерском (Марковском) полку; в июле—августе 1918 г. командир 9-й роты, с 9 октября 1918 г. командир 3-го батальона, с ноября 1918 г. помощник командира, с 19 ноября по 13 декабря 1918 г. командир Марковского полка, затем командир батальона. Убит 13 (25) марта 1919 г. в Донбассе в с. Ольховатка.

⁵¹ **Туненберг Ростислав Михайлович.** Из дворян. Штабс-капитан, командир роты Киевского военного училища. В феврале—марте 1918 г. в войсках Кубанского края, с марта 1918 г. подполковник, командир Кубанского стрелкового полка, с 17

батареи, за что она получила от Командующего благодарность, заявившего при этом, что «прекрасный отзыв пехоты всегда служил и будет служить лучшей похвалой артиллерии».

К вечеру передовые части подошли к самому городу и с ними – первый бронепоезд Добровольческой армии, взятый в Тихорецкой, – «Единая Россия».

Ночью красные оставили Екатеринодар.

3 августа. Рано утром разъезды отдельной конной сотни 1-й дивизии вступили в город. У дворца Атамана они встретились с разъездами от конной дивизии, вступившей в город с севера. Под дворцом развился Национальный флаг.

Утром вошла в город и 1-я пехотная дивизия, имея в голове Кубанский стрелковый полк с 1-й батареей, как участвовавшие в последних боях перед ним. Толпы народа приветствовали входившие войска. Неописуема была радость и жителей, и добровольцев. Последние теперь питали полную уверенность в скорой окончательной победе над большевиками.

Кубанский стрелковый полк с батареей, пройдя город, занял боевой участок вдоль реки Кубани, у двух переправ через нее. Полк генерала Маркова остановился в центре города у старого Войскового собора и расположился в зданиях училищ.

Раздался сильный взрыв, и клубы черного дыма поднялись в воздух: красные взорвали железнодорожный мост и вместе с ним и трубы, по которым текла нефть из Майковского района, которая загорелась. Батареи красных обстреливали город, пока их не заставила замолчать 1-я батарея.

3-я пехотная дивизия, наступавшая на Екатеринодар левее ее, в город не вошла, а растянулась вдоль реки Кубани восточнее города для обороны переправ. Эту же задачу получила и 1-я инженерная рота, став на переправе у станицы Усть-Лабинской, и только ее железнодорожный взвод принял в свое ведение Екатеринодарский железнодорожный узел.

Освобождение Черноморского побережья

Через несколько дней после взятия Екатеринодара красные вынуждены были очистить весь северный берег реки Кубани вплоть до ее устья. Однако достигнутый Добровольческой армией большой успех не позволял ей, хотя бы на короткое время, приостановить наступление и дать отдых частям. Главнейшее основание этому было таково.

Армия, начав 2 месяца назад наступление на фронте в 120 верст (Кагальницкая—Шабалиевская), теперь имела фронт от Черного моря по реке Кубани до города Ставрополя, протяжением до 350 верст, не считая второстепенного участка – от Ставрополя на север, в район станции Торговая, где начинался фронт Донской армии, имевший протяжение до 100 верст. Силы же ее едва увеличились в два раза, т. к. формирование новых частей требовало времени. Удерживать такой фронт для армии было чрезвычайно трудно, имея противника значительно большей численности. А так как задача армии – освобождение Северного Кавказа, т. е. дальнейшее наступление, то от нее требовалось не дать противнику время закрепиться, привести в порядок и отдохнуть; и имея в виду, что наступление ее с нижнего течения реки Кубани приведет к значительному сокращению фронта, то начать немедленное наступление на этом участке. Выполнение задачи возложено было на дивизии: Кубанскую казачью – генерала Покровского, 1-ю конную – генерала Эрдели и 1-ю пехотную.

Форсирование реки Кубани Казачьей дивизией у станицы Троицкой, от Екатеринодара ниже по течению реки, и конной – у станицы Усть-Лабинской, выше по течению, кончилось

марта командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник. С 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации кубанских частей, с 19 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й дивизии с оставлением командиром полка, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии, с 11 марта 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка, с 15 июня 1919 г. генерал-майор. 26 июля 1919 г. уволен от службы. В марте 1920 г. начальник участка на Перекопе, в мае командир бригады 34-й пехотной дивизии.

неудачей, но у самого Екатеринодара Кубанскому стрелковому полку удалось переправиться на южный берег и закрепиться там. Отсюда и началось наступление трех дивизий.

* * *

С переправившимися кубанскими стрелками было отделение железнодорожного взвода 1-й Инженерной роты, под командой известного «великокняжеским» видом прапорщика Шмидта⁵², на которое возложена задача приводить в порядок линию железной дороги на Новороссийск и готовить все необходимое для перевозки войск. Но т. к. железнодорожный мост был взорван, то все могло быть приготовлено только из того, что оставлено красными. Последние же не оставили на захваченном отрезке железной дороги ни одного паровоза, ни вагона, ни платформы.

Делать отделению, в сущности, было нечего. Но в распоряжении прапорщика Шмидта оказалась дрезина, и он использовал ее для дела, ничего общего с поставленной ему задачей не имеющего; на дрезину поставил пулемет и на ней стал выезжать вперед и вести перестрелку с красными. Поставил он себе и точную задачу: не дать противнику взорвать железнодорожный мостик, чего и добился.

6 августа на южный берег реки, по наведенному понтонному мосту, перешел 1-й конный офицерский полк с орудием 1-й батареи, которому дана задача наступать вдоль железной дороги, в то время как кубанские стрелки должны были, расширив свой плацдарм, обеспечивать его действие с юга и востока.

8 августа конный офицерский полк взял ст. Холмская и на ней железнодорожный состав с паровозом. Этот трофей поступил в распоряжение прапорщика Шмидта, поступившего с ним весьма рационально: «забронировав» платформы шпалами и поставив на них пулеметы, он таким образом сформировал «бронепоезд» и стал его командиром.

На следующий день с ним он принял активное участие в атаке Конным полком ст. Ильинская. Атака «бронепоезда» была исключительной по дерзости, несмотря на то что красные имели большие силы и бронепоезд: прапорщик Шмидт ворвался на станцию и огнем пулеметов расстроил всю их оборону, а когда орудие 1-й батареи накрыло их своими снарядами, то расстройство красных перешло в панику. А в это время Конный полк охватил станцию. В результате: станция взята; взят железнодорожный состав с паровозом, а атака Конного полка завершилась захватом совершенно исправного бронепоезда.

Немедленно из Екатеринодара прибыла группа артиллеристов 1-й батареи и пулеметчиков во главе с командиром взвода этой батареи, капитаном Харьковцевым 1-м⁵³, и вступила в обслуживание захваченного бронепоезда, названного «Офицер». Капитан Харьковцев стал его командиром. Прапорщик Шмидт свой «бронепоезд» переформировал во вспомогатель к «Офицеру», а сам вступил в исполнение своих прямых обязанностей, имея уже в своем распоряжении и вспомогатель, и железнодорожный состав.

Успешное наступление 1-го конного офицерского полка заставило красных отходить с нижнего течения реки Кубани к Новороссийску, а генералу Деникину дало возможность перебросить конные дивизии на южный берег реки и направить: Кубанскую – на майкопское направление; 1-ю конную – на армавирское.

⁵² Прапорщик **Петр Эдуардович Шмидт** (р. около 1878), один из первых добровольцев Технической роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. Убит в августе 1918 г. петлюровцами в Екатеринославе.

⁵³ **Харьковцев Борис Васильевич (1-й)**, р. 1890. Из дворян. Капитан. В Добровольческой армии; с июня 1918 г. командир орудия 1-й Офицерской ген. Маркова батареи, с августа 1918 г. в Марковской артиллерийской бригаде; с 12 августа 1918 г. командир бронепоезда «Офицер», затем начальник конвоя ген. Кутепова; с сентября 1918 г. до марта 1920 г. и в мае 1920 г. командир бронепоезда «Слава Офицеру», с 6 августа 1920 г. – сентябрь 1920 г. командир 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник.

12 августа 1-й конный офицерский полк, уже с поддержкой бронепоезда «Офицер», взял ст. Крымская, на которой красные оставили большие трофеи. Вечером на эту станцию, на трофейном железнодорожном составе, прибыл в распоряжение командира Конного полка полковника Колосовского⁵⁴ батальон кубанских стрелков с тремя, оставшимися до сего в Екатеринодаре, орудиями 1-й батареи.

13 августа отряд полковника Колосовского, не встречая сопротивления красных, перешел через горный хребет и к вечеру вступил в город Новороссийск. Лишь в южной части города Конный полк имел столкновение с арьергардом красной «Таманской» армии, состоявшей из частей, стоявших против немцев на Тамани, части армии Сорокина, отошедшей от станицы Тимашевской, и присоединившихся к ним в Новороссийске матросских и коммунистических частей – опоры «Черноморской республики».

Силы «Таманской» армии генералом Деникиным исчислялись приблизительно в 10 тысяч штыков и сабель, но книга советского автора В. Сухорукова «XI армия в боях на Сев. Кавказе и на нижней Волге в 18—20 гг.» дает иные цифры: 27 тысяч штыков и 3500 сабель при 15 орудиях.

* * *

Взятие города Новороссийска, порта на Черном море, открывало для Добровольческой армии «окно в Европу», хотя еще и закрываемое внешними врагами – Германией и Турцией, но поражение которых союзниками казалось делом недалекого будущего. Кроме того, вступление армии в Черноморскую губернию, как и двумя месяцами раньше – в Ставропольскую, давало ей территории, независимые от казачьих областей и ей полностью подчиненные.

Через день в Новороссийске состоялся парад частям, его занявшим. Парад принимал генерал Колосовский, только что произведенный в этот чин. Восторженно приветствовали войска собравшиеся массы народа, пережившие ужасы большевизма и голод, вызванный прекращением подвоза продуктов питания с Кубани.

Через некоторое время в Новороссийск прибыл произведенный в генералы полковник Кутепов, назначенный генерал-губернатором Черноморской губернии.

* * *

Преследование Таманской армии по единственной дороге между горами и морем, с ее крутыми перевалами, не могло протекать быстро, даже после того, как отряд генерала Колосовского был усилен всеми остальными батальонами Кубанского стрелкового полка, когда операции стали проводиться высадкой десантов с моря. Красные сохраняли боеспособность. Было, казалось, реальное предположение: красные, когда будут прижаты к городу Туапсе, занятому грузинской армией, сдадутся или рассеются. Но оно не осуществилось: красные заставили грузин отойти к югу и сами начали отходить на восток, по дороге на город Армавир. Это было неожиданно даже для генерала Деникина. Положение резко менялось: отряд генерала Колосовского входил в непосредственное соприкосновение с грузинской армией, занимавшей никогда не принадлежавшую Грузии южную часть Черноморской губернии, и становился перед «внеш-

⁵⁴ Колосовский Андрей Павлович, р. 1870. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. В августе 1918 г. командир 1-го конного полка, с 27 сентября 1918 г. командир Приморского добровольческого отряда в Новороссийске, с 15 ноября 1918 г. генерал-майор, с 21 марта, в мае—июне 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с октября, в конце 1919 г. начальник Астраханской казачьей дивизии; в октябре 1919 г. также командир Черноморского сводного отряда на черноморском направлении, в мае 1920 г. командир Терско-Астраханской бригады; с августа 1920 г. участник Кубанского десанта. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии. Умер в 1941 г. в Белграде.

ним врагом» Добровольческой армии; и – главное: Таманская армия опять шла на территорию Кубани и угрожала тылам уже ведущих бои у Майкопа и Армавира Кубанской и 1-й Конной дивизий и могла, свернув, выйдя из горного хребта на север, угрожать Екатеринодару. И это, когда у всей Добровольческой армии в резерве были лишь части 1-й дивизии: полк генерала Маркова с одной батареей и отдельная конная сотня дивизии. Для армии задача изменилась: не преследование красных, а встреча их при выходе из гор.

31 августа головные части отряда генерала Колосовского подошли к городу Туапсе, но его уже заняли грузины. И только потому, что грузинами командовал генерал Мазниев, генерал русской службы и ориентации, город без осложнений был разделен на две части: северную – добровольцам, а южную – грузинам. Очистить южную часть Черноморской губернии Грузинское правительство, поддерживаемое Германией, отказалось, и от него можно было ожидать всего. Отряд генерала Колосовского прекратил преследование таманцев: перед ним стояла иная задача.

Встретить Таманскую армию по выходе ее из гор Кавказа спешно был выслан из Екатеринодара отдельный Конный дивизион 1-й пехотной дивизии, развернувшийся из сотни, во главе с войсковым старшиной Растегаевым. Он, пройдя по гористой местности 80 верст, встретил красных у Ходыженского перевала, в 60 верстах восточнее города Туапсе, остановил их головные части, но затем, под давлением массы, вынужден был очистить ей дорогу.

Спешно выезжают из Екатеринодара 1-я и 3-я роты марковцев со взводом 2-й батареи по железной дороге на ст. Усть-Лабинская, откуда на подводах они едут на пересечение пути таманцам. Составился отряд полковника Моллера⁵⁵, в который вошли, кроме двух рот марковцев, еще только что сформированный 5-й пластунский батальон и Марковский конный дивизион войскового старшины Растегаева.

Отряд вошел в соприкосновение с противником, уже занявшим станицу Белореченскую, на половине пути его к Армавиру и находящемуся в близком тылу Кубанской казачьей дивизии. Первыми из отряда столкнулись с противником пластуны и сдержали его наступление, но на следующий день они под давлением стали подаваться назад. Как и какое участие принимали в бою этого дня марковцы, описал один из участников:

«Первый образец «головотяпства», подобного которому до сих пор в Добровольческой армии не наблюдалось. Две наши роты были заведены в «джунгли» подсолнечника и там оставлены на совершенно «дикий», и для обороны и для наступления, позиции. Были ли какие-либо распоряжения от начальника отряда – мы не знали. Командир 1-й роты, штабс-капитан Поляков, даже взводом ничего не говорил, ничего не предпринимал, только крепко ругался».

«В сумерках, влево, где, по нашему предположению, должен находиться пластунский батальон, закипела беспорядочная стрельба и стала перемещаться очень быстро нам во фланг. Все подтянулись и прислушивались в тревоге неизвестности. А тут из подсолнухов выскочил грузовой автомобиль с пулеметами на линию наших окопчиков и принялся обстреливать роты вдоль них. Все бросились назад в полном беспорядке к ближайшему хутору. И сами не знали – смеяться ли нам, или плакать. Никто нас не преследовал. Потери в ротах были незначительные».

Удачную атаку провел лишь Марковский конный дивизион, нанесший большие потери красным.

⁵⁵ Моллер Михаил Николаевич, р. 22 апреля 1889. Офицер с 1909 г. Полковник л.-гв. Преображенского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; декабрь 1917 г. в 3-й Офицерской роте; январь 1918 г. командир гвардейской роты в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир отделения гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир гвардейского взвода 3-й роты Офицерского полка. В июне 1918 г. в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. начальник хозяйственной части того же полка, октябрь 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к 1931 г. в Версале. Умер в 1964 г. (По ошибочным данным убит 14 июля 1918 г. под Армавиrom.)

В последующие дни роты ехали куда-то на подводах; иногда вели перестрелку. Таманская армия соединилась с армавирской группой красных.

12 сентября роты получили приказание вернуться в Екатеринодар, где не застали уже своего полка, а лишь две роты своего батальона. Настроение их было сильно возбужденным: никто не мог хоть немного быть удовлетворенным выполнением их задачи. А тем временем в Туапсе сложилось впечатление от грузинской армии – весьма слабая боеспособность. Занять южную часть Черноморской губернии даже для отряда генерала Колосовского не представляло труда. Но чтобы Добровольческой армии не заводить себе еще врага, установилось положение: ни мир, ни война.

Марковцы 1-й батареи, однако, вели войну средствами мирными: они разлагали грузин, имея с ними тесное общение, пропагандой. Масса грузин воевать против русских не желала и весьма беспечно относилась к своей службе. У артиллеристов родился соблазн – похитить орудия. Недолго думая в одну из ночей они увезли у спавших грузин 2 орудия и 2 зарядных ящика. Однако это не изменило взаимоотношений обеих сторон. А через несколько дней генерал Мазниев, под предлогом развала своих частей, передал отряду бронепоезд, названный «Витязь», первыми артиллеристами на котором стали чины 1-й батареи.

Происшедшие случаи вынудили Грузинское правительство отозвать генерала Мазниева и назначить другого командующего, а свою армию отвести более чем на 25 верст к югу и там возвести полевые укрепления. Головной отряд добровольцев – батальон кубанских стрелков и взвод батареи – стал в селе Лазаревка.

21 сентября отряд генерала Колосовского был сменен сформированной 2-й пехотной дивизией и отправился на главный фронт борьбы. (В дивизии под № 1 числились старые полки Добровольческой армии: Марковский, Корниловский, Дроздовский, Партизанский⁵⁶ и, сформированный во время начала 2-го похода на Кубань, Самурский, переименованный из Солдатского.)

Первая задача стратегического масштаба, вызванная обстановкой, была выполнена: фронт Добровольческой армии был сокращен до 160 верст и теперь проходил приблизительно по линии: Майкоп—Армавир—Ставрополь. Начался новый период борьбы за освобождение

⁵⁶ Партизанский полк (в сентябре—ноябре 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк) был сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен бывш. партизанских отрядов полк. Краснянского, ес. Лазарева и полк. Чернецова (главным образом из донских партизан учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полк. Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя ген. Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. Алексеевской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. Полк нес значительные потери. Под Екатеринодаром потерял 500 человек, 2—3 июля у Песчаноокопской около 300, под Ставрополем только в 1-м (офицерском) батальоне осталось из около 600 лишь 30 человек. Понес также огромные потери в десанте у Геническа. Гренадерский батальон полка целиком погиб 2 августа 1920 г. при десанте на Кубань (убито и зарублено в плену более 100 человек). При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галлиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенного по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре золоченая буква «А» славянской вязи, внизу дата «1917». Командиры: ген.-лейт. А.П. Богаевский (12 февраля – середина марта 1918 г.), ген.-лейт. Б.Н. Казанович (середина марта – начало июня 1918 г.), полк. (ген.-майор) П.К. Писарев (начало июня – 15 декабря 1918 г.), полк. Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полк. кн. А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), кап. (полк.) П.Г. Бузун (лето 1919 г. – ноябрь 1920 г.). Командиры батальонов: кап. Курочкин (убит), подполк. Абрамов (убит), полк. Шклеиник (убит), кап. Рачевский (убит), полк. Логвинов. Командиры рот: полк. Т.П. Краснянский (убит), ес. Р. Лазарев, ес. Власов (убит), войск. старш. Ермолов, кап. Осипенко, пор. Лебедев и др.

южных районов Кубанской области, восточных и южных Ставропольской губернии и всего Северного Кавказа.

В Екатеринодаре

Со взятием 3 августа Екатеринодара Офицерский генерала Маркова полк с отдельной конной сотней 1-й дивизии и 2-й батареей были назначены в резерв армии и в то же время составили гарнизон города, т. к. никаких других частей еще не было.

Полк сразу же стал нести усиленные наряды караулами, а по ночам патрулями. По имевшимся сведениям, в городе оставалось немало большевиков. С 22 часов жителям запрещалось выходить из домов. Улицы с этого часа были пустынные, и по ним проходили лишь патрули марковцев. Но миссия патрулей не проходила без столкновений с жителями, устраивающими им «засады»: выбегая на улицы, они бросались обнимать патрулирующих, благодарить за освобождение, вырывать у них согласие прийти к ним в свободное время. Особенно бесцеремонна была женская молодежь.

То, что в первые дни в городе была отчетливо слышна артиллерийская стрельба и не так уж далеко разрывы снарядов, и то, что по ночам совсем близко и кругом раздавались ружейные выстрелы, совершенно не беспокоило жителей.

– Вы здесь! Вы с нами, и беспокоиться нам теперь нечего, – говорили они.

Иное отношение к ночным ружейным выстрелам было у марковцев: в каждом из них они видели оправданное возмездие большевикам за совершенные ими преступления. Преступлений, совершенных против народа за последние месяцы на Кубани, не счесть, но не они в это время приписывались большевикам, а другие: расстрелы и насилия над жителями только потому, что члены их семей стали в ряды противников их; добивание раненых и глумление над телами павших; зверское убийство более 60 тяжелораненых в станице Елизаветинской; и наконец, то, как поступили они с уже зарытым телом генерала Корнилова: они нашли могилу генерала Корнилова в Гначбау, вынули гроб, привезли в Екатеринодар и здесь, повесив тело на балконе дома, дико глумились над ним, а потом сожгли и развеяли пепел; присутствующая при этом большая толпа народа веселилась.

Преступления требовали возмездия, и оно совершалось. На следующий день по взятии города массы народа стекались к площади у собора, где производился парад частям 1-й пехотной и конной дивизиям. Полк генерала Маркова был на нем в полном составе.

Парад принимал генерал Деникин. Он приехал верхом, в сопровождении своего штаба и Кубанского атамана. Над группой развевался Национальный флаг. Громкое, раскатистое «ура» многотысячного народа предупредило о приближении командующего и было подхвачено войсками. Объезд частей и молебен с провозглашением «Вечной Памяти» погибшим в борьбе. Потом короткая речь генерала Деникина о Родине, ждущей освобождения, и долге каждого перед Ней, покрытая долгим «ура» войск и всего присутствующего народа. И – заключение: церемониальный марш.

Не блистали своим видом марковцы: обмундирование и снаряжение, весьма разнообразное, у них было одно и для боя, и для парада, но проходили они бодрым и твердым шагом, и радость была в их глазах.

Последствия парада для марковцев были отличные: не находилось ни одного из них, кто бы в этот и последующие дни не был приглашен жителями к себе, не принят ими с исключительным радушием. Никто не возвращался от них без подарка: смены белья или гимнастерки и бриджей, даже обуви, не говоря уже о том, что все на них было починено, вымыто, выглажено и на плечах не было бы новеньких черных погон, а на рукавах добровольческого угла.

Настроение у всех превосходное; отдых полный; обстановка, отвлекающая от жестокой войны. То, что приходилось жить в зданиях училищ без удобств, спать на полах и соломе и питаться из походных кухонь, казалось незаметной мелочью.

На третий день на той же площади у собора состоялся другой парад – частям Кубанской казачьей дивизии генерала Покровского, и принимал его генерал Алексеев. Марковцы были лишь зрителями. Вчера они не могли хорошо видеть Кубанских полков конной дивизии генерала Эрдели, будучи сами участниками парада, а теперь они любовались и восторгались силой, порядком и красотой казаков. Им казалась скорой полная победа над большевиками.

На четвертый день, 6 августа, полк генерала Маркова ходил за город к той белой ферме, в которой был смертельно контужен и умер генерал Корнилов. Полк шел по большой дороге на станицу Елизаветинскую и проходил места, памятные для первопоходников по ожесточенным и кончившимся неудачей боям: окраина города; потом – влево артиллерийские казармы, а вправо большой плац; потом – валик, на котором была позиция красных, взятая полком, как и казармы; пустырь и влево предместье... а впереди, в нескольких верстах, видна белая ферма, едва прикрытая рядом тополей. Ферма, куда шел полк. Вот и она с заколоченным окном, через которое влетел снаряд в комнату генерала Корнилова. А рядом с фермой, на самом берегу реки Кубани – крест, место смерти Вождя.

Панихида в присутствии генерала Алексеева, генерала Деникина и др., а также и вдовы, дочери и сына генерала Корнилова. Потом – слово генерала Алексеева, сказавшего, что, хотя и нет могилы Вождя, места его упокоения, все же сожженный и развеянный по ветру его прах приняла Русская земля и сделала его своим достоянием, а память о великом Патриоте да сохранится и чтится во веки в сердцах верных Родине Ее сынов.

Роты марковцев возвращались в город с песнями бравурными и полными скорби.

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал.
И каждому, кто Руси Сын,
На бой кровавый путь один.
Молись о нас Святая Русь.
Не надо слез, не надо.
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада.

Было о чем и о ком скорбеть марковцам. Ко всем их скорбям прибавилась еще одна: передавали как достоверный слух – 17 июля этого года, в Екатеринбурге, были расстреляны Император, Императрица и все их дети с несколькими, не покинувшими их в несчастье, приближенными.

Смерть Императора произвела ошеломляющее впечатление на сознание и чувства всех. Она переживалась как олицетворение кровавой драмы всей России. Смерть Его семьи как кровавая драма всех семей, или уже совершившаяся, или которая совершится. Полный облик Красной власти, охватившей Россию, показан в этом злодеянии. Тяжелая горечь давила на сердце каждого, узнавшего о бывшей панихиде по Императоре и Его семье, носившей неофициальный характер.

* * *

С первых дней пребывания в Екатеринодаре в полку генерала Маркова стали проводиться большие перемены, как в составе, так и в организации. Из него выделялись значительные группы чинов на формирование новых частей:

1 – чины Гвардии – на формирование Гвардейского батальона, сначала как 4-го батальона при полку, а затем – как сводно-гвардейского полка, в командование которым вступил полковник Дорошевич, помощник командира Офицерского полка.

2 – гренадеры – в сводно-гренадерскую часть.

3 – моряки – частью на бронепоезда, частью во флот, который должен возродиться с выходом армии к берегам Азовского и Черного морей.

4 – были выделены офицеры в формирующиеся кубанские пластунские батальоны ввиду недостатка офицеров из казаков.

5 – около ста первопоходников были командированы на формирование особой роты при Ставке Командующего армией, для ее охраны и несения почетных караулов. Рота эта получила ту же форму одежды, что и полк генерала Маркова, но с заменой белых кантов и просветов на погонах – оранжевыми. Черный и оранжевый – цвета Георгиевской ленты.

6 – наконец, по желанию, стали выделяться чины польского происхождения в Польский отряд. Возрождение свободной Польши было объявлено еще в начале Великой войны, а в революцию 1917 года в составе Русской армии находился уже целый Польский корпус. С поражением Германии и восстановлением Польши этот отряд уехал на свою родину.

В общем, из полка было выделено около 400 человек.

Но одновременно он и пополнялся добровольцами из южных губерний России, инородными из освобожденных районов Кубани и отчасти пленными. Кроме того, в полк непрерывно возвращались выздоровевшие от ран. Вступив в Екатеринодар в количестве около 800 штыков, недели через три, полк достиг силы свыше 3000 штыков, не считая чинов разных команд.

Полк получил следующую организацию:

1 – 3 батальона, теперь уже по 4 роты в каждом. 7-я и 9-я роты оставались чисто офицерского состава по 250 человек в каждой. Остальные роты – смешанного состава по 200 с лишним штыков.

2 – полковая пулеметная команда – 12 пулеметов и при ротах пулеметные взводы в 2 пулемета.

3 – конная сотня около 100 коней.

4 – разные вспомогательные команды. Было положено и начало обоза 2-го разряда.

В Екатеринодаре 1-й артдивизион полковника Миончинского стал трехбатарейным. Его 3-я батарея была Гвардейской.

7 августа, приказом Командующего армией, 1-й батарее было дано Шефство Имени генерала Маркова, и она стала именоваться – «1-й Офиц. Г. М. батареей». Это было высокой честью и наградой ей, положившей начало артиллерии в Добровольческой армии и всегда бывшей с генералом Марковым. Она надела марковскую форму, с заменой лишь белых кантов и просветов красными; на погонах – вензель генерала Маркова. Полковник Миончинский распорядился о ношении такой же формы и 2-й батареей, но без вензеля на погонах.

Особая конная сотня 1-й дивизии, неофициально называвшаяся «Марковской» и носившая черные погоны, развернулась в дивизион. Ее командир, есаул Растегаев, был произведен в чин войскового старшины.

* * *

Стоянка полка в Екатеринодаре проходила совершенно спокойно, а с увеличением его численности в 3 раза стала необременительной для чинов и нарядами. Томиться не приходилось: жизнь большого города быстро восстанавливалась во всем ее объеме, давая много развлечений. Молодежь полка развлекалась с молодежью города, проводя время в отличном городском саду, из которого открывался вид на западный отрог Кавказских гор. Красив был сквер у

Атаманского дворца с памятником Императрице Екатерине II – поразительно! – не тронутому большевиками.

Производились небольшие занятия в ротах, чтобы сколотить пополнение и внушить ему чувство порядка, дисциплины и духа полка. Все это дело, в сущности, велось только в ротах, командиры которых в этом были вполне самостоятельные, передавая даже его своим, более молодым помощникам-заместителям. Очень мало, и только попутно, уделялось времени внешнему виду, показной стороне рот, а главное внимание обращалось на моральную подготовку, обязательно связанную с представлением о всевозможных моментах в боях, для чего роты иногда выводились на тактические занятия за город.

Основное, что внушалось всем как выводы из минувших боев, было: «Быстрота, глазомер и натиск», не считаясь с силами противника; когда необходимо – наступление «в рост», без остановок и всегда с целью довести до штыкового удара; при вынужденной обороне – выдержка, хладнокровие, а затем – контратака; в случаях неудач и неизбежного отхода, как бы его ни пришлось проводить – в порядке или в беспорядке, всегда быстро собираться для решительного контрудара; всегда беречь патроны и во всех случаях выносить раненых; инициатива, дерзание, маневр даже для малых соединений; взаимная выручка и поддержка. В ротах такая подготовка доводилась до предела. Подготовка батальонов зависела от их командиров, и надо сказать, ее заметно не было.

Когда Кубанский стрелковый полк ушел в Новороссийск, на южном берегу реки Кубани, на охране переправ, стали три роты марковцев, расположившись по квартирам поселков, населенных рабочими консервной фабрики. Не меньше половины рабочих покинули свои дома и ушли с красными. «Почему?» – спрашивали оставшихся, но те только пожимали плечами. Хорошо жили здесь рабочие в своих недавно выстроенных домах, хорошо обставленных, с участком земли под огородом и садом. Ничего не тронули марковцы, «пострадали» лишь зрелые помидоры, баклажаны, фрукты да куриные яйца. Но за это «мародерство» марковцы, когда оставляли эту чудную стоянку, в оставленных записках просили их простить и, конечно, благодарили за приют.

На одну из стоявших здесь рот, 7-ю Офицерскую, была возложена и особая задача: контроль документов и опрос всех, кто направлялся в Екатеринодар и вообще в район к северу от реки Кубани. Особенно много было едущих по железной дороге из Новороссийска. Т. к. железнодорожный мост был взорван, поезда останавливались перед ним, и прежде чем пассажиры могли перейти мост по настилу, они проходили серьезный контроль. Много было из них с петроградскими и московскими документами; немало из них показывали офицерские документы. Это те, кто в ноябре и декабре минувшего года, проезжая через Дон, не желали поступить в Добровольческую армию. На них смотрели строго и с упреком и пропускали. Едущие из Черноморской губернии главным образом спасались от голода, который там был.

Иных контроль задерживал для детального выяснения об их пребывании в этой губернии, и выявлено было несколько активных большевиков и среди них комиссар здравоохранения «Красной Черноморской республики», по профессии фельдшер. Выяснилось, что он занимался не здравоохранением, а углублением пролетарской диктатуры.

9-я Офицерская рота, остававшаяся в Екатеринодаре, несла почетную службу при Ставке Командующего армией. Она выставляла парный офицерский пост у входа в Ставку, над которым развевался Национальный флаг; она в центре армии представляла Русского Офицера, вставшего на защиту Родины, как потребовалось, рядовым бойцом; дефилируя идеальным строем по городу, с пением патриотических песен, она приводила всех в восторг и наводила на мысль каждого о его долге. Находились офицеры, которые иначе смотрели на строй офицеров и небрежно отдавали им честь. Таких командир роты, полковник Булаткин, останавливал и делал им внушение. На строгий вопрос генерала:

– Полковник! Почему вы не подали команды, когда проходит генерал? – полковник Булаткин ответил:

– Ваше Превосходительство! Идет Офицерская рота, и я командую только своим прямым начальникам.

* * *

Обстановка на фронте требовала высылки туда частей из резерва армии. На пересечение пути красной Таманской армии выступили Марковский конный дивизион, затем – две роты 1-го батальона со взводом орудий 2-й батареи. 2-й взвод этой батареи вскоре был отправлен в район города Ставрополя, в отряд генерала Улагая⁵⁷. Вернувшись в Екатеринодар, взвод отдохнул лишь 4 дня и снова отправился туда же, но в отряд генерала Станкевича⁵⁸, в котором он оставался до начала января месяца. За все время боев взвод потерял убитыми 5 офицеров и в их числе своего командира, полковника Плазовского;⁵⁹ ранеными – 5 офицеров и 11 солдат, и убитыми и ранеными 12 лошадей.

12 сентября ушли на фронт 2-й и 3-й батальоны полка со всеми командами. Вернувшиеся в Екатеринодар две роты 1-го батальона застали лишь остальные две роты своего батальона, но и те со взводом 2-й батареи через день спешно выехали на ст. Торговая, в направлении которой с востока наступали красные. Роты остановили красных и выбили их из села Новый Егорлык с поддержкой Донского конного полка. На следующий день рота поручика Савельева⁶⁰, оставшаяся в селе, и донцы были выбиты из села внезапной атакой кавалерии красных. Рота отбивалась сначала повзводно, а затем собравшись, и благополучно отошла на ст. Торговая к другой своей роте и артвзводу. Красные больше не наступали, и в начале октября роты, смененные корниловцами, выехали на присоединение к полку под Армавир.

В Екатеринодаре оставались две роты 1-го батальона, которым пришлось участвовать на похоронах генерала Алексева.

⁵⁷ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. 1875. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова. С конца 1917 г. командир отряда Кубанских войск, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор. Затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией; с марта 1920 г. командующий Кубанской армией, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, с августа 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). В эмиграции в Югославии. В годы Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁵⁸ **Станкевич Сильвестр Львович**, р. 1866. В службе с 1888 г., офицером с 1891 г. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии в резерве чинов при штабе армии, с 9 октября 1918 г. командир стрелковой бригады 4-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й дивизии, с января 1919 г. начальник 3-й пехотной дивизии. Умер от тифа 11 марта 1919 г. в Таганроге.

⁵⁹ **Плазовский Константин Антонович**. Сын генерал-лейтенанта. Полковник. В Добровольческой армии; с 3 июля 1918 г. старший офицер, затем командир взвода 2-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Убит 9 ноября 1918 г. у Софиевки в районе Ставрополя.

⁶⁰ **Савельев Михаил Федорович**, р. 1891. Окончил Тифлисское военное училище (1913). Поручик (капитан). В Добровольческой армии; с января 1918 г. в прикомандировании к Ударному дивизиону Кавказской кавалерийской дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка, с 25 августа 1918 г. командир той же роты 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 12 мая 1919 г. командир Особой офицерской Ставки Главнокомандующего ВСЮР роты, с 26 ноября 1919 г. командир 3-го Марковского полка. Ранен 8 июля 1918 г. под Кисляковской. Полковник. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе (во 2-м полку). После 1945 г. в Германии, председатель отдела Союза Первопоходников и начальник 1-й группы 2-го отдела РОВС. Умер 9 июля 1956 г. в лаг. Пассинг под Мюнхеном.

Смерть генерала Алексеева

На одной из улиц Екатеринодара, идущей из центра к главному вокзалу, близ Триумфальной арки, стоял старый кирпичный, нештукатуренный, одноэтажный дом, на высоком фундаменте и с небольшим палисадником перед ним. Всякому, проходящему мимо, бросался в глаза не вид его, а развевающийся над парадным крыльцом Национальный флаг и стоящие у входа с обнаженными шашками два казака, в форме полка Конвоя Императора Всероссийского. Невольно замедлялись шаги... В этом доме жил генерал Алексеев.

Основоположник Добровольческой армии; не Командующий ею, а, признанный всеми, ее духовный Вождь – Верховный Руководитель, генерал Алексеев нес с нею все тяготы и лишения. Легшие на него еще с конца 1917 года дела внешних сношений и финансов с развитием успехов Добровольческой армии расширялись и усложнялись. Сношения с Доном, объявившим себя самостоятельным государством; с Кубанью, стремившейся последовать примеру Дона; наконец – с Грузией; устройство жизни в губерниях Ставропольской и Черноморской, которое потом будет перенесено и на вновь освобождаемые губернии; необходимость теперь же создать ядро общероссийского единства при развивающейся многопартийности среди государственно-мыслящих людей – все это ложилось на него, давно уже страдающего тяжелой болезнью.

И вот 25 сентября, в день святого Сергия Радонежского, его не стало.

Слабо трепетал приспущенный над его домом Национальный флаг. Печально опустив головы, стояли у входа бородачи конвойцы. Ни один прохожий не прошел мимо, не отдав мысленно земного поклона...

Бывшие в городе две роты марковцев не могли отметить в этот день свой полковой праздник: они участвовали на панихиде по усопшем Вожде, а через два дня и на похоронах его.

Торжественны были похороны генерала Алексеева, Болярина Михаила. Венки, ордена, духовенство... на лафете орудия 1-й генерала Маркова батареи, прибывшего с фронта, гроб... семья покойного, генерал Деникин, которому теперь приходится нести все бремя власти. Шпалеры войск... две роты марковцев. Печально-торжественные звуки похоронных маршей и траурный звон колоколов нового Войскового собора. Масса народа и среди него сотни раненых и больных марковцев. Последнее отпевание в соборе и похороны в нижней его церкви, с правой стороны.

Немеркнувший свет лампад у могилы. Непрекращающийся поток молящихся... Каждый день к могиле подходят марковцы на костылях, с перевязанными руками, головами, едва могущие двигаться. Они стоят у могилы, и кажется им – стоят они у «Чаши страданий и крови» за Родину...

А отойдя от могилы и выйдя из собора, они вдруг возвращаются к жизни, к реальной действительности и говорят себе:

– Мы же, живые, будем продолжать борьбу, пока не достигнем цели.

Зарождение Белой идеи

Над входом в дом, где помещался Штаб Добровольческой армии, развевался Российский Национальный флаг. Ум, душа и воля армии находились сосредоточенными в этом доме, в лице ее Командующего, генерала Деникина, принявшего после смерти генерала Алексеева звание Главнокомандующего. Здесь решались все задачи, связанные с освобождением Родины и направлением ее жизни «по новому руслу – к Свету и Правде».

Высокая, патриотическая Идея была ведущей силой.

Так с песнями, смерти навстречу,

Мы шли и в сраженьях мечтали о том,
Когда мы в свободной Москве созовем
Великое Русское Вече, —

декламировали добровольцы и весь пыл своей молодости и любви к Родине выражали в песне:

Вперед же, братья, на врага,
Вперед, полки лихие!
Господь за нас! Мы победим!
Да здравствует Россия!..

Успехи армии окрыляли надежды в конечное торжество Идеи. Они показали, что общее, сплоченное стремление к цели, даже при разнице личных убеждений, только и может привести к успехам. Стало непреложным законом, что «Добровольческая армия не может стать орудием какой-либо политической партии. Иначе — она не была бы Русской Государственной армией».

Примеры тому показали Вожди. Генерал Алексеев был монархистом. Генерала Корнилова считать монархистом было нельзя. Генерал Деникин заявлял о своем полном подчинении воле Учредительного собрания. Генерал Марков не скрывал своих монархических убеждений, но твердо считал, что выявить свои убеждения должно только после освобождения Родины. Генерал Кутепов, ярый монархист, поборол в себе свои чувства и влечения и заявил, что если воля Учредительного собрания остановится на иной, не монархической, форме правления, то он приложит руку к козырьку и скажет: «Слушаю!»

Терпимость к личному убеждению каждого в армии становилась полной и крепила ее ряды в стремлении к общей Идее. Если даже трудно было иным согласиться с мыслью об Учредительном собрании в составе, каком оно подготавливалось в 1917 году; если в боях социалист, еврей, прап. Фишбейн⁶¹ и шел в атаку с криком: «Вперед за Учредительное собрание!» — как бы ведя и других за него, все же примерялись на представлении о высоком собрании выборных от народа, как бы оно ни называлось.

Добровольческая армия перемолола в себе до конца расовые и племенные расхождения. Особенно это касалось евреев. Установление революцией их полного равенства со всеми принято было без всяких ограничений. В рядах армии евреев было немало; некоторые в офицерском чине; прошедших 1-й Кубанский поход и показавших себя с отличной стороны. Были латыши, литовцы, поляки, горцы с Кавказа, туркмены... Это утверждало закон: «Россия — мать всех народов, ее населяющих».

Сами собой отпали всякие классовые, сословные и пр. деления, как отпало и представление о возникновении вновь классов, сословий... с их правами и привилегиями.

Так Идея армии выявляла и налагала свое влияние на разные стороны жизни и взаимоотношения русских людей.

К добровольцам и казакам большевики относились как к главнейшим своим врагам. Они называли их калединцами, кадетами, корниловцами, деникинцами... Но поняв, что называть их так — значит не вскрывать в своих врагах их сущности, стали величать их — «реакционерами» и «контрреволюционерами», словами, имеющими уже политический смысл. В название «реакционер» они вкладывали стремление к возвращению старых порядков, к водворению несправедливости, неравенству, господству одних над другими, меньшинства над большин-

⁶¹ **Фишбейн Михаил Яковлевич**, р. в Бессарабии. Прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В июне 1918 г. в 1-м Офицерском (Марковском) полку. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Поручик. В мае 1921 г. в Константинополе.

ством. Добровольцы это отвергали решительно, а реакционерами называли самих большевиков, потому что они, имея власть над всей страной, как раз и ввели все, что ими приписывалось добровольцам, у себя, объявив даже «диктатуру пролетариата».

Но «контрреволюционерами» добровольцы себя признавали, подразумевая в этом способы, методы и средства, какими проводилась революция в целом и пролетарская в частности и в особенности. Как ни избегали они говорить на политические темы, но эти два названия побуждали их.

Большевиками было пущено в обращение еще одно прозвище своих противников – «Белые», как отличие от них «Красные». Этому слову посчастливилось: оно широко распространилось не только среди красных, но было принято добровольцами: «Белая армия», «Белое дело», «Белая идея»... «Белый солдат» – белогвардеец. Но была разница в понимании слова «белый»: красные вкладывали в него смысл политический, как и в свое – «красный», а добровольцы – смысл белизны, чистоты своих устремлений и своей Идеи. Красные шли под красным флагом пролетариата, побуждаемые идеями Маркса; белые же – под Русским Национальным, побуждаемые любовью к Родине и благом народа.

Так ведущая Идея Добровольческой армии стала Белой идеей и так постепенно она вскрывала свое содержание, охватывая им белых бойцов. Для них Белая идея стала Святой идеей; Белое дело – святым делом, которое не может выполняться «грязными руками» и нечистыми побуждениями.

* * *

За время долгой стоянки в Екатеринодаре много велось разговоров о моральном облике добровольцев: каким он должен быть и каким был. Некоторые, наряду с описанием походов и боев, записывали и об этом в своих карманных тетрадях. А десятки лет спустя, когда стала осуществляться мысль – написать книгу о походах марковцев, тогда из глубин памяти воскресли минувшие дни...

«Мы обнаружили в хлеву на дворе будки с большим количеством домашней птицы. Перед нашим приходом бежали почти все железнодорожники. Сторож этой будки тоже скрылся вместе с семьей, оставив все хозяйство на произвол судьбы. Бедная птица дня три сидела взаперти. Мы с Луньковым нашли на подоловке запас зерна, притащили воды, выпустили бедняг на дворик и очень радовались, видя, как оживает полумертвая от жажды и голода птица. Потом загнали их в хлев, набросав им вдоволь корму».

«Я с удивлением увидел этого всегда тихого, доброго Лунькова, когда мы пошли в атаку; с каким ожесточением он бросался в штыки, как он кричал вместо «ура» бежавшим черной массой от нас большевикам: «Стой, сволочь, стой!..» Он был смертельно ранен в голову выстрелом из окна, когда наша цепь уже миновала здание вокзала станции».

В одной из станиц взвод Технической роты был расположен в сарае с сеном и сельскохозяйственными машинами. Устраиваясь там, один из офицеров нашел сверток, в котором оказались деньги Романовскими билетами и керенками. Сверток с деньгами был отнесен командиру роты, полковнику Бонину⁶², который как раз в это время вручал хозяину деньги за кормление роты в течение дня, но за неимением нужной суммы – билетом в 5000 рублей достоинством. Хозяин говорил, что сдачи у него нет: откуда у него могут быть большие деньги; он беден, война разорила... Напрасны были все слова офицеров об их сомнении в его бедности. Тут ему был вручен его сверток с деньгами. Его попросили пересчитать деньги... Хозяин был крайне смущен и просил извинить его за недоверие.

⁶² **Фон Бонин Борис Евгеньевич.** Полковник. В Добровольческой армии с февраля 1918 г., командир Технической роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 1-й инженерной роты.

На поле боя под станицей Кореновской, в 1-м походе, в сумке одного убитого, видимо важного красного, было обнаружено 180 тысяч рублей Императорскими кредитными билетами пятисотрублевого достоинства. Командир взвода приказал отнести «трофей» генералу Алексееву, который заведовал казной Добровольческой армии. Генерал Алексеев сидел за столом и занимался делами, когда вошли 2 офицера и молча положили перед ним сумку с деньгами. Генерал смотрит на сумку и на офицеров.

– Что это такое? – спросил он.

– Военный трофей, Ваше Высокопревосходительство!

Генерал молча вынул четыре объемистые пачки билетов, внимательно пересчитал их и поднял на офицеров глаза, полные доброты и благодарности.

– Вы имеете еще что-либо сказать?

– Никак нет, Ваше Высокопревосходительство!

– Можете идти.

Отчетливо повернувшись, оба офицера вышли и явились с докладом к командиру взвода.

– Получили расписку?

– Никак нет, господин капитан.

Командир взвода, штабс-капитан Згривец⁶³ отошел, видимо озадаченный. Но немного спустя он отзывает в сторону офицеров, сдавших трофей, и говорит им:

– Ну, вы, слышь! Не вздумайте чего такого! Я все равно узнаю.

Эти слова нисколько не задели и не обидели офицеров, но они показали им честное и чистое выполнение долга перед армией их начальника, выдвинувшегося из рядовых солдат, и наблюдение им за должным выполнением долга своими подчиненными.

Во 2-м Кубанском походе, когда эшелон с марковцами стоял некоторое время на ст. Тихорецкая, они узнали, что из трофейных складов произведено хищение имущества лицами, которым эти склады были поручены, и будто бы генерал Алексеев, узнав об этом, прослезился. Возмущение марковцев было безгранично: они готовы были отправиться туда, где сидели заключенные мародеры, и расправиться с ними. И только отбытие эшелона помешало им.

В Екатеринодаре уличен был в грабеже один из марковцев и расстрелян. Наказание это приветствовалось. Но уже там же стали говорить, что иные тяжелые проступки и преступления скрываются знающими о них, и тогда в среде марковцев стали, конечно без оповещения, создаваться группы для выявления не только преступников, но и тех, кто их покрывает. Уличенным в преступлении предлагали застрелиться – и тогда никому не будет известно об его преступлении; в противном случае его дело ставилось в известность начальству – и тогда он предавался суду и его имя в списках будет иметь отметку: расстрелян по суду.

Трудна была борьба с живучим злом.

Но проявление зла в ничтожной доле могло ли набросить тень на Белую идею и Белое дело?

⁶³ Штабс-капитан Згривец был убит в мае 1918 г. под Сосыкой.

МАРКОВЦЫ-АРТИЛЛЕРИСТЫ ВО ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ⁶⁴

С начала 1 июня батарея начала активно готовиться к новому походу, и на этот раз опять на Кубань, с целью ее освобождения. В бою под хутором Веселым казаки захватили испорченное трехдюймовое орудие образца 1902 года, и т. к. в нем не хватало запасных частей, то оно долго стояло возле станичного правления. Командир батареи получил разрешение его взять, и временно неисправные части были заменены из имеющихся в 3-й пехотной дивизии. В итоге в батарее стало три орудия.

Спешно перековывались лошади, красились орудия и чинилась амуниция. В военно-ремесленной школе подполковник Миончинский заказал особой конструкции передвижной наблюдательный пункт, т. к. в боях на ровной местности батарея была не в состоянии, без особых приспособлений для наблюдения, вести огонь. Естественно, что неожиданное появление вышки в степи почти немедленно вызвало по ней огонь противника, и она сразу же получила прозвище Халабуда и попала в батарейный «Журавель»:

Соберетесь-ка мы в груды
И споем про халабуду.
Целу ноченьку не спали,
Халабуду сочиняли.
Миончинский влез на вышку,
Из-за леса видит вспышку.
Вдруг граната разорвалась —
Халабуда закачалась.
Поскорей халабуду разбирать.
Разбирали, составляли,
Составляли, разбирали.
Ох... Когда я буду
На дрова рубить то буду.

Общая обстановка была следующей: почти весь Дон был очищен восставшими донцами и ими управлял генерал Краснов, выбранный 3 мая в Атаманы так называемым Кругом Спасения Дона. Ростов занят немцами, а в ст. Егорлыкскую прибыла 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского. Выйдя 7 марта из Дубоссар и идя впереди наступающих немцев, дроздовцы заняли Ростов, а затем помогли донцам занять Новочеркасск в самый тяжелый для них момент боя.

Вся сила нашей Армии определялась численностью 8—9 тысяч штыков и сабель, при 21 орудии и 3 броневых автомобилях. Наша 1-я отдельная легкая батарея входила в 1-ю дивизию генерала Маркова: 1-й Офицерский пехотный полк, 1-й Кубанский стрелковый полк, 1-й конный полк и 1-я Инженерная рота. Офицерский полк имел три батальона.

Красная армия в это время доходила до 100 тысяч человек. Половину составляли части главверха Сорокина, и стояла против немцев, фронтом от Азова, через Кушевку и до Сосыки. Крупные силы, до 30 тысяч человек, занимали по железным дорогам район Торговая—Тихорецкая, под общим начальством бывшего подполковника генштаба Калнина.

⁶⁴ Публикуемые здесь материалы представляют собой воспоминания офицеров Марковской артиллерийской бригады. Впервые опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

Генерал Деникин, считая время благоприятным, решил начать наступление на Екатеринодар. Первое, что намечалось, — это занять Торговую, дабы прервать железнодорожное сообщение Кавказа с Царицыном и, следовательно, со всей Советской Россией. Потом занять Тихорецкую, затем на севере Кушевку, а на юге Кавказскую и, оставив прикрытия, двинуться на Екатеринодар.

Для занятия станции Торговая приказано к ночи 11 июня сосредоточиться так: 1-й дивизии генерала Маркова, с рассветом 12-го, начать наступление на станцию Шаблиевка, занять ее и прервать сообщение Торговой с Великокняжеской; 3-й дивизии, от разъезда Трубецкого, наступать на Торговую с фронта, имея поддержку от 2-й дивизии с северо-запада. Генералу Эрдели, перерезав своей конницей железную дорогу к юго-западу от Торговой, наступать на нее с юга.

Во исполнение этого колонна генерала Маркова выступила из Егорлыкской в Сальские степи 10 июня в составе: 1-го Кубанского стрелкового полка, при 3 наших орудиях и Св. — Донского казачьего полка, при одном орудии. Движение шло в направлении «Казенного моста» через реку Маныч. Переночевав в зимовнике Королькова, к полудню 11-го, по страшной жаре, прошли разгромленный зимовник Супунова, где был водопой и купанье. Скоро разъезды обнаружили заставы противника. Генерал Марков выслал Донской полк в сторону «Казенного моста», оставил стрелков на месте, а сам с конной сотней и батареей пошел к железной дороге, дабы произвести обстоятельную разведку для предстоящего назавтра боя.

Это движение было замечено противником, и на разъезде Маныч высадился эшелон пехоты, залегший густыми цепями вдоль полотна. Генерал Марков приказал батарее вернуться к стрелкам, а к вечеру здесь собрался весь отряд. С темнотой двинулись на ночевку к Супунову, и по пути колонна была обстреляна пулеметным огнем красной разведки. Командир Донского полка получил приказание ее ликвидировать.

На биваке генерал Марков объявил план завтрашнего боя и предупредил нашего Командира о неизбежности серьезных потерь назавтра, при наступлении по совершенно открытой степи, под огнем бронепоезда.

Бой под станцией Шаблиевка и смерть генерала Маркова

Еще не рассветало, утром 12-го, когда стрелки с батареей в боевом порядке выступили в направлении хутора генеральши Поповой, что расположен на возвышенности против станции Шаблиевка. С рассветом сразу же попали под сильный артиллерийский огонь нескольких бронепоездов. Батарея открыла по ним огонь, привлекая на себя весь огонь противника и тем давая возможность стрелкам подвигаться вперед, не неся больших потерь. В батарее же сразу вышло семь раненых, среди них: подпоручик Черняев⁶⁵ и кадет Рево⁶⁶ — тяжело, легко: штабс-капитан Стадницкий-Колендо⁶⁷ и прапорщики: Плотников⁶⁸, Кокин⁶⁹, Прюц⁷⁰.

⁶⁵ **Черняев Василий Федорович.** Подпоручик гвардии. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, февраль—март 1918 г. в 4-й, затем в 1-й батарее. Тяжело ранен 12 июня 1918 г., с марта 1919 г. в 4-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона. В Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. во 2-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Капитан. В эмиграции во Франции. Умер в июле 1939 г. в Париже.

⁶⁶ **Рево Сергей Валентинович.** Кадет. В Добровольческой армии; летом в 1-й Офицерской батарее. Тяжело ранен 12 июня 1918 г. Во ВСЮР и Русской Армии; в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1920 г. подпоручик 1-й батареи) до эвакуации Крыма. Подпоручик. В эмиграции во Франции. Умер 9 мая 1978 г. в Шателеро (Франция).

⁶⁷ **Стадницкий-Колендо Вячеслав Иосифович.** Штабс-капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й, затем 1-й батарее; 21 ноября — 26 декабря 1918 г. командир 3-й батареи, затем старший офицер той же батареи; в сентябре 1920 г. подполковник, командир 3-й батареи; с 21 сентября 1919 г. командир 5-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Кавалер ордена Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Польше. Погиб до 1945 г.

Хутор был взят стрелками и генералом Марковым, заскакавшим с небольшой конной группой в тыл красных. Противник отступил к станции. Батарея пришла на хутор и поставила два орудия в саду, спускающемся от хутора к станции, а 3-е орудие заняло позицию между сараями, на одном из которых был главный наблюдательный пункт. Боевой обоз укрылся за постройками.

Генерал Марков был на главном наблюдательном пункте, когда сюда пришел разъезд от 2-го офицерского конного полка 3-й дивизии. Получив сведения от разъезда, генерал его отправил обратно, приказав доложить, что атаку начнет в 16 часов.

Но атака началась раньше, и сигналом к ее началу послужило появление нескольких поездов со стороны Торговой. Штабс-капитан Шперлинг открыл по ним огонь, и паровоз 1-го состава был сразу же подбит, и этим заперт путь для остальных. Цепи стрелков быстро двинулись к станции. Из вагонов всех поездов начали выпрыгивать толпы красных и бежать в селение за станцией.

Красный поезд от разъезда Маныч все время вел огонь по хутору, разрывом одной гранаты в телефонной двучолке батареи была разнесена на куски пристяжная лошадь, но ни корень, ни ездовой не пострадали. От меткого огня батареи бронепоезд отошел за разъезд.

Генерал Марков следил за цепями стрелков с чердака и, когда они уже подходили к мосту, стал спускаться к 3-му орудью. В этот момент граната, выпущенная на пределе, разорвалась между 3-м орудием и лестницей, по которой спускался наш Шеф. Одним из осколков был смертельно ранен генерал Марков. У него было вырвано левое плечо и разбит затылок.

Это событие тяжело отозвалось на всех, и были опасения, что стрелки даже могут утратить боеспособность, так импонировал им генерал и так сильно повлияло на них его ранение.

Этот выстрел бронепоезда был последним выстрелом боя и выстрелом судьбы, как выстрел судьбы, тоже последняя граната сразила генерала Корнилова под Екатеринодаром.

Станция была взята, и части ночевали на площади селения. На станции к батарее присоединились два наших офицера, из бывших в Новороссийской тюрьме.

Не стало незабвенного Шефа, но память о нем, как и написанные строки, останутся бессмертными:

«Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России».

13-го гроб с телом генерала по железной дороге был отправлен в Торговую, а затем в Новочеркасск. Умирая, наш Шеф сказал: «Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас...»

14 июня батарея имела дневку. Еще накануне на блиндированном поезде прибыл полковник Кутепов и вступил в командование дивизией, а к вечеру походным порядком подошли части 3-й дивизии.

В ночь на 15-е батарея с кубанскими стрелками выступила к реке Маныч, в направлении «Казенного моста». Местность болотистая, движение было возможно лишь по узкой гати. Бой продолжительный, противник защищался упорно, но все же был опрокинут, и наши части заняли Великокняжескую, в то время как 3-я дивизия еще вела бой между разъездом Маныч и

⁶⁸ **Плотников Борис Александрович.** Окончил Ташкентский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 6-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Поручик. Убит 11 октября 1919 г. у с. Чернава под Ельцом.

⁶⁹ **Кокин Василий Васильевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан.

⁷⁰ Воспоминания Н. Прюца помещены ниже.

Великокняжеской. Красные, отходя перед дроздовцами, обошли станицу, и обе дивизии остановились в ней. В долине Маныча остались действовать донские части.

Имея дневку в Великокняжеской 16-го, батарея поздним вечером прибыла в село Воронцовское, что при станции Торговая, и стала на ночевку. Здесь назначался сбор всех частей Армии. Стараниями Командира было сформировано и 4-е орудие. Батарея стала четырехорудийной: 1-е – штабс-капитан Шперлинг, 2-е – поручик Казанли;⁷¹ 3-е – капитан Харьковцев 1-й и 4-е – поручик Боголюбский⁷².

18-го батарея и кубанские стрелки, подчиненные генералу Эрдели, выступили и с боем заняли село Сандата и далее, в последующие дни: Ивановка, Красная Поляна, Куковское, Рассыпное и 22-го – Ново-Павловское.

23-го, совместно с другими дивизиями, произошел тяжелый и упорный бой за овладение огромным селом Белая Глина. Здесь понесли большие потери дроздовцы, убит командир полка полковник Жебрак.

Захвачено до 5 тысяч пленных, много местных жителей, насильно мобилизованных, батарея пополнилась солдатами, которые на протяжении всей Гражданской войны были лучшими солдатами.

Встревоженный успехами добровольцев, Сорокин усилил Тихорецкий участок переброской из-под Батайска и 18 июня повел наступление на Кагальницкую, где у нас был слабый заслон. Туда спешно стали направляться части и двинул 1-й Офицерский полк, двигавшийся из Новочеркасска к дивизии. После упорного боя 25-го, в котором полк понес большие потери, станица взята, а полк направлен к дивизии. Среди убитых – прапорщик Рудзит⁷³.

В этот же день батарея со стрелками спешно выступила на станцию Ея и станицу Ново-Покровскую, на поддержку частей генерала Эрдели. Здесь простояли до ночи 29-го. Все время, днем и ночью, противник вел огонь по станице, наш же дежурный взвод находился на ст. Ея. Бронепоезд красных имел дальнобойную морскую пушку Канэ и был вне досягаемости нашего огня.

В ночь на 30-е отряд полковника Туненберга: полк и батарея – выступили на ст. Кальниболотскую, которая была взята совместно с корниловцами, здесь же к дивизии присоединился 1-й Офицерский полк.

Еще 24 июня подполковник Миончинский возбудил ходатайство о даровании батарее имени генерала Маркова.

1 июля предстояла атака станции Тихорецкая. С рассветом со стрелками выступили на хутора Ново-Романовские. Это оказался целый ряд хуторов, занятых противником, и за каждый пришлось вести бой. К 15 часам отряд занял станицу Тихорецкую и, после короткого привала, пошел к станции, которая должна была быть атакованной всеми частями армии, в 17 часов.

Батарея стала на позицию за стрелками, залегшими в высокой пшенице. Подошедший 2-й офицерский конный полк, сзади стрелков, стал разворачиваться в боевой порядок. Противник открыл по нему огонь, конники бросились вперед и, не ожидая, что в хлебе лежат цепи, смяли их и, понеся большие потери, отступили назад. Наши стрелки-кубанцы двинулись вперед, но

⁷¹ **Поручик Лев Казанли** с 9 февраля 1918 г. состоял в Офицерской батарее, затем командир орудия 1-й батареи. Убит во 2-м Кубанском походе 24 июля 1918 г. под Выселками.

⁷² **Боголюбский Николай Николаевич (1-й)**. Поручик. В Добровольческой армии в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пешего взвода 1-й батареи, с июня 1918 г. командир орудия той же батареи, с марта 1919 г. старший офицер 4-й батареи, с 7 октября 1919 г. командир 2-й батареи Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции. Умер 19 августа 1976 г. в Париже.

⁷³ **Юнкер Рудзит** (с 12 февраля 1918 г. прапорщик). Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й батарее. С 7 мая 1918 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Убит 25 июня 1918 г. под Кагальницкой.

в это время на них выскочили два красных броневика, первый был пушечный, и стали косить наши цепи, залегшие в пшенице.

Преследуя их, они вылетели неожиданно по дороге и очутились перед 4-м орудием поручика Боголюбского, которое в упор, с каких-нибудь 30 шагов, всадило в первый пушечный [броневик] гранату с замедлителем, взрыв которой внутри машины превратил в кровавую массу его личный состав, и начался внутри пожар.

Наступил психологический момент боя: второй броневик повернулся и улетел назад, наш броневик «Верный» и стрелки-кубанцы бросились вперед, а в жестокой рукопашной схватке все защитники окопов были переколоты. Через час поселок и станция Тихорецкая были заняты с огромными трофеями: 3 бронепоезда, много и орудия, и снарядов, и другого военного имущества, как и продовольствия.

Батарея с кубанскими стрелками встала по квартирам, а к полудню 2-го числа к ней были обозы 1-го и 2-го разряда. Среди трофеев оказалось и обмундирование, и материя, так необходимые для всех.

Формирование второй батареи

Во время стоянки в Тихорецкой подполковник Миончинский неутомимо хлопотал о получении орудий из числа захваченных, для формирования при дивизии еще одной батареи, тем более что в батарее уже была создана команда пополнения из вновь прибывающих офицеров.

Вместе с разрешением было получено 3 не вполне исправных орудия образца 1900 года, и 3 июля согласно приказу было приступлено к формированию 2-й батареи, с назначением командиром ее старшего офицера 1-й Отдельной батареи, подполковника Михайлова Алексея Алексеевича⁷⁴, бывшей 48-й артиллерийской бригады. В нее назначались: старшим офицером полковник Плазовский и капитан Трейман, поручик Стариков⁷⁵, подпоручики Пок⁷⁶ и Михеев⁷⁷, прапорщики: Казакевич и Зазулинский, 2 бомбардира-наводчика и 6 канониров.

В течение 10 дней, 4—14 числа, батарея устранила все неисправности в материальной части, получила конский состав, зарядные ящики, конскую амуницию, обозные повозки, пополнение людьми.

К 15 июля 2-я батарея имела: 2 орудия и 2 зарядных ящика запряженными, а 3-е конное орудие (подпоручик Пок) было установлено на железнодорожную платформу для борьбы на железных дорогах...

Теперь армии надлежало расширить свой фронт для подготовки движения на Екатерिनодар. Для этого надо было ликвидировать армию Сорокина, соединиться с донцами, заняв станцию Куцевка, и на юго-востоке занять станцию Кавказская, разбив красные силы, оперирующие в этих районах.

Для исполнения этого: 1-я дивизия полковника Кутепова двинута на Сосыку-Куцевку; 2-я – генерала Боровского, – на Кавказскую, 3-я – полковника Дроздовского, оставлена в Тихо-

⁷⁴ **Михайлов Алексей Алексеевич.** Подполковник 48-й артиллерийской бригады. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. заведующий хозяйственной частью 4-й батареи, затем старший офицер 1-й батареи, с 3 июля 1918 г. командир 2-й батареи, с марта 1919 г. командир 2-го дивизиона в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник. Галлиполиец, командир 2-й батареи Марковского артиллерийского дивизиона. Погиб до 1945 г.

⁷⁵ **Поручик Стариков** к сентябрю 1920 г. был капитаном 7-й батареи Марковской артиллерийской бригады.

⁷⁶ **Пок Иван Иванович,** р. 1895. Подпоручик. В Добровольческой армии; с 3 июля 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в 3-й Кубанской пластунской батарее до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович».

⁷⁷ **Михеев Владимир Федорович.** Подпоручик. В Добровольческой армии; с 3 июля 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде; сентябрь 1920 г. в 7-й батарее. Поручик.

рецкой; 1-я конная дивизия генерала Эрдели – на Уманскую-Строминскую и дивизия генерала Покровского – на Куцевку с востока от Егорлыкской станицы.

3 июля 1-я батарея с конной сотней совершила переход из Тихорецкой в Ново-Леушковскую, под сильнейшим ливнем и по морю воды, а 4-го выступила вечером с 1-м Офицерским полком вдоль железной дороги для атаки станции Сосыка.

С рассветом 5-го кубанские стрелки с 1-м взводом повели наступление на станцию Сосыкайская и станицу Хуторская, а 2-й взвод с 1-м Офицерским полком на станцию Сосыка-Владикавказская. После боя, и упорного, оба пункта к полудню были заняты. Вся дивизия сосредоточилась в станице Павловской и все время оставалась под обстрелом красных бронепоездов.

6-го началось наступление на станицу Крыловскую, на которую дивизия шла центром, [ориентируясь] правым флангом на ст. Екатериновскую, а левым – на ст. Михайловскую. На станицу Екатериновскую наступал 3-й батальон Офицерского полка с орудием штабс-капитана Шперлинга, где встретил сильное сопротивление. Когда была занята ст. Крыловская, полковник Кутепов, оставив в ней батальон, двинулся к Екатерининской, но по дороге столкнулся с густыми цепями красных. Бой затянулся до поздней ночи, когда противник отступил.

Штабс-капитан Шперлинг неоднократно выезжал в пехотные цепи, помогая пехоте отбиваться. Наступил такой момент, когда, теснимая красными, пехота отошла за орудие. В поданном передке были убиты 5 лошадей и ранено двое ездовых, а в орудии заклинилась граната и осталось лишь два не раненых номера. Едва раненых успели забрать на повозки, поданные по инициативе младшего фейерверкера Колосова, как цепь противника залегла на линии орудия.

Полковник Булаткин повел свою 9-ю офицерскую роту в атаку и отбросил большевиков. В орудии ранены прапорщики: Березовский⁷⁸, Ларионов⁷⁹, Рейер⁸⁰, Хартулари⁸¹, Канищев⁸², Мартыненко⁸³, Улановский⁸⁴ и Баянов⁸⁵. Критическое положение было спасено.

⁷⁸ **Березовский Павел Ефимович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе (апрель 1918 г. начальник разведки дивизиона). Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1919 г. поручик, командир взвода) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан (к маю 1920 г.). В эмиграции. Пропал без вести до 1967 г.

⁷⁹ **Ларионов Виктор Александрович,** р. 13 июля 1897 г. в Санкт-Петербурге. Окончил 13-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1916), после чего учился в Отдельных гардемаринских классах, с июня 1917 г. юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде; летом 1919 г. поручик, в октябре 1920 г. капитан. В эмиграции член боевой организации Кутепова, с 1927 г. жил во Франции, затем в Германии. Умер после 1984 г. в Мюнхене.

⁸⁰ **Рейер Петр Александрович.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской (затем Корниловской?) артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан. В эмиграции в Чехословакии, член Общества Галлиполийцев в Праге. Разыскивался в 1934 г.

⁸¹ **Хартулари Сергей,** р. в Москве. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Штабс-капитан. В эмиграции пропал без вести до 1967 г.

⁸² **Канищев Виктор.** Окончил 2-й кадетский корпус, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Летом 1919 г. поручик, адъютант командира Марковской артиллерийской бригады, затем шт.-капитан. Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

⁸³ **Мартыненко Павел Ксенофонтович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища (не кадет). В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР в 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригаде, с 28 августа 1919 г. поручик. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Умер до 1967 г.

Ночью на 8 июля 1-й Кубанский стрелковый полк со 2-м взводом выступили из Крыловской на Кисляковскую, а из Екатериновской 1-й Офицерский полк с 1-м взводом. Двигаясь вдоль полотна железной дороги и пройдя разъезд Садала, 2-й взвод вступил в бой с бронепоездом, прямыми попаданиями заставил его отойти к станции Кисляковская. В 3-м орудии заклинилась граната, но с 4-м орудием по бронепоезду стреляла шестидюймовая гаубица. Бронепоезд стрелял из посадок станции, как вдруг на нем произошел взрыв снарядов и пожар. 4-е орудие или гаубица вывели его из строя, осталось неизвестным. Станция была занята, и, простояв на ней до вечера, батарея перешла в станицу Кисляковскую, где имела дневку 9-го.

На 10-е предвиделся жестокий бой за ст. Кушевка. Все части выступили до рассвета, но боя не было, т. к. Сорокин отошел со всей своей армией на Тимашевскую. На станции мы встретились с частями донцов.

На разъезде Конелов был разобран путь и взорван мост, по ту сторону которого были немцы. В Кушевке подполковник Миончинский получил назначение командиром 1-го Отдельного легкого артиллерийского дивизиона, а 1-ю батарею принял подполковник Машин Петр Николаевич⁸⁶.

12-го 1-я батарея погрузилась в вагоны и через ст. Тихорецкая, прибыла 13-го на ст. Станичная, где и выгрузилась для наступления на город Екатеринодар, куда продвигались дроздовцы.

Но вследствие осложнившейся обстановки под городом Ставрополем, который занял полковник Шкуро, на помощь ему был двинут с кубанскими стрелками по железной дороге 2-й взвод капитана Харьковцева.

Снова заняв вагоны, 1-й взвод и 5-е орудие штабс-капитана Стадницкого-Колендо были присоединены к эшелону 1-го Офицерского полка и утром 14-го прибыли на станцию Пластуновка, в момент, когда дроздовцы наступали на станицу Пластуновскую. Взвод разгрузился, а 5-е орудие осталось на платформе.

После полудня взвод с 1-м Офицерским полком и бронеавтомобилем выступил со станции для занятия переправы через реку Качати и для связи со 2-м конным офицерским полком, наступавшим на ст. Васюринскую. После нетрудного боя переправа занята, и от нее взвод с батальоном 1-го Офицерского полка свернул влево от полотна и занял Покровский женский монастырь, занятый красной конницей. Ночевали в поле около монастыря.

Прорыв красных в наш тыл и бои у Кореновки

15 июля отряд занял станицу Динскую, где сменил 2-й Офицерский полк, отправляющийся к Тимашевской, а два батальона 1-го Офицерского полка с 11-м орудием были спешно погружены в вагоны и направлены на станцию Станичная.

⁸⁴ **Улановский Владимир Януриевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. С 12 марта 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (в начале 1920 г. поручик, в сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции. Умер до 1967 г.

⁸⁵ **Баянов Сергей.** Инженер, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Умер от холеры в мае 1920 г. в Перекопе.

⁸⁶ **Машин Петр Николаевич.** Подполковник. С конца 1917 г. в отряде капитана Покровского на Кубани, в феврале—марте 1918 г. старший офицер 4-й батареи, затем в 1-й батарее, начальник хозяйственной части, с 10 июля 1918 г. командир 1-й батареи, с 16 декабря 1918 г. полковник, с 4 апреля 1919 г. командир 1-го дивизиона, с июня 1919 г. командир Марковской артиллерийской бригады, с 6 июня 1920 г. генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции командир Марковского артиллерийского дивизиона до декабря 1926 г.

Оказывается, армия Сорокина, отступавшая вдоль Черноморской железной дороги, вдруг круто повернула и заняла Кореновку и Станичную, отрезав 1-ю и 3-ю пехотные дивизии от остальных, чем создали грозное положение. Здесь начались упорные бои и продолжались с переменным успехом с 16—25 июля малочисленных дивизий:

1-й – генерала Казановича и 3-й – полковника Дроздовского – против сильно превышавшего численностью противника.

16-го батальон 1-го Офицерского полка с 1-м орудием штабс-капитана Шперлинга, выгрузившись в темноте на станции Платнировская, повели наступление на Станичную, но их атаки отбивались контратаками красных, и, неся большие потери, отряд остановился, ожидая поддержки.

В 8 часов дроздовцы повели упорное наступление, но красные, превосходя численно, дрались упорно, и бой затянулся на весь день. Вечером части 1-й и 3-й дивизий отошли к Платнировской.

17-го упорный бой начался с утра. При первом орудии пулей убит телефонист подпоручик Вишницкий Владимир. Перед вечером обнаружилось наступление на ст. Станичная со стороны Тихорецкой. То наступал подвезенный из Ставрополя Кубанский стрелковый полк с нашим 2-м взводом и 3 орудия 2-й батареи, еще не закончившей свое формирование в Тихорецкой.

1-й Офицерский полк перешел в наступление, и станция Станичная была взята.

18-го три орудия 1-й батареи с кубанскими стрелками выступили на хутор Журавский, а два орудия той же батареи со 2-м батальоном 1-го Офицерского полка по железной дороге переброшены на ст. Бейсуг и, выгрузившись, ночевали в станице Новодонецкой. Этот отряд был полковника Тимановского. Ожесточение с двух сторон было ужасное, ибо красные, заняв наш тыл, произвели жестокость.

Оставленные в станице Динской орудие поручика Казанли и 5-е, с 3-м батальоном полка, под командой полковника Дорошевича, вели весь день упорный бой с наступающими от Екатеринодара красными, а ночью отошли в станицу Пластуновскую.

Утром 19-го отряд полковника Тимановского выступил из Новодонецкой и занял позицию под Выселками, по правому берегу реки Журавки, причем под огнем, и тяжело был ранен начальник 3-го орудия штабс-капитан Харьковцев 2-й.

Отряд полковника Дорошевича переночевал в Платнировской. Здесь 5-е орудие было сгружено с платформы и запряжено лошадьми случайными. Погруженные снова, пошли к станции Станичная, где дроздовцы вели бой. Эшелон не смог дойти до ст. Выселки, т. к. путь был перерезан, а потому весь отряд сгрузился в поле, перед разъездом Козырьки, а потом через хутор Малеванный прошел в Выселки и соединился со своими частями.

С 20-го по 25-е обе батареи стояли на позициях под Выселками, находясь при разных частях и все время отбивая атаки. За эти дни убиты в 1-й батарее – начальник 2-го орудия поручик Казанли, прапорщики: Квецинский⁸⁷ и Клементьев⁸⁸, а во 2-й ранен капитан Лепилин⁸⁹. 5-е орудие 1-й батареи переведено во 2-ю батарею, а штабс-капитан Стадницкий-Колендо принял 3-й орудие 1-й, а 2-е – подпоручик Давыдов⁹⁰.

⁸⁷ **Квецинский Станислав.** Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской, затем 1-й батарее. Убит 20—25 июля 1918 г. под Выселками.

⁸⁸ Имеется в виду прапорщик Константин Клементьев.

⁸⁹ **Лепилин Александр Михайлович.** Капитан гвардейской артиллерии. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й отдельной батарее, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе: в июле 1918 г. во 2-й батарее, с 3 (17) августа 1918 г. командир 3-й батареи. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (август—сентябрь 1920 г. командир 1-го дивизиона). Полковник (с января 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец, командир 1-й батареи дивизиона. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии.

⁹⁰ **Давыдов Борис Антонович.** Подпоручик артиллерии. В Добровольческой армии; ноябрь 1917 г. в Юнкерской батарее.

Сорокин, стремясь в эти дни нанести полное поражение частям нашим, потерпел, в конце концов, сам поражение и стал отходить на город Екатеринодар, преследуемый добровольцами.

Наступая от Кавказской, Кореновской и Тимашевской, наши двигались к городу.

2 августа, впереди разъезда Лорис, позицию батареи и затем наблюдательный ее пункт, все находящееся под сильным ружейным огнем, посетил Командующий Добровольческой армией генерал Деникин с генералами Романовским и Казановичем, приняв доклады полковников Туненберга и Миончинского. Командующий благодарил батарею за ее работу, а 3 августа, ранним утром, стрелки и батарея, с оркестром музыки, вступали в город. Здесь все получили отдых, столь заслуженный.

7 августа, на утренней поверке, был прочитан приказ по армии, который не сохранился, о даровании 1-й батарее имени генерала Маркова – т. е. 1-я генерала Маркова батарея.

6 августа 1-й конный Офицерский полк с 4-м орудием генерала Маркова батареи, под командой полковника Колосовского, выступили из Екатеринодара для преследования красных, отходящих на Новороссийск.

12 августа, когда был готов деревянный мост через Кубань, кубанские стрелки и три орудия генерала Маркова батареи двинулись в Новороссийск, выделив сначала команду для обслуживания захваченного красного бронепоезда и названного «Офицер», командиром которого стал капитан Харьковцев 1-й.

13-го эшелон кубанцев с тремя орудиями генерала Маркова батареи и без боя прибыл в город Новороссийск, где сгрузился, став по квартирам.

17-го в Екатеринодаре было приступлено к формированию 3-й батареи дивизиона, названной гвардейской и командиром которой назначался капитан Лепилин. Кроме того, при 2-й батарее формировалось конное орудие полковника Айвазова⁹¹, для его работы с 1-м конным Офицерским полком. Формирование затянулось, благодаря нашей бедности во всем, получено было только: одно орудие образца 1900 года, без щита, угломера, прицела и передка; одного ящика с передком и без лошадей, за исключением одной собственной офицера, переведенного в конное орудие. Первые офицеры: поручики Пашковский, Занкевич, Мицкевич, подпоручики Елианович и прапорщики: Маевский и Максимов.

18 августа 1-й кон. Офицерский полк с 1-м орудием заняли Кабардинку, а 19-го – кубанские стрелки со 2-м орудием были перевезены морем на соединение к отряду, в Геленджик. 23-го весь отряд пошел по дороге морской, вдоль берега, за красными на Туапсе и его занял 31-го, куда также вошли и грузины. Затем, вытеснив грузин, отряд перешел в Лазаревку, на грузинской границе, где 1-й взвод и простоял до 20 ноября.

3-е орудие генерала Маркова батареи, под командой старшего офицера штабс-капитана Князева⁹², 16-го отправлено в ст. Усть-Лабинскую.

24-го вернулось в Екатеринодар и 12 сентября с 1-м орудием 3-й батареи было отправлено под Армавир, а 4-е орудие генерала Маркова с батальоном кубанских стрелков простояло в Новороссийске до 28 сентября и после пошло под Армавир.

Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник команды разведчиков 1-й батареи, затем старший офицер 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Умер от тифа 28 декабря 1919 г. в Кушевке под Ростовом.

⁹¹ **Айвазов Георгий Владимирович.** В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 17 августа 1918 г. командир конного орудия при 2-й батарее, январь 1919 г. командир взвода (капитан), с 13 апреля 1919 по август 1919 г. командир 4-го дивизиона в 1-й, затем Марковской артиллерийской бригаде. Галлиполиец, командир 3-й батареи Марковского артдивизиона. Полковник. Умер 21 апреля 1929 г. в Бийанкуре (Франция).

⁹² **Князев Андрей Серапионович.** Из дворян Области Войска Донского, сын офицера. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1905). Штабс-капитан, командир батареи. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. старший офицер в Юнкерской батарее. В январе 1918 г. участник рейда Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: старший офицер 1-й батареи; с 16 декабря 1918 г. командир 1-й батареи, с 24 апреля 1919 г. командир 4-й батареи Марковского артдивизиона, с августа 1919 г. командир 2-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Капитан. Убит 7 октября 1919 г. у с. Казанцева под Ельцом.

За это время все действия направлялись на ликвидацию Армавирской группы красных, которая не была пассивной и вела бои с дивизиями полковника Дроздовского и генерала Боровского. В командование 1-й конной дивизией вступил генерал Врангель, заменивший генерала Эрдели.

Дроздовцы 6 сентября взяли Армавир, а генерал Боровский Невинномысскую. Красные перешли снова в наступление, опять заняв Армавир и Невинку. Одновременно разгорелись и бои у города Ставрополя, куда были брошены корниловцы, ликвидировав угрозу большевиков отрезать сообщение с Доном занятием станции Торговая.

25 сентября в Екатеринодаре скончался генерал М.В. Алексеев, что явилось для армии тяжелой потерей.

Приказ по армии гласил так:

«Сегодня окончил свою – полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый труд и боевая деятельность офицера генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами русского государства в Отечественную войну – вот его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью к Родине – и великой, и растоптанной.

Когда не стало армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верою в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок. И решимость Добровольческой армии продолжать его подвиг до конца – пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли. *Генерал Деникин*».

3-е орудие генерала Маркова батареи на лафете везло прах генерала в собор, а конное полковника Айвазова было в наряде для отдания почестей.

Н. Прюц⁹³ **ШАБЛИЕВКА⁹⁴**

В июне месяце 1918 года Добровольческая армия, расположенная в донских станицах Егорлыкской, Мечетинской, Кагальницкой, выступила во 2-й Кубанский поход.

Первая пехотная бригада, под командой генерала генерального штаба Сергея Леонидовича Маркова, состояла из 1-го Офицерского (Марковского) полка и Кубанского стрелкового полка. К началу выступления 1-й Офицерский полк находился в Новочеркасске и в первых боях Второго похода участия не принимал.

С 1-й бригадой всегда работала 1-я Отдельная батарея, так переименованная из Константиновско-Михайловской батареи, под командой подполковника Миончинского.

Впоследствии эта батарея была названа батареей имени генерала Маркова. А из этой батареи развернулась потом и вся Марковская артиллерийская бригада. Только 7-я и 8-я гаубичные батареи Марковской артиллерийской бригады не были укомплектованы офицерами Шефской батареи.

Во Второй поход выступили 12 июня на рассвете в направлении на станцию Шаблиевка. Шли долго по совершенно пустынной степи. Лишь где-то вдали виднелись строения, вероятно, это были зимовники. Был очень жаркий день. Проходя стороной небольшого оврага, слышали слабое блеяние. Оказался брошенный ягненок, с раной на бедре, полной ползучих червей. Кто-то из сострадания ягненка застрелил. Вышли на большой полузаросший пруд в степи. Здесь батарея сделала привал. Продуктов питания никаких не выдавали. Было общее купание артиллеристов.

Наконец подошли к месту, предназначенному как исходный пункт для первой пехотной бригады согласно общему плану наступления.

Здесь, недалеко от станции Шаблиевка, Кубанский стрелковый полк под командой полковника Туненберга развернулся и пошел в наступление на станцию, занятую противником.

1-я Отдельная батарея встала на позицию.

Противник вскоре пристрелялся и покрыл батарею действительным артиллерийским огнем.

Прапорщик Николай Прюц стоял у орудия и при разрыве неприятельской гранаты был ранен в лицо. Осколок гранаты попал ему в левую щеку. Он упал. Прапорщик Иван Лисенко⁹⁵ подбежал и помог ему подняться. Его повели куда-то в сторону. Появилась чудесная сестра милосердия батареи Домна Ивановна Сулацкая⁹⁶, которая тут же его перевязала. Еще

⁹³ **Прюц Николай Александрович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1920 г. штабс-капитан 3-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан.

⁹⁴ Опубликовано: Прюц Н.А. Очерки. Лос-Анджелес, 1967.

⁹⁵ **Лисенко Иван Эрстович (2-й).** Сын офицера. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Осенью 1918 в 1-й батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, в июле 1919 г. командир орудия 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде, с сентября 1920 г. шт.-капитан 4-й батареи той же бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Капитан. В эмиграции с 1933 г. в Чехословакии, затем в США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер 17 января 1969 г. в Сан-Франциско (США).

⁹⁶ **Сулацкая Домна Ивановна.** Из казаков ст. Кумшацкой Области Войска Донского. С ноября 1917 г. сестра милосердия в Юнкерской, затем 1-й Офицерской батарее. После похода в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. В эмиграции. Умерла до 1967 г.

несколько гранат разорвалось впереди и по бокам. Домна Ивановна, не обращая внимания на обстрел, твердой рукой повела прапорщика Николая Прюца в тыл.

За небольшим бугорком была какая-то часть. Оказалось, инженерная рота с повозками. Домна Ивановна передала раненого сестре милосердия этой роты. Его положили на повозку, и он впал в забытие. Ночью сестра разбудила раненого и накормила его курятиной. Он опять впал в забытие и очнулся лишь на перевязочном пункте на станции Торговая. Кто-то очень осторожно снял повязку с головы, и сквозь набухшие веки правого глаза он увидел лицо доктора. Левая сторона лица сильно болела. Доктор ничего не ответил на вопрос о состоянии раны.

Лазарет на станции Торговая помещался в каком-то длинном, довольно широком, высоком помещении. Посередине был проход, по обе стороны тянулись сплошные нары.

Раненых было много. Прапорщик лежал на нарах приблизительно в середине.

Появился прапорщик той же батареи, раненный в палец. Его фамилия не осталась в памяти у прапорщика П. Впоследствии последний узнал, что это был однокашник по кадетскому корпусу другого прапорщика батареи, по фамилии Макаревич, которого приятели называли Макар.

Прапорщик, раненный в палец, заявил через некоторое время, что ему стыдно с такой легкой раной быть в лазарете. Он ушел обратно в батарею и в том же году был убит в одном бою.

На другой стороне, как раз напротив прапорщика, лежал тяжело раненный в голову. Он был почему-то совершенно голый, изредка подымался на локтях и все время пытался одеться. У него не было ни сапог, ни брюк, в общем, ничего. Но он делал все движения, необходимые при одевании. Таким образом он надевал брюки, которых у него не было, натягивал сапоги, которых у него тоже не было.

Говорили, что он был ординарцем у командира 1-й Пехотной бригады, генерала С.Л. Маркова, убитого накануне в бою под Шаблиевкой.

В тот же день раненых на длинной веренице подвод отправили по степи к реке, вероятно к Манычу.

Здесь в станице у реки казаки разносили воду раненым. Прапорщик шутя спросил одну молоденькую казачку: «Вышла ли бы она замуж за полуслепого?»

Она прямо, чистосердечно сказала: «Нет!»

Раненых погрузили на пароход.

Вероятно, раненый прапорщик Николай Прюц опять впал в забытие, так как момент самой погрузки на пароход у него не запомнился.

Очнулся он уже на пароходе, когда последний пришел в Ростов.

Николаевская больница в Ростове-на-Дону

Раненных 12 июня 1918 года в боях под Шаблиевкой и Торговой перевезли на подводах по степи, а потом на пароходе по Манычу и Дону до Ростова. В городе их отвезли на трамваях в Николаевскую больницу.

Прапорщика 1-й Отдельной батареи Николая Прюца, как раненного осколком гранаты в лицо с повреждением глаза, направили в глазное отделение больницы.

Здесь его положили в ванну, и фельдшер осторожно, мягко обмыл раненого. Глаза у него сильно болели, и ему дали инъекцию. Поместили его в небольшую палату на троих.

На следующее утро профессор Орлов осмотрел прапорщика. Оказалось, что осколок гранаты повредил только левый глаз. Прапорщик ослеп на этот глаз.

Начались однообразные лазаретные дни. По утрам появлялись сиделки, быстро убравшие палаты. Они же приносили раненым завтрак, обед, ужин.

После утреннего завтрака происходили осмотр и перевязка раненых.

В первом этаже здания были отдельные клинические помещения. В разные дни в этих помещениях профессор занимался со студентами Ростовского университета. Раненых сводили со второго этажа, где находились больничные палаты, в помещения нижнего этажа.

Прапорщика сажали за какой-то столик, а студенты по очереди подходили к раненому, садились по ту сторону стола, напротив раненого, и изучали ранения лица и глаза, пользуясь какой-то трубкой, стоявшей посередине стола.

Вместе с прапорщиком лежали раненые казаки. Один молодой кубанский офицер, в прошлом учитель, совершенно ослепший, рассказывал много интересного о Кубани. К нему приходила молодая девушка, и они говорили о будущей совместной счастливой жизни!

Когда было настроение, раненые пели.

Здесь прапорщик впервые услышал кубанский гимн «Ты Кубань, ты наша Родина». Мелодичное исполнение этого гимна производило сильное впечатление, а в исполнении слепого офицера оно хватало за душу.

При хорошей погоде раненые шли гулять в сад при больнице.

Однажды прапорщик, сидя на скамейке в саду с несколькими незнакомыми ранеными, услышал разговор о 1-й Отдельной батарее. Одним из раненых оказался поручик Казанли, поступивший в батарею уже после того, как прапорщик Николай П. был ранен.

Начались расспросы!

Выздоровев, этот поручик К. потом вернулся в батарею и вскоре был убит в бою.

В больницу пришла навестить прапорщика одна сестра милосердия, донская казачка, с которой он познакомился при исключительных обстоятельствах при оставлении Ростова в феврале 1918 года и которая приняла тогда в нем участие.

Навестили прапорщика его хорошие знакомые еще по Петрограду – прапорщик Сергей Сергиевский⁹⁷, офицер 1-й Отдельной батареи, и его старший брат Александр С., тоже офицер-артиллерист.

Они принесли ему весточку от родной сестры прапорщика Николая П. Она жила в это время в Новочеркасске и по болезни не могла приехать в Ростов, чтобы посетить его.

В клинике случился с прапорщиком милый эпизод.

Жившая при больнице старшая сестра милосердия клиники имела 14—15-летнюю дочь, довольно капризную. Сидя вместе с девочкой однажды на скамейке перед казенной квартирой ее матери, они рассматривали старое издание журнала «Нива». Прапорщик разговаривал с этой девочкой как с подростком. Считая себя, вероятно, уже взрослой, ей такое обращение, как видно, не понравилось. Недолго думая она подняла тяжелое, переплетенное годичное издание журнала и с силой бросила этот журнал в прапорщика и убежала.

От неожиданности он почти упал со скамейки. Больше он эту девочку не видел. На следующее утро на столике у постели прапорщика появилась красная роза.

Старшая сестра милосердия в одно из посещений палаты сказала прапорщику, что пришла дама, которая ищет своего сына, тоже служившего в 1-й Отдельной батарее. Не имея подтвержденных сведений, прапорщик не имел возможности сказать этой даме что-либо о судьбе ее сына.

Раненый прапорщик Николай П. пользовался в больнице отличным уходом, и скоро его рана зажила и ему было уже разрешено выходить для прогулок в город, чем он однажды и воспользовался.

Впечатление от этой первой своей прогулки он вынес самое неприятное. Выйдя на улицу и идя по Садовой, он увидел, что резко выделяется в толпе прохожих.

⁹⁷ **Сергиевский Сергей.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе.

Не получая никакого обмундирования и не имея достаточно денег, чтобы купить что-либо, из-за дороговизны, и не имея даже приличной гимнастерки, он в летнюю жару шел в зимней солдатской папахе и в поношенной, простреленной старой юнкерской шинели. Выделяли его также его высокий рост и обвязанная голова.

Здесь и там мелькали фигуры так же нищенски одетых добровольцев Белой армии.

Зашел в одну большую кондитерскую-кофейную. В ней не было ни одного военного. Кофейня была полна хорошо одетыми штатскими восточного типа. Они то и дело ходили от стола к столу, шептались, уходили, приходили. Создалось впечатление какой-то спекулятивной биржи.

Своим видом прапорщик обратил на себя внимание присутствующих. Смущенно он сел за столик и попросил кофе с пирожным. Это было почти все, что позволили ему его средства.

Все, что ему потом удалось приобрести, была простая солдатская фуражка, которую он потом носил половину восемнадцатого и целый девятнадцатый год. И это было все, что он приобрел за первые полтора года службы в строю своей батареи.

Одна молодая докторша – специалистка по глазам – заинтересовалась его ранением и посещала в больнице. Вероятно, писала какую-то научную работу. Она была москвичкой и шутя приглашала посетить ее в будущем в Москве.

Рана прапорщика зажила, но веко под глазом осталось развороченным. Профессор Орлов выписал его из больницы, как выздоровевшего от ранения, с условием вернуться через месяц обратно в Николаевскую больницу для пластической операции.

Прапорщик перебрался в Новочеркасск. Здесь он заболел тифом. Свои воспоминания об этом он изложил в очерке «Тиф».

Поправившись от тифа, прапорщик вернулся в Ростов, чтобы ему, согласно обещанию профессора Орлова, была сделана операция.

Через несколько дней по его приезду в Николаевскую больницу профессор сделал операцию.

При операции у прапорщика, лежавшего на операционном столе, несколько задрожали ноги. Сестра милосердия, помогавшая профессору, заметила это и укоризненно, мягко сказала:

– Молодой человек, вы же офицер!

Двадцатилетний прапорщик немедленно превратился в камень.

Когда швы по операции зажили, он выписался из больницы и отправился на фронт, заехав по дороге попрощаться с сестрой.

Тиф

В «старое, доброе время» на всякой войне самым ужасным бичом был тиф. Тифы брюшной, сыпной, возвратный. Не избежал тифа и прапорщик Николай Прюц.

Излечившись в Ростове от ранения, он переехал к родной замужней сестре в Новочеркасск, надеясь здесь некоторое время отдохнуть.

У сестры было двое маленьких детишек. Дабы помочь сестре, когда она была на службе, прапорщик заботился о детях и проводил с ними свое время.

Но недолго длилась эта идиллия. Вскоре после приезда прапорщик заболел, поднялась температура, и он принужден был отправиться в местный лазарет, где его приняли на лечение. Лазарет этот находился, кажется, в помещении бывшей женской гимназии, как раз напротив Собора.

На следующее утро по принятии больного в лазарет врач основательно освидетельствовал больного, нашел на его животе какие-то «розочки» и установил заболевание – брюшной тиф.

– Надо его отправить в больницу для тифозных, – приказал врач.

– Нет, доктор! – вдруг возразила старшая сестра лазарета, пожилая донская казачка. – Мы его приняли, и надо его ставить. В лазарете для тифозных он умрет. Кроме того, он раненый! Очевидно, больной прапорщик напоминал ей кого-то.

Доктор нехотя согласился.

Прапорщика оставили лежать в этом лазарете. Он оказался единственным тифозным больным в лазарете для раненых. Старшая сестра милосердия приняла на себя тяжелую ответственность, приняв тифозного.

Его положили в палату на четверых.

Давали больному только простоквашу, но организм ничего не принимал.

Одним из раненых, находящихся в этой палате, был пожилой ротмистр 8-го гусарского Лубенского полка. Несмотря на мучительность своего ранения в пах, он не терял бодрости, шутил и рассказывал интересные эпизоды из своей жизни. Просыпаясь утром, он всегда вежливо здоровался со всеми, говорил: «Доброе утро, господа офицеры и господин прапорщик». А так как Николай Прюц был единственным прапорщиком в комнате, то эта шутка относилась к нему.

Несмотря на то что прапорщик был тифозным больным, все же никакие претензии со стороны раненых на нахождение в их среде больного никогда не поднимались. Только ротмистр иногда слегка демонстративно двумя пальцами брал газету после прочтения ее больным. Правда, делал это ротмистр в очень любезной, не обидной, шутливой форме.

Болезнь прапорщика все ухудшалась. В течение двух недель он почти ничего не ел. Впоследствии он узнал, что его уже начинали считать умирающим.

Прапорщик видел все происходившие вокруг явления в медленном темпе, как в замедленном фильме; например: в-о-т с-е-с-т-р-а и-д-е-т к о-к-н-у!

Но предки завещали ему здоровое сердце, и оно билось, билось, билось... не останавливаясь!

Прапорщик слышал иногда звуки военного оркестра с площади перед лазаретом, где находился кафедральный Собор. Возможно, это была церемония развода караула молодой Донской Армии во время атаманства на Дону генерала П.Н. Краснова.

Отношение персонала к раненым было очень хорошее. Старшая сестра милосердия иногда заходила в палату и вечером. Расспрашивала раненых об их жизни и сама рассказывала о себе.

Прапорщика изредка посещали сослуживцы родной сестры, так как сестра сама в это время была больна и не могла прийти.

Вылечившись, прапорщик сердечно распрощался со всеми и искренно поблагодарил старшую сестру лазарета за прямо материнское отношение к нему и за то, что она приняла на себя ответственность, взяв его, тифозного, в лазарет для раненых. Сестра ответила, что ее тронула беспомощность больного, его безропотность и полное отсутствие каких-либо претензий.

Более или менее выздоровев от тифа, он был вызван в медицинскую комиссию на предмет определения его физического состояния и пригодности к дальнейшей военной службе.

Комиссия заседала в здании лазарета.

Прапорщика удивило, что присутствовал также, не входя в состав комиссии, и бывший командир Константиновско-Михайловской батареи Добровольческой армии капитан Шаколи (правильно – Шоколи. – С. В.) Николай Александрович⁹⁸. Еще до прямого вызова на осви-

⁹⁸ **Шаколи Николай Александрович**, р. 1886. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Капитан, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., командир артиллерийской роты, затем Константиновско-Михайловской батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее Марковского артиллерийского дивизиона и бригады. Эвакуирован до августа 1920 г. из Севастополя. Полковник. В эмиграции председатель Общества Офицеров-артиллеристов. Умер 9 августа 1963 г. в Нью-Йорке.

детельствование в комнату комиссии капитан Шаколи спросил прапорщика Николая Прюца, умеет ли он писать на пишущей машинке.

Оказалось, что милый капитан Шаколи все время продолжал заботиться о своих бывших петроградских юнкерах-артиллеристах. Он устроил на гражданскую службу несколько своих юнкеров, раненных в бою под Кизитеринкой и ставших инвалидами.

Сколько помнится, это были: небольшого роста юнкер по фамилии Владимиров с выбитым пулей глазом; затем юнкер Дмитриенко с разбитой ногой и несколько других юнкеров, фамилии которых сейчас не припоминаются.

Очевидно, капитан Шаколи хотел позаботиться и о судьбе прапорщика.

Медицинская комиссия признала прапорщика Николая Прюца, из-за слепоты на левый глаз, негодным к несению дальнейшей военной службы.

Получив документ о непригодности к военной службе, он опять переехал в Ростов, в Николаевскую больницу, чтобы, после пластической операции, которую обещал сделать ему профессор Орлов, отправиться на фронт для продолжения несения строевой службы в 1-й Отдельной батарее.

В. Кравченко⁹⁹

ДРОЗДОВЦЫ ВО ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹⁰⁰

После взятия Торговой и Шаблиевки наступление продолжалось. Большевики отходили в двух направлениях: в сторону Песчанокоской и в сторону станицы Великокняжеской.

Чтобы обеспечить свой тыл при наступлении на юг и оказать помощь донцам, оперирующим в Сальском округе, в сторону Песчанокоской оставляется заслон, а Добровольческая армия наносит удар на станицу Великокняжескую обходом с тыла через Казенный мост на Маныче и наступлением вдоль железной дороги. Отступающие вдоль железной дороги большевики оказывали упорное сопротивление 2-му Офицерскому стрелковому полку, пока им не стало известно, что Великокняжеская взята с тыла, лихой атакой в конном строю 3-м эскадронном и 4-й сотней 2-го Офицерского полка, 13 июня. На станции Великокняжеской лихие конники захватили 3 поездных состава и много снаряжения и другой добычи. Во время атаки пал смертельно раненный доблестный командир сотни гвардии подьесаул Фролов и были большие потери в рядах атакующих.

К вечеру 15 июня в районе Великокняжеской собрались части 1-й и 3-й дивизий. Для дальнейших действий в районе Маныча оставались донцы, а добровольческим частям приказано было сосредоточиться в районе станции Торговая.

Отдохнув в станице Великокняжеской, 2-й Офицерский конный полк 17 июня перешел в село Воронцовка, куда прибыл, бывший в Сальском округе, отряд полковника Кулешева, в составе которого были два эскадрона полка с двумя конно-пулеметными взводами.

Отряд полковника Кулешева совершил тяжелый поход в несколько переходов через малонаселенные калмыцкие степи, совершенно не имея представления об окружающей обстановке.

Несмотря на понесенные потери, конный полк не уменьшился численно, но пополнился настолько добровольцами, что получил возможность развернуть туземный и польский взводы в 5-й и 6-й эскадроны и полк насчитывал в своих рядах 650 всадников.

Разбитые под Торговой красные, численностью около 15 тысяч человек под командой Веревкина, отступили в район станиц Песчанокоская—Белая Глина, преграждая этим дорогу Добровольческой армии на Тихорецкую – железнодорожный узел. В районе Сосыка—Каял находилась в это время сорокатысячная армия красных под командой Сорокина, собиравшегося перейти в наступление в северном направлении, чтобы отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска.

В районе севернее Великокняжеской, в верховьях Маныча, группировалась значительная группа красных под командой Думенко, с целью овладения станицей Великокняжеской.

Получив точные сведения, что в ближайшее время Сорокин предпримет наступление, генерал Деникин решил немедленно наступать самому и в первую очередь ликвидировать красных в районе Песчанокоская—Белая Глина. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского повела наступление с задачей, после занятия села Богородицкого, наступать на Белую Глину, но – без Корниловского ударного полка, имея при дивизии броневики «Корниловец»¹⁰¹. Средней

⁹⁹ **Кравченко Владимир Михайлович.** В Добровольческой армии и ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан. В эмиграции в Германии, начальник 2-го отдела РОВСа. Умер 23 декабря 1976 г. в Мюнхене.

¹⁰⁰ Впервые опубликовано: Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973.

¹⁰¹ «Корниловец». Один из первых бронеавтомобилей Добровольческой армии (с июня 1918 г.). Участвовал во 2-м Кубанском походе. Поврежден в октябре 1918 г. у Армавира, после чего экипаж получил новую машину «Витязь», на которой погиб в ноябре 1918 г. под Ставрополем. Восстановленный «Корниловец» вместе с броневикум «Память Витязя» входил в состав 4-го броневоего отряда. Командир кап. Гунько. Экипаж: полк. Рябинский, пор. Бесклубов, у.-оф. Назаров, добр. Возген и Федосенко.

колонной наступающих войск была 3-я дивизия полковника Дроздовского с самодельным бронепоездом под командой капитана Ковалевского¹⁰² и получила задачу наступать на хутор Развильный и Песчанокотскую и, заняв указанные пункты, продолжать наступление, чтобы занять Белую Глину. Левая колонна под общим командованием генерала Эрдели и состоящая из конной дивизии, в составе которой была конно-горная батарея капитана Колзакова¹⁰³, и 1-й пехотной дивизии под командой полковника Кутепова, принявшего дивизию после смерти генерала Маркова, с броневым автомобилем «Верный», но без находящегося в Новочеркасске Марковского полка, получила задачу наступать, чтобы разбить красных в районе Сандата—Ивановка, отбросить их на восток и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия наступающим на Белую Глину частям. Полки генерала Покровского, пластунские батальоны и Корниловский ударный полк сосредоточивались в районе Егорлыкской для отражения, на случай наступления, армии Сорокина.

18 июня 2-й конный полк совместно с пехотными частями повел наступление на деревню Ново-Николаевку. Встреченный огнем красной пехоты и красных бронепоездов, полк разворачивается в боевой порядок и после короткого боя, атаковав противника, врывается в деревню, где захватывает пленных и, на плечах бегущих в панике большевиков, занимает хутор Развильный, где и заночевал, выслав разведку на станицу Песчанокотскую. Продолжая наступление, 3-я дивизия 21 июня занимает с боем Песчанокотскую, захватив пленных. Из пленных красногвардейцев полковник Дроздовский сформировал Солдатский батальон трехротного состава. На командные должности были взяты офицеры из 2-го Офицерского стрелкового полка. Первым командиром батальона был полковник Витковский¹⁰⁴, а после взятия Белой Глины и смерти полковника Жебрака полковник Витковский сдал батальон полковнику Кельнеру¹⁰⁵, получив должность командира 2-го Офицерского стрелкового полка.

Дальнейшая судьба этого первого формирования строевой единицы в Добровольческой армии из пленных красных — следующая.

Уже в бою за овладение Тихорецкой, при первом боевом крещении, Солдатский батальон блестяще выдержал экзамен и показал себя отличным в бою. В станице Ново-Донецкой была сформирована 4-я рота и батальон был переименован в Солдатский полк. В скором времени были сформированы 5-я и 6-я роты. В бою под Выселками, после ранения полковника Кель-

¹⁰² **Ковалевский Владимир.** Капитан. В Добровольческой армии в 1-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Убит на бронепоезде 1 июля 1918 г. под Тихорецкой.

¹⁰³ **Капитан Колзаков** был офицером Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; август 1918 г. командир 1-й конно-горной батареи, осенью 1918 г. полковник, командир Дроздовской конно-горной батареи, с 13 июля 1919 г. командир Отдельной конно-горной ген. Дроздовского батареи, август 1920 г. командир конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Генерал-майор (1919). Галлиполиец, командир сводной Дроздовской конной батареи.

¹⁰⁴ **Витковский Владимир Константинович**, р. 21 апреля 1885. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полк. Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии со 2 августа 1920 г., командир 2-го армейского корпуса, затем командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель ген. Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества Галлиполийцев в Ницце (Франция), на ноябрь 1951 г. представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, с 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18—19 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

¹⁰⁵ **Кельнер Константин Александрович.** Полковник. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 23 июня до июля 1918 г. командир Солдатского батальона, затем полка, с 18 января 1919 г. командир 2-го Офицерского полка (27 января 1919 г. старшинство в чине); сентябрь—ноябрь 1919 г. командир 1-й бригады 3-й пехотной (затем Дроздовской) дивизии, с мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Генерал-майор.

нера, Солдатский пехотный полк принял под свою команду полковник Дорошевич-Никшич, а после его ранения, под станицей Усть-Лабинской в августе 1918 года, командиром полка стал подполковник Шеберт¹⁰⁶.

Из Ставрополя в Усть-Лабинскую прибыл батальон, сформированный из офицеров и солдат 83-го Самурского полка 21-й пехотной дивизии Российской Императорской армии под командой полковника Сипягина, – численностью в 180 штыков. Этот батальон был соединен с Солдатским пехотным полком, и приказом от 14 августа полк получил наименование Самурский пехотный полк и имел в своем составе 10 рот. Командиром полка был назначен полковник Сипягин.

Полк все время участвовал в боях, нес потери и пополнялся исключительно пленными красногвардейцами. В бою под станицей Ново-Павловской командир полка, полковник Сипягин был убит и в командование полком вступил подполковник Шеберт. 29 октября в бою под городом Ставрополем подполковник Шеберт был ранен и в командование полком вступил полковник Звягин¹⁰⁷. В дальнейшем командирами полка были: в Донецком бассейне – полковник Ильин, во время боев в Харьковском районе – полковник Зеленин¹⁰⁸.

Во время боев в Северной Таврии, в составе Русской Армии под командованием генерала Врангеля, Самурский, Алексеевский, Партизанский и Смоленский полки составляли 6-ю пехотную дивизию¹⁰⁹. После эвакуации Русской Армии из Крыма Самурский полк вернулся в состав Дроздовской дивизии.

Я принужден был отвлечь внимание читателя от повествования о боях в районе Песчанокопской и Белой Глины, так как было необходимо сообщить хотя бы краткую историю Самурского полка, о действиях которого, тесно связанных с действиями дроздовских частей, будет часто упоминаться на страницах сборника, к тому же в этом полку почти весь командный состав был из Дроздовского стрелкового полка.

В ночь на 22 июня 3-я дивизия выступила под командой полковника Дроздовского в направлении на Белую Глину. 2-й Офицерский конный полк выступил под командой, выздоровевшего и вступившего в командование полком, ротмистра Гаевского¹¹⁰.

22 июня части 3-й дивизии подошли к Белой Глине, где и наткнулись на целую 39-ю советскую дивизию, в спешном порядке переброшенную в район Белой Глины для усиления большевистских частей, уже бывших в Белой Глине.

2-й Офицерский конный полк наступал левее 2-го Офицерского стрелкового полка, ведя тяжелые бои с переходившими в контратаки красными.

В ночь на 23 июня полковник Жебрак сам лично повел в атаку 2-й и 3-й батальоны своего 2-го Офицерского стрелкового полка.

¹⁰⁶ Имеется в виду подполковник Карл Генрихович Шаберт.

¹⁰⁷ **Звягин Михаил Андреевич.** Полковник, командир 108-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с 29 октября 1919 г. командир Самурского полка, в апреле 1920 г. полковник, командир Алексеевской бригады (из Алексеевского и Самурского полков), начальник десанта у Геническа. В Русской Армии начальник 6-й пехотной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции комендант города Галлиполи до 29 января 1921 г. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Убит до 1945 г.

¹⁰⁸ **Зеленин Евгений Ильич,** р. 1885 в Гжатске. Подполковник, командир 720-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Самурском полку, в феврале 1919 г. командир батальона, весной, в сентябре 1919 г. командир Самурского полка, 8 ноября 1919 г. утв. переименование в полковники; командир бригады 6-й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Болгарии. Вернулся в СССР, делопроизводитель Маслоцентра. Арестован 14 августа 1930 г. Расстрелян 8 апреля 1931 г. в Москве.

¹⁰⁹ Это не совсем так. 6-я пехотная дивизия, сформированная в Русской Армии, с 7 июля 1920 г. входила в состав 1-го, с 4 сентября 1920 г. 3-го, а с конца октября 1920 г. 2-го армейских корпусов. С 4 сентября 1920 г. она включала Кавказский стрелковый, Самурский (1-я бригада), 25-й пехотный Смоленский и Сводно-стрелковый (2-я бригада) полки, 6-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон, отдельную инженерную роту и Отдельный конный генерала Алексеева дивизион.

¹¹⁰ **Гаевский Борис.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Ротмистр. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир конного дивизиона, затем во 2-м конном полку, с 5 июня 1919 г. врид командира того же полка, с 1 августа (25 октября) 1919 г. командир Сводно-гусарского полка. Полковник (с 14 мая 1919 г.).

Наступающие цепи батальонов и штаб полка во втором часу ночи попали под сильнейший обстрел пулеметной батареи большевиков, и 1-й батальон полка, бывший в ту ночь в резерве, слышал этот ночной бой.

Ночь кипела от огня.

В ту же ночь стало известно, что командир полка, полковник Жебрак, и все офицеры его штаба убиты, а батальоны понесли большие потери.

На рассвете из резерва в атаку двинулся 1-й батальон 2-го Офицерского стрелкового полка. Едва светало, и по полю еще стелился утренний туман. Перед цепями батальона в тумане виднелись густые цепи большевиков.

Поручик Дмитраш¹¹¹, командир пулеметного взвода 2-й роты 2-го Офицерского стрелкового полка, сразу заметил в утренней мгле цепи большевиков, их перебежки в утреннем тумане и их приготовления к атаке цепей батальона. Тогда поручик Дмитраш, не ожидая приказа, вышел с пулеметом «максим» вперед цепи роты, сам сел за пулемет и открыл огонь.

Ветер трепал его рыжеватые волосы. Он был без фуражки, а его глаза как-то особенно светились. Поручик Дмитраш с его отчаянным дерзким хладнокровием был удивительным по меткости стрелком-пулеметчиком. Он буквально моментально срезал все цепи красных перед его батальоном, но на месте срезанных стали появляться новые. Большевики оказывали упорное сопротивление. Батальон медленно продвигался вперед, а из района Белой Глины ясно были слышны звуки боя, который вели другие наступающие части Добровольческой армии.

2-й Офицерский конный полк, несмотря на упорное сопротивление красных, переходящих даже в контратаки, под огнем пулеметов форсировал болотистую речку, прикрывающую село Белую Глину с севера, и ворвался в село. 2-й эскадрон этого полка находился по левую сторону железной дороги и вместе с конвойной сотней Главнокомандующего ходил в атаку. Дроздовцы шли вперед. 39-я советская дивизия дрогнула, узнав, что в село уже ворвались добровольческие части и Белая Глина ими взята. В плен попали тысячи большевиков, захвачено большое количество добычи. Трофеями только одного 2-го Офицерского полка были 15 пулеметов, масса винтовок и около 3 тысяч пленных. Вся группа войск большевиков в районе Белой Глины перестала существовать, и сам их главком Егоров едва ускользнул от «объятий генерала Деникина».

Над серой толпой пленных, над всеми наступающими во многих местах еще дрожал утренний пар. Подымалось солнце. Заря была багряная, яркая.

Победа Добровольческой армии была полная, но для 3-й дивизии она досталась большой ценой. Потери во 2-м Офицерском полку были огромные. В ночном бою 2-й и 3-й батальоны полка потеряли около 400 человек. Убит командир полка, полковник Жебрак, убиты все офицеры его штаба.

Многие, тяжело раненные и перевезенные потом в Торговую, умерли от ран. Редкие из них были ранены только одной пулей. Почти у каждого было по несколько ужасных пулевых ран. Это были те офицеры и стрелки, которые ночью с полковником Жебраком наткнулись на красных и попали под огонь пулеметной батареи большевиков.

25 июня, наконец, Добровольческая армия вступила в область Кубанского казачьего войска. Угрожая тылу Батайской группы большевиков (армии Сорокина), она в то же самое время и сама находилась под угрозой охвата справа и с тыла.

Эта угроза, как и ожидалось, оказалась реальной, так как большевики перешли на севере в свою очередь в наступление, чтобы отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска, с целью занять станицу Кагальницкую, где был только малочисленный заслон от Добровольческой армии. В это время в Новочеркасске находился 1-й генерала Маркова пехотный и 1-й

¹¹¹ **Дмитраш Мелентий.** Поручик 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии командир пулеметного взвода 2-го Офицерского стрелкового (Дроздовского) полка. Убит 26 января 1919 г. в Донбассе.

конный полк, которые и были двинуты для парирования наступления большевиков в районе Кагальницкой. Произошел двухдневный упорный бой, большевики были разбиты у станицы Кагальницкой. Также донцы и полки генерала Покровского сдержали наступление красных. Марковцы понесли большие потери: выбыло из строя около 400 человек убитыми и ранеными. Сильнее всех пострадали 7-я, 8-я и 9-я роты (в 8-й роте осталось в строю только около 30 человек). Большевики отступили, и 1-й Офицерский генерала Маркова полк двинулся на присоединение к своей дивизии, бывшей в районе Белой Глины.

Части Добровольческой армии, после занятия Белой Глины, продвинулись на юг, и Кубанским стрелковым полком с конницей генерала Эрдели были заняты станица Ново-Покровская и станция Ея. После этого на этом участке фронта было до 30 июня более или менее спокойно.

В ночь на 30 июня части генерала Эрдели с Кубанским стрелковым полком выступили, имея задачу занять станицу Кольниболотскую, которая ими и была на другой день утром занята, причем самое упорное сопротивление было оказано наступающему левее станицы Кубанскому стрелковому полку. Подошедший рано утром 1-й Офицерский полк вошел в станицу почти без сопротивления, после лихой атаки конницы генерала Эрдели.

1 июня все сосредоточенные на этом участке фронта части Добровольческой армии перешли в наступление, цель которого была занятie станицы Тихорецкой и железнодорожного узла станции Тихорецкая. На правом фланге действовали части 1-й дивизии (1-й Офицерский генерала Маркова полк и Кубанский стрелковый полк), а в центре должна была наступать вдоль железной дороги 3-я дивизия полковника Дроздовского, имея левее себя части 2-й дивизии.

До взятия станции Тихорецкая в Добровольческой армии настоящих бронепоездов не было. Чтобы пополнить этот недостаток, так как борьба с красными велась, в основном базируясь на железные дороги, начиная со взятия станции Торговая, сооружались артиллеристами и пулеметчиками самодельные бронепоезда, а командами на них были те же артиллеристы и пулеметчики, среди которых было немало мальчуганов-баклажек (дроздовцы своих юных добровольцев почему-то прозвали баклажками). После взятия станции Торговая был сооружен такой самодельный бронепоезд артиллеристами и пулеметчиками – дроздовцами. Они взяли простую железнодорожную платформу, борта ее обложили метками с зерном, песком и землей и за такое прикрытие поместили трехдюймовое орудие, а между метками, в примитивные бойницы, поставили пулеметы. Толкал такую «броневую» площадку паровоз без брони. Такой необычный «бронепоезд» дерзко кидался в атаку даже на бронепоезда противника и всегда заставлял их уходить, но после каждого такого боя приходилось хоронить лихих бойцов «бронепоезда» (по несколько человек иногда). Слишком большой ценой платили они за свою удачу. Например, в бою под Песчанокоской на наш «бронепоезд» навалилось сразу несколько бронепоездов красных. Наш лихой «бронепоезд» под командой капитана Ковалевского отстреливался под их огнем из своего единственного легкого орудия. Вскоре все мешки на бортах платформы были разметаны и была пробоина на площадке, а потом, от прямого попадания, «бронепоезд» загорелся. Он стал уходить с поля битвы в виде огромного столба багрового дыма, все время продолжая стрелять из орудия. Когда «бронепоезд» подошел к нашим цепям, то все, бывшие там, видели стоящих среди крови и гари, почерневших от дыма мальчишек-пулеметчиков, уцелевших после боя, которые продолжали как безумные кричать «ура», а один из них – стрелять из орудия. Такого сорта «бронепоезда» дроздовцы прозвали «украинской хатой».

Ранним утром 1 июля началось наступление 1-й, 2-й и 3-й дивизий с целью занять станцию Тихорецкая – железнодорожный узел. 3-я дивизия наступала вдоль железной дороги на станцию Порошино и на станицу Терновскую. Станция Порошино была взята частями 2-го Офицерского полка, а станица Терновская – Солдатским батальоном при участии броневика «Верный». Одновременно с Солдатским батальоном станицу Терновскую (с восточной сто-

роны) атаковал Корниловский Ударный полк. После занятия этих пунктов части 3-й дивизии и Корниловский полк продолжили наступление на Тихорецкую. В этот день принял участие в наступлении самодельный бронепоезд, сооруженный артиллеристами-дроздовцами...

Местность в этом районе плоская: степь и полное отсутствие холмов, совершенно голая, без больших насаждений деревьев, которые лишь очень редко попадались по пути и то, главным образом, насаженные возле железнодорожных будок, возле которых было всегда много подсолнухов.

Наш «бронепоезд», чтобы не наскочить на испорченное полотно железной дороги, медленно продвигался вперед, толкаемый обычным паровозом. Как известно, вдоль железнодорожного полотна на одинаковых расстояниях стоят телеграфные столбы и верстовые столбики. Это дает возможность точно установить расстояние до определенного места, куда должен подойти бронепоезд, чем и воспользовались большевики. Они решили пожертвовать одним орудием, но уничтожить наш «бронепоезд». Они поставили, укрыто в насадке подсолнухов возле будки, орудие и выжидали подход «бронепоезда» к тому месту, до которого была точно высчитана дистанция. Тогда они открыли огонь гранатами. Первая же граната попала в ящики со снарядами позади орудия и вызвала взрыв снарядов, которым была перебита вся прислуга, кроме прапорщика Сосновского, которому удалось выскочить из платформы. Все это произошло на глазах наступающих цепей 2-го Офицерского полка, которые бегом бросились вперед, захватили орудие, но виновников гибели «бронепоезда» не нашли, они успели скрыться в подсолнухах.

В это время 1-й Кубанский стрелковый полк и позже 1-й генерала Маркова Офицерский полк вели наступление на станицу Тихорецкую. Вначале красные, поддерживаемые двумя броневыми автомобилями, оказывали упорное сопротивление, но с подходом Марковских батальонов, когда один из их броневых автомобилей был подбит орудием Марковской батареи, бежали в станицу Тихорецкую, но там не задержались, а бросились к станции Тихорецкая, где были окопы. Разведчики Марковской батареи захватили в станице Тихорецкой штаб красных, руководивший обороной, в числе 15 человек. Марковцы и кубанцы повели наступление на станцию Тихорецкая, на которую наступали 2-й Офицерский полк и Солдатский батальон. С юго-востока на эту же станцию наступал Корниловский Ударный полк. Атака Солдатского батальона и Корниловского полка была стремительной, и станция была взята. Вчерашние красноармейцы в рядах Солдатского батальона бесстрашно и стремительно бросились в атаку и ворвались на станцию вслед за корниловцами, которые вошли на станцию с юго-восточной стороны. Бойцы Солдатского батальона перекололи всех, кто сопротивлялся, и без приказа расстреляли взятых в плен комиссаров. Корниловцы затем распространились и заняли хутор Тихорецкий возле станции, но об этом части 1-й дивизии не знали. Кубанский стрелковый полк в это же самое время атаковал окопы противника впереди хутора и понес большие потери. 1-й эскадрон 2-го конного полка, под командой штаб-ротмистра Аникеева¹¹², бросился на выручку и в лихой атаке на окопы противника (в конном строю) потерял до 50 процентов своего состава. Броневику «Верный», бывший с ним, прорвался вперед и ворвался в хутор, но был встречен сильным огнем. Захватил пулемет, перебил его прислугу, не зная, что хутор уже в руках корниловцев. Пулемет оказался корниловским, и было убито 2 корниловских офицера. Отступающие красные направились на марковцев и таким образом попали под перекрестный огонь, и толпы бегущих были уничтожены перекрестным огнем. Немногие спаслись.

Вслед за Солдатским батальоном вошли части 2-го Офицерского полка. На станции Тихорецкая были захвачены три бронепоезда красных, много составов, нагруженных разным военным имуществом, орудия, зарядные ящики, двуколки с патронами, снаряды, патроны,

¹¹² Штабс-ротмистр 8-го драгунского Астраханского полка Аникеев (Аникиев) был участником похода Яссы—Дон, где он командовал эскадронами в отряде полковника Дроздовского.

даже один аэроплан. Захвачено много обмундирования, в чем очень нуждались части 1-й и 2-й дивизий. Повсюду валялись трупы убитых красноармейцев. В этом бою самые большие потери были в Кубанском стрелковом полку, в 1-м эскадроне 2-го конного полка и у артиллеристов-дроздовцев на так называемом «бронепоезде».

После взятия Тихорецкой Добровольческая армия перегруппировалась и повела наступление по трем направлениям: 1-я дивизия наступала на север, чтобы выйти в тыл армии Сорокина, 2-я получила задание наступать на станцию Кавказская, а 3-я дивизия полковника Дроздовского повела наступление на юго-запад в направлении Екатеринодара.

Наступая в северном направлении, 1-я дивизия левее имела части дивизии генерала Эрдели, в состав которой входили конные Кубанские казачьи полки и, приданная им, конногорная батарея капитана Колзакова. Правее была конница генерала Покровского, а противником – армия Сорокина, численностью свыше 30 тысяч человек. Эта группа войск заставила армию Сорокина изменить направление наступления с севера на запад. Совместно с частями 1-й дивизии за время от 3-го до 9 июля были заняты частями Добровольческой армии станция Сосыка и станицы: Павловская, Крыловская, Екатериновская, Михайловская и Кисляковская, а 9 июля части 1-й дивизии вошли в Куцевку, на станции которой большевики бросили несколько эшелонов с оружием, разным имуществом и, преследуемые конницей генерала Покровского, отступили на запад вдоль железной дороги. Севернее Куцевки разъезды 1-й дивизии встретились с разъездами Донской армии и появлялись германские аэропланы. Бригада генерала Покровского, развернувшаяся в дивизию, продвигалась к городу Ейску.

В это время 2-я дивизия, заняв 5 июля станцию Кавказская, продолжала продвигаться в сторону города Армавира, а пришедший с Юга партизанский отряд полковника Шкуро занял город Ставрополь.

После взятия Тихорецкой 2-й Офицерский конный полк побывал в станицах Ново-Донецкой и Березанской, где пополнил свои ряды добровольцами из местных казаков, неся сторожевое охранение. 1-я сотня полка с ротой пехоты, с пулеметной командой, при одном орудии была направлена как заслон в станицу Батуринскую.

10 июля 3-я дивизия, имея в авангарде 2-й конный полк, выступила на ст. Выселки, которая и была захвачена конной атакой 3-го и 6-го эскадронов полка и к вечеру закреплена подоспешней пехотой. Затем 12-го была занята станица Кореновская. 13 июля 2-й конный полк принял новый командир – генерал Чекатовский¹¹³, а 14 июля, продвигаясь дальше, 2-й конный полк занимает без боя станицу Платнировскую и подходит к переправам. Совместно с пехотой были заняты с боем станицы Пластунская и Динская.

На усиление частей, действующих в направлении Екатеринодара, стали прибывать части 1-й дивизии, и 15 июля 1-й Офицерский генерала Маркова полк сменяет части 3-й дивизии в Динской. 2-й конный полк отходит на ночлег в станицу Платнировскую, где к нему присоединяется прибывшая из станицы Батуриной его 4-я Донская сотня.

Утро 15 июля принесло Добровольческой армии неожиданное известие: отступающая армия Сорокина круто повернула на восток и, отбросив части конной дивизии генерала Эрдели, пройдя форсированным маршем верст 40, заняла станицу Кореновскую, вырезав там немногочисленный гарнизон из пластунов.

Создалась угроза тылам 1-й и 3-й дивизий и штабу Добровольческой армии, расположенному на станции Тихорецкая в 55 верстах от Кореновской на северо-восток. Резервных войск не было, и пришлось спешно отозвать от Ставрополя 1-й Кубанский стрелковый полк, а частям 3-й и 1-й дивизий немедленно двинуться в район Кореновской. Марковцы, оставив как заслон

¹¹³ Чекатовский Игнатий Игнатьевич, р. 1875. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г.. Генерал-майор. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку, с 11 (13) июля 1918 г. командир того же полка, в июле—августе 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции во Франции, начальник объединения Кавалерийской дивизии и Союза Инвалидов в Париже, к 1934 г. председатель Общества друзей «Часового».

отряд под командой полковника Дорошевича, погрузились в Динской в эшелоны и прибыли в Платнировскую поздно вечером 15 июля. На рассвете 16 июля 1-й Офицерский полк генерала Маркова повел наступление по обе стороны железной дороги на Кореновскую, встретив упорное сопротивление красных. Доходило до штыкового удара. Около 10 часов подошедшие части 3-й дивизии атаквали красных, но были встречены контратакой большевиков. Бой длился целый день, и к вечеру части 3-й дивизии не смогли продвинуться вперед, а марковцы, атакованные большими силами красных, принуждены были отступить, потеряв свыше 300 человек. 16-го был тяжело ранен в ногу капитан Туркул, и 2-й Офицерский полк также понес потери. Выступивший из Платнировской 2-й конный полк целый день также вел упорный бой у хутора Раздольного за овладение Кореновской в тяжелых условиях, но без результата и заночевал в поле. Утром 17 июля завязался горячий бой под Кореновской. В районе 2-го конного полка красная пехота стремилась пробиться к переправам на Усть-Лабе. Отрезав в конном строю группу красных, 2-й конный полк загнал ее в болото и заставил сдаться. Попало в плен до 800 большевиков.

Утром марковцы и части 3-й дивизии (2-й Офицерский стрелковый и Солдатский полки) возобновили наступление. На участке марковцев, наступая, они нашли оставшихся при отходе убитых и раненых. Последние были почти все зверски добиты красными. Найденные лежали раздетыми, обезображенными: одни с отрубленными головами, другие, сожженные, лежали в пепле от кукурузы. Первопоходницу прапорщика Юлию Пылаеву нашли зверски добитой, полуобнаженной и брошенной в неглубокий колодец. Только изредка попадались еще живыми раненые добровольцы, спрятавшиеся в кукурузе. Видя все это, овладевшие злобой и жадной мести, марковцы не щадили красных и, продвигаясь вперед, пленных не брали. Несмотря на контратаки красных, марковцы и части 3-й дивизии медленно продвигались вперед. С севера на Кореновскую повел наступление и подошедший 1-й Кубанский стрелковый полк. Совместными атаками около 16 часов красные были смяты, и части всех полков Добровольческой армии стали продвигаться вперед, временами бегом, за отступающими красными, преследуя их по полю, на котором валялись убитые и раненые большевики. Станица Кореновская была взята после штыкового удара пехоты, и в станицу вошли марковцы с юга, части 3-й дивизии левее их, а с восточной стороны – Кубанский стрелковый полк. Красные отступили в северном и западном направлении. Против красных в 6 верстах севернее станицы Кореновской заняли позицию части 3-й дивизии, а правее на хуторах – Кубанский стрелковый полк.

Наутро 18 июля красные повели атаки на дроздовцев, которые продолжались в течение всего дня и были каждый раз отбиты с большими потерями для наступающих. Севернее против частей конной дивизии наступающие красные части Сорокина в тот день имели успех и заняли станицу Березанскую и этим самым снова поставили под угрозу тылы Добровольческой армии. Марковцев спешно перебросили севернее, и они заняли фронт против станицы Ново-Девичкой. При создавшемся положении оставаться в Кореновской было невозможно, и последовал приказ отойти в район станицы Бейсугской. Отход затрудняли сотни раненых, которых везли на обывательских повозках. Патронов в частях оставалось весьма мало. Отход прикрывал 2-й Офицерский конный полк. Нужно было во что бы то ни стало вывезти всех раненых, оставшийся запас снарядов и патронов. Полк героически выдерживал натиск многочисленного противника, пока не были вывезены все раненые и последний снаряд. Глубокой ночью полк оставил поле сражения и, пройдя линию сторожевого охранения красных, утром прибыл в станицу Бейсугскую.

20 июля 5-й эскадрон полка, находясь в сторожевом охранении со взводом пулеметов, отбил приближавшийся к станице эскадрон красной конницы, отогнав его на хутор Малеваный.

В то время, когда шли бои под Кореновской, оставшийся заслоном у Динской отряд полковника Дорошевича после трехдневных успешных боев с атакующими его красными, среди

которых были даже китайцы, по словам пленных – сражавшиеся «за родную Кубань», отошел к станции Пластуновской, где погрузился в эшелоны и 19 июля двинулся на станцию Выселки на соединение со своим полком. Проезжая станцию Кореновскую, в эшелоне слышали звуки боя, который недалеко вели дроздовцы с красными.

Отойдя из района Кореновской, части 3-й дивизии сосредоточились в районе станции Бейсугской. В течение последующих дней части 1-й дивизии вели упорные бои с красными армии Сорокина, под Выселками. Части 3-й дивизии, выйдя в тыл красных и обойдя их правый фланг, 25 июля атаковали части армии Сорокина. Тогда же перешли в наступление части 1-й дивизии и конной. 2-й конный полк вместе с пехотными частями дивизии повел наступление на хутор Малеваных, и после горячего боя хутор был взят. Захвачено свыше 1000 пленных. 25 июля шли упорные бои целый день за обладание станцией Кореновской, которая и была к вечеру занята. Армия Сорокина была разгромлена, и стали остатки ее поспешно отступать, преследуемые добровольцами. Красные спешно посылали подкрепления из Екатеринодара, и вновь завязались, временами, довольно упорные бои, но наступление на Екатеринодар продолжалось. 28 июля 2-й конный полк перешел в наступление и, развернувшись, энергичным ударом сбил красных и к вечеру занял станцию Усть-Лабинскую и Воронежскую, захватив одно орудие, пулеметы, пленных и эшелон с боевыми припасами. На следующий день полк занимает станцию Весюринскую, оттесняя постепенно красных к Екатеринодару. Заняв на следующий день без боя станцию Старо-Корсунскую, 2-й конный полк 30 июля занимает разъезд № 105 и ведет уже разведку укрепленной линии красных района города Екатеринодара, расположенной к северу и востоку от станции Пашковской.

Должен напомнить, что после разгрома армии Сорокина и занятия Кореновской отступающих красных в сторону Екатеринодара и Тимашевской энергично преследовали части конной, 1-й и 3-й дивизий. Остатки армии Сорокина главной своей массой отходили к югу, оказывая порой упорное сопротивление. Части 3-й дивизии наступали на Екатеринодар левее железной дороги, имея головным 2-й конный полк. За овладение станцией Кореновской впервые в составе Добровольческой армии участвовал и настоящий бронепоезд «Единая Россия», из числа захваченных в бою на станции Тихорецкая. 1-я и конная дивизии наступали вдоль железной дороги на Екатеринодар и правее ее. В боях под Выселками и Кореновской самые большие потери понес 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полк, из строя которого выбыло до 800 человек. Тогда же был ранен и командир Солдатского полка полковник Кельнер и полк принял полковник Дорошевич-Никшич.

Главной задачей 3-й дивизии было отрезать пути отступления красным в сторону города Армавира и содействовать частям, наступающим вдоль железной дороги на Екатеринодар.

Целый день, 1 августа, шли упорные бои за обладание станцией Пашковской, которая 2 августа дважды переходила из рук в руки, и, наконец, атакой 2-го конного полка станция окончательно была взята, и красные, понеся большие потери, были выбиты из станции, оставив в руках полка 3 пулемета и пленных.

Потерпев поражение под станцией Пашковской и теснимые частями 1-й и конной дивизий, красные в панике спешили оставить город Екатеринодар, пользуясь темнотой. Наступающие добровольческие части подошли к городу ночью 2 августа. Большевики не пытались оказывать больше сопротивления. Высланный от 3-го эскадрона 2-го конного полка разъезд под командой ротмистра Шпилевского на рассвете 3 августа вступил в город одновременно с разъездом конной дивизии генерала Эрдели.

Наконец был взят тот город, о котором мечтали еще во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода и около которого в скором будущем так пышно расцвела Добровольческая армия. Вслед за конными частями в город вступили 1-й Кубанский стрелковый и 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полки. 2-й конный полк вместе с пехотой прошел по главным улицам города и того же числа вернулся в станцию Пашковскую, где и расположился на

отдых. Население города восторженно встречало проходившие воинские части Добровольческой армии, освободившие столицу Войска Кубанского от ярма большевиков.

На следующий день в городе Екатеринодаре, украшенном национальными флагами, заполненном празднично одетыми людьми, состоялся парад войск, в котором принимал участие также и прибывший из станицы Пашковской 2-й Офицерский конный полк. Когда полк выстраивался у Собора, был встречен криками «ура», забрасываемый цветами. После молебна генерал Деникин и Атаман Войска Кубанского благодарили войска за доблестную службу Родине и пожелали дальнейшего процветания и боевых успехов. Войска, восторженно приветствуемые населением, прошли церемониальным маршем. 2-й Офицерский полк вернулся в станицу Пашковскую.

На другой день два эскадрона полка были выделены в район станиц Васюринской и Старо-Корсунской для несения сторожевой службы на переправах. Ряды полка пополнились казаками-добровольцами из станиц Пашковской и Марьинской, и к 7 августа в полку было 7 эскадронов. Отдохнув в станице Пашковской, полк 10 августа выступил в станицу Тифлискую, куда прибыл для несения охраны переправ через реку Кубань 13 августа.

17 августа, утром, по собственной инициативе полк посылает для производства глубокой разведки и чтобы установить связь с восставшими казаками по другую сторону Кубани два эскадрона (первый и второй). Переправившись через Кубань, посланный дивизион полка после короткого боя занимает колонию Ново-Ивановку в 15 верстах от переправы и устанавливает связь с насильно мобилизованными казаками в красную армию. В колонию пробиваются две конные сотни и изъявляют желание поступить в полк. Прибывшие были развернуты в 8-й и 9-й эскадроны полка. 18 августа в колонию Ново-Ивановку пришел и весь 2-й Офицерский конный полк. Таким образом, без всякого на то приказания, полк по собственной инициативе занял обширный плацдарм, необходимый для наступления на Армавир и Майкоп. За это лихое дело полк получил благодарность, приказом по дивизии, от полковника Дроздовского. Не только 2-й полк увеличился в своем составе, но и все вообще части Добровольческой армии за счет притока добровольцев, главным образом казаков из освобождаемых отделов Кубанского казачьего войска. Формирование новых частей было сопряжено с большими трудностями: требовалось время, оснащение и вооружение, а их-то и не было у командования армией. Добывались они ценою крови в боях.

В то время, когда велось наступление в сторону Армавира, 1-я пехотная и две конные дивизии приступили к освобождению территории южнее реки Кубани. В этом районе находились большевистские силы численностью свыше 30 тысяч бойцов. Операция по очищению этой территории была успешно закончена. Добровольческая армия теперь имела и морские порты с освобождением Черноморской губернии. Уничтожить же полностью Таманскую группу большевиков не удалось, и она отошла через горный хребет на территорию Кубанской области в район Майкопа и Армавира. Все побережье от Таманского полуострова до границы с Грузией было теперь в руках белых. Генерал-губернатором Черноморской губернии был назначен произведенный в генералы Кутепов. Города Новороссийск и Туапсе были заняты частями Добровольческой армии.

Фронт теперь был приблизительно к середине сентября по линии Майкоп—Армавир—Ставрополь. Северная часть Кубанской области была полностью также очищена от красных.

3-я дивизия после взятия Екатеринодара некоторое время обеспечивала переправы через реку Кубань, продвигаясь вверх по ее течению. В бою под станицей Усть-Лабинской в первых числах августа был ранен командир Солдатского полка полковник Дорошевич, и полком стал командовать подполковник Шаберт. 14 августа, после прибытия в станицу Усть-Лабинскую сформированного в Ставрополе из офицеров и солдат 83-го пехотного Самурского полка 21-й пехотной дивизии Российской Императорской армии, вошедшего в Солдатский полк, бата-

льона, Солдатский полк переименован в Самурский пехотный полк, имея в своем составе 10 рот.

После занятия Екатеринодара в нем гарнизоном вначале были части Марковского полка. 4 августа состоялся парад Марковскому полку, который принимал генерал Деникин, а на другой день был парад частям 1-й конной дивизии, и его принимал генерал Алексеев.

На четвертый день после занятия города состоялось своего рода паломничество на место смерти генерала Корнилова, к ферме на самом берегу реки Кубани, где стоял крест. Ферма стояла с заколоченным окном, куда влетел снаряд в комнату, в которой в то время находился генерал Корнилов, разрывом которого был он смертельно ранен. Позже в колонии Гначбау большевики нашли могилу генерала Корнилова, вынули из нее гроб и привезли в Екатеринодар и там, вынув тело генерала Корнилова, повесив его на балконе одного из домов, дико глумились над ним, затем сожгли, а пепел рассеяли по ветру. Возле креста в этот день паломничества была отслужена панихида по Вождю – воину Лавру, павшему смертью храбрых на поле брани, на которой присутствовали: генерал Алексеев, генерал Деникин, штабные офицеры, части марковцев, много других военнослужащих и гражданских лиц из города Екатеринодара. После панихиды генерал Алексеев обратился к присутствующим со словом, сказав, кроме всего остального, следующее: «Нет могилы Вождя, нет места его упокоения. Прах его большевиками сожжен и развеян по ветру... но прах его приняла вся Русская земля, сделав его своим достоянием с тем, чтобы память о великом Патриоте сохранилась и чтилась во веки в сердцах верных сынов Родины».

Уже в конце июля появились первые слухи о зверском злодеянии большевиков в Екатеринбурге.

17 июля в городе Екатеринбурге были ночью в подвале дома расстреляны Император Николай Александрович, вся Его Августейшая семья и бывшие при них и не покинувшие их в несчастье приближенные.

Эти слухи получили подтверждение. Смерть и зверская расправа большевиков с последним Российским Императором, Императрицей и невинными детьми их произвели на всех ошеломляющее впечатление, а их зверский поступок показал полный облик большевистской власти. Это было олицетворением кровавой драмы всей России.

Гнетущая и тяжелая горечь давила на сердце каждого, когда стало известно о служении панихид по зверски убиенным: бывшем Императоре, Его семье и верным слугам Его.

А. Туркул¹¹⁴
СУХОВЕЙ¹¹⁵

Нас погрузили в вагоны, потом на пароход. В безветренное утро мы подошли к станции Мечетинской. В двух станицах, Мечетинской и Егорлыкской, стояло тогда все, что осталось от русской армии, – Добровольческая армия, только что вышедшая из испытания Кубанского похода. Это был конец мая 1918 года.

Запыленные, рота за ротой, подчеркнуто стройно, чтобы показать себя корниловским добровольцам, входили мы в станицу. Генерал Алексеев пропустил нас церемониальным маршем. Мы все с молодым любопытством смотрели на этого маленького, сухонького генерала в крохотной кубанке.

Старичок в отблескивающих очках, со слабым голосом, недавно начальник штаба самой большой армии в мире, поведший теперь за собою куда-то в степь четыре тысячи добровольцев, был для нас живым олицетворением России, армии, седых русских орлов, как бы снова вылетающих из казацких степей.

Генерал Алексеев снял кубанку и поклонился нашим рядам:

– Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы...

Я помню, как говорил генерал Алексеев, что к началу смуты в русской армии было до четырехсот тысяч офицеров. Самые русские пространства могли помешать им всем прийти на его призыв. Но если придет только десятая часть, только сорок тысяч, уже это создаст превосходную новую армию, в которую вольется тысяча шестьдесят солдат.

– А сотысячной русской армии вполне достаточно, чтобы спасти Россию, – сказал генерал Алексеев со слабой улыбкой, и его очки блеснули.

Мы еще раз прошли церемониальным маршем. Он стоял с кубанкой в руке, слегка склонив седую голову. Точно задумался. Рядом с ним стоял генерал Деникин; наши старые офицеры знали, что на большой войне он командовал славной Железной 4-й стрелковой дивизией.

Добровольцы, участники Кубанского похода, смотрели на нас с откровенным удивлением, пожалуй, даже с недоверием: откуда-де такие явились, щеголи, по-юнкерски печатают шаг, одеты, как один, в защитный цвет, в ладных гимнастерках, хорошие сапоги.

Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, по-партизански. В степях им негде было достать обмундирования, а мы в нашем походе шли по богатому югу, где были мастерские и склады.

Мы стали в станице Егорлыкской. Там, на самой последней неделе мая, меня вызвали в штаб к полковнику Жебраку. Я проверил, крепко ли держатся пуговицы на гимнастерке, хорошо ли оттянут пояс, и отправился в штаб.

– Господин полковник, по вашему приказанию прибыл.

– Здравствуйте, капитан, – озабоченно сказал Жебрак. – Вот что: хутор Грязнушкин занят большевиками. Главное командование приказало мне восстановить положение. Вместо казачьей бригады я решил послать туда вашу роту. Вы знаете почему?

¹¹⁴ Туркул Антон Васильевич, р. 1892 в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Окончил Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. С января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го офицерского генерала Дроздовского полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. С апреля 1920 г. генерал-майор, с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец». С 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза Участников Войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА в Австрии, затем председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа 1957 г. в Мюнхене (похоронен в Сен-Женевьев-де-Буа).

¹¹⁵ В настоящем издании публикуется глава из книги А.В. Туркула «Дроздовцы в огне». Воспоминания ген. Туркула в литературной обработке Ивана Лукаша были опубликованы впервые в 1937 г. в Белграде, 2-м изданием в 1948 г. в Мюнхене и 3-м изданием в 1990 г. в Нью-Йорке.

– Никак нет.
– Вторая рота лучшая в полку.
– Рад стараться.
– Имейте в виду, что офицерская рота может отступать и наступать, но никогда не забывайте, что и то и другое она может делать только по приказанию.
– Слушаю. Разрешите идти?
– Да. Я буду у вас к началу атаки. До моего приезда не атакуйте... И вот что еще, Антон Васильевич...

В Японскую войну наш батальон, сибирские стрелки, атаковал как-то китайское кладбище. Мы ворвались туда на штыках, но среди могил нашли около ста японских тел и ни одного раненого. Японцы поняли, что им нас не осилить, и, чтобы не сдаваться, все до одного покончили с собой. Это были самураи. Такой должна быть и офицерская рота.

– Разрешите идти?

Жебрак встал, подошел ко мне – он был куда ниже меня – и молча пожал мне руку.

Я вышел на тихую станичную улицу. Кажется, предстоял первый настоящий бой в Гражданской войне. Я почувствовал ту особую сухую ясность, какая всегда бывает перед боем.

Мои триста штыков бесшумно и быстро подошли к хутору Грязнушкину. Хутор лежал в низине. Это было для нас удобно: нас не заметили. Но вот там зашевелились, затрещал ружейный огонь. Я рассыпал роту в цепь, скомандовал:

– Цепь, вперед!

Цепь кинулась с коротким «ура». Застучали пулеметы. С хутора поднялась беспорядочная стрельба, вой. Но мы уже ворвались. Грязнушкин был захвачен почти мгновенно. Один взвод и броневомобиль «Верный» преследовали красных. Мы заняли холмы впереди хутора. Нам досталось триста пленных; ободранные, грязные товарищи, бледные от страха, в расстегнутых шинелях, потные после боя.

В атаке был убит поручик Куров, который так беззаботно танцевал на недавнем балу, так приятно смеялся и пел. Он лежал на боку, прижавшись щекой к земле; его висок был черен от крови. Это была наша первая потеря в боях Добровольческой армии.

На хутор пришли наши кубанцы. Я собрал роту. Люди еще порывисто дышали, смеялись, громко говорили, возбужденные атакой. Было за полдень, солнце припекало. Мне доложили, что едет командир полка.

– Смирно, равнение направо, господа офицеры!

Полковник Жебрак уже шел перед рядами, лицо хмурое. Я отрапортовал ему об успешной атаке.

– Но почему вы не исполнили моего приказания?

– Господин полковник?..

– Я приказал вам ждать моего приезда, без меня не начинать боя...

Он повысил голос. Он, что называется, распекал меня перед строем. Я ответил:

– Господин полковник, начальником здесь был я, обстановка же была такова, что я не мог ждать вашего приезда.

Командир пощипывал ус. Потом лицо его просветлело, и он сказал просто:

– Конечно, вы правы, капитан. Простите меня. Я погорячился...

В тот же день от хутора Грязнушкина мы вернулись в станицу Егорлыкскую, на старые квартиры, а через несколько дней выступили оттуда во Второй Кубанский поход.

Мы стали пробиваться от станицы к станице. Бои разгорались. Как будто степной пожар все чаще прорывался языками огня, чтобы слиться в одно громадное пожарище. Гражданская война росла. Похудавшие, темные от загара, с пытливыми глазами, всегда настороженные, всегда с ясной головой, мы шли порывисто дыша, от боя к бою, в огне. Между нами уже запросто ходила смерть, наша постоянная гостья.

В самом конце мая мы атаковали село Торговое. Под огнем красных два наших батальона лежали под селом в цепи. Огонь был бешеный, а солнце немилосердно жгло нам затылки. Дали сигнал готовиться к атаке. Вдруг мы увидели, что к нам в цепь скачут с тыла три всадника.

Огонь стал жаднее, красные били по всадникам. С веселым изумлением мы узнали полковника Жебрака на крутозадом сером жеребце. Его укороченная нога не касалась стремени, с ним скакало два ординарца. Командир дал шпоры и вынесся вперед, за цепи. Он круто повернул к нам коня. Два батальона смотрели на него с радостным восхищением.

– Господа офицеры! – бодро крикнул Жебрак. – За мной, в атаку! Ура! – и поскакал с ординарцами вперед.

Все поднялось; три всадника вспыхивали на солнце. Мы захватили село Торговое с удара.

Все эти ночи и дни, все бои, когда мы шли в огонь во весь рост, все эти лица в поту и в грязи, сиплое «ура», тяжелое дыхание, кровь на высохшей траве, стоны раненых – все это вспоминается мне теперь вместе с порывами сухого и жаркого ветра из степи; его зовут, кажется, суховеем.

Я помню, как в бою, под Великокняжеской, когда я подводил мою роту к железнодорожному мосту, в окне сторожевой будки блеснул шейный орден Святого Георгия. Я понял, что там главнокомандующий, так как ордена Святого Георгия III степени тогда в Добровольческой армии, кроме генерала Деникина, не было ни у кого. Я скомандовал роте:

– Смирно! Равнение направо!

В том бою под Великокняжеской был убит мой боевой товарищ, мой друг, командир четвертой Донской сотни, офицер гвардейской казачьей бригады есаул Фролов. Ловкий, поджарый, как будто весь литой, он был знаменитым джигитом, с красивым молодчеством, с веселым удалством, какого, кроме казаков, нет, кажется, ни у кого на свете.

Мы заняли Великокняжескую, Николаевскую, Песчанокопскую, подошли к Белой Глине и под Белой Глиной натолкнулись на всю 39-ю советскую дивизию, подвезенную с Кавказа. Ночью полковник Жебрак сам повел в атаку второй и третий батальоны. Цепи попали под пулеметную батарею красных. Это было во втором часу ночи. Наш первый батальон был в резерве. Мы прислушивались к бою. Ночь кипела от огня. Ночью же мы узнали, что полковник Жебрак убит со всеми чинами его штаба.

На рассвете поднялся в атаку наш первый батальон. Едва светало, еще ходил туман. Командир пулеметного взвода второй роты поручик Мелентий Димитраш заметил в утренней мгле цепи большевиков. Я тоже видел их тени и перебежку в тумане. Красные собирались нас атаковать.

Димитраш – он почему-то был без фуражки, я помню, как ветер трепал его рыжеватые волосы, помню, как сухо светились его зеленоватые рысьи глаза, – вышел с пулеметом перед нашей цепью. Он сам сел за пулемет и открыл огонь. Через несколько мгновений цепи красных легли. Димитраш, с его отчаянным, дерзким хладнокровием, был удивительным стрелком-пулеметчиком. Он срезал цепи красных.

Корниловцы уже наступали во фланг Белой Глины. Мы тоже пошли вперед. 39-я советская дрогнула. Мы ворвались в Белую Глину, захватили несколько тысяч пленных, груды пулеметов. Над серой толпой пленных, над всеми нами, дрожал румяный утренний пар. Поднималась заря. Багряная, яркая.

Потери нашего полка были огромны. В ночной атаке второй и третий батальоны потеряли больше четырехсот человек. Семьдесят человек было убито в атаке с Жебраком, многие, тяжело раненные, умирали в селе Торговом, куда их привезли. Редко кто был ранен одной пулей – у каждого три-четыре ужасные пулевые раны. Это были те, кто ночью наткнулся на пулеметную батарею красных.

В поле, где только что промчался бой, на целине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира, полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел девяти офицеров его верного штаба.

Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было размозжено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Так же запытали красные и многих других наших бойцов.

В тот глухой предгрозовый день, когда полк принял маленький и спокойный, с ясными глазами, полковник Витковский, мы хоронили нашего командира. Грозные похороны, давящий день. Нам всем как будто не хватало дыхания. Над степью курился туман, блистало жаркое марево. Далеко грохотал гром.

В белых, наскоро сбитых гробах двигался перед строем полка наш командир и семьдесят его офицеров. Телеги скрипели. Над мокрыми лошадьми вился прозрачный пар. Оркестр глухо и тягостно бряцал «Коль славен». Мы стояли на караул. В степи ворочался глухой гром. Необычайно суровым показался нам наш егерский марш, когда мы тронулись с похорон.

В тот же день, тут же на жестком поле, пленные красноармейцы были рассчитаны в первый солдатский батальон бригады.

Ночью ударила гроза, сухая, без дождя, с вихрями пыли. Я помню, как мы смотрели на узоры молнии, падающие по черной туче, и как наши лица то мгновенно озарялись, то гасли. Эта грозовая ночь была знамением нашей судьбы, судьбы белых бойцов, вышедших в бой против всей тьмы с ее темными грозами.

Если бы не вера в Дроздовского и в вождя белого дела генерала Деникина, если бы не понимание, что мы бьемся за человеческую Россию против всей бесчеловечной тьмы, мы распались бы в ту зловещую ночь под Белой Глиной и не встали бы никогда.

Но мы встали. И через пять суток, ожесточенные, шли в новый бой на станицу Тихорецкую, куда откатилась 39-я советская. В голове шел первый солдатский батальон, наш белый батальон, только что сформированный из захваченных красных. Среди них не было старых солдат, но одни заводские парни, чернорабочие, бывшие красногвардейцы. Любопытно, что все они радовались плену и уверяли, что советчина со всей комиссарской сволочью им осточертела, что они поняли, где правда.

Вчерашние красногвардейцы первые атаковали Тихорецкую. Атака была бурная, страшная. Они точно красовались перед нами. В Тихорецкой 1-й Солдатский батальон опрокинул красных, переколол всех, кто сопротивлялся. Солдаты батальона сами расстреляли захваченных ими комиссаров.

Дроздовский благодарил их за блестящую атаку. Тогда же солдатский батальон был переименован в Первый пехотный Солдатский полк. Позже полку было передано знамя 83-го пехотного Самурского полка, и он стал именоваться Самурским. Много славного и много тяжелого вынесли самурцы на своих плечах в Гражданской войне. Бой под Армавиром, под Ставрополем, когда ими командовал израненный и доблестный полковник Шаберт, бои в каменноугольном районе, все другие доблестные дела самурцев не забудутся в истории Гражданской войны.

В ту ночь под Белой Глиной как бы открывалась наша судьба, но по-иному открылась судьба белых в бою под Тихорецкой, когда цепи вчерашних красных сами шли на красных в штыки, сами уничтожали комиссаров. Так еще и совершится.

Наша маленькая армия от боя к бою пробивалась вперед. В армии было всего три бригады. В 1-й бригаде наше сердце, корниловцы, с Первым конным Офицерским полком, который после смерти генерала Алексева стал именоваться Алексеевским. Во второй бригаде – марковцы с 1-м Офицерским полком, в 3-й бригаде – дроздовцы со 2-м Офицерским полком,

2-м конным Офицерским полком и самурцами. С бригадами были казачьи пластунские батальоны, а все конные казачьи части были в бригаде генерала Эрдели.

Под Кореневкой Сорокин со своей армией вышел к нам в тыл. Он едва не перерезал Добровольческую армию пополам. Вспоминаю в бою под Кореневкой командира третьего взвода поручика Вербицкого, светловолосого, сероглазого, со свежим лицом. Я был у его взвода, на левом фланге. Конница Сорокина во мгле пыли понеслась на взвод. Вербицкий стал командовать металлическим резким голосом:

– По кавалерии, пальба взводом...

Конница Сорокина идет на карьеру; уже слышен сухой топот.

– Отставить! – внезапно командует Вербицкий, и я слышу его окрик: – Поручик Петров, два наряда не в очередь...

Оказывается, поручик Петров, по прозвищу Медведь, своей поспешностью испортил стройность ружейного приема. А конница в нескольких ста шагах. Снова с ледяным хладнокровием команда Вербицкого:

– По кавалерии, пальба...

Кавалерию отбили. В тяжелых боях мы разметали Сорокина. В том бою под Кореневкой, 16 июля, я был впервые ранен в Гражданской войне. После трех немецких пуль русская пуля угодила мне в кость ноги. Рана была тяжелая.

Ночью был ранен командир 1-го батальона, и нас обоих отправили в околоток, оттуда в лазарет. Нас уговаривали ехать в Ростов, но мы, как и каждый дроздовец, стремились в свою Землю Обетованную, в Новочеркасск, о котором хранили светлую и благодарную память. Мы туда и тронулись, хотя все лазареты были там переполнены и недоставало врачей. У меня были сильные боли, потом как будто полегчало.

Все эти ночи и дни атаки и гром над степью, и наши лица, обожженные солнцем и жалящей пылью, и наше сиплое «ура» – все это вспоминается мне теперь с порывами жаркого степного суховея.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ¹¹⁶

Среди страданий и ужасов пережитого, как прорвавшееся через мрачные грозовые тучи солнышко, до сей поры сверкает в памяти и в душе одна огромная и чудесная радость, о которой мне хочется рассказать вам в этой статье, посвященной воспоминаниям великой эпопеи Первого Корниловского похода, в котором, как некогда в Крестовом походе, шли на Голгофу страданий и смерти за Родину юноши и подростки...

Погиб незабвенный великий патриот земли Русской генерал Корнилов. Потерявшая вождя Белая армия, состоявшая главным образом из самоотверженной молодежи, с огромным обозом раненых в боях под Екатеринодаром, отступала, преследуемая огромной лавиной красных. Теперь у генералов Деникина и Алексеева была пока единственная всепоглощающая цель – во что бы то ни стало спасти и сохранить ядро уцелевшей Белой армии. Огромный обоз с ранеными, растянувшийся хвостом версты на три, страшно стеснял маневрирование, от которого только и зависело теперь спасение всей армии... И вот – страшная трагедия: пришлось бросить на произвол жестокой судьбы раненых, не способных обойтись без повозок!

Одна из партий раненых, оставленная в стороне от железных дорог, в станице Дядьковской, за немногими исключениями уцелела от жестокой большевистской расправы чудом Божиим, о котором я расскажу впоследствии подробнее, ограничиваясь здесь за недостатком места лишь самым фактом спасения. У Дядьковки шли ожесточенные бои по обеим линиям железнодорожных путей, горстка дроздовцев, с риском собственной гибели, прорвалась узкой свободной полосой в Дядьковку, в течение каких-нибудь двух часов сорганизовала обоз из телег с соломой и вывезла, с таким же риском гибели, всех корниловцев и всех, кто был с ними и около них, в только что накануне взятую станицу Кореновскую...

Свидетелем этой нечаянной радости и участником ее был и я, пишущий эти строки, ибо, пробравшись вместе с женой в Дядьковку для спасения брошенного там сына, тяжело раненого в бою под Афипской, застрял там вместе с корниловцами и ждал общей неизвестной участи, которая, в зависимости от успеха наступления, могла быть и жестокой.

Мы с женой несколько дней прожили в Дядьковке и успели сродниться в надеждах и отчаяниях как с ранеными, так и со всей администрацией лазарета. И вот Господь сподобил нас быть соучастниками той неопишуемой радости спасения, которая произошла прямо нечаянно в ночь с 11-го на 12 июля 1918 года!

На рассвете, когда солнышко всплыло над степью и радостно засверкал новый летний день под радостный колокольный перезвон дядьковской церкви – кончилось благодарственное молебствие, – мы, двигаясь рядом с телегами, под конвоем дроздовцев, покидали одно из страшных лобных мест великого похода.

Как опишешь это радостное летнее утро, когда, казалось, вся природа ликovala вместе с нами, радуясь нашему общему воскресению из мертвых! Еще ночью мы сидели в мрачном отчаянии, уже как приговоренные к расстрелу, а взошло солнышко – и мы на вольной волюшке, пьем прохладный аромат раннего утра и переполнены благодарностью и к Господу Богу, и к покачивающимся в седлах героям-дроздовцам, большинство которых погибло в следующую же ночь... О, если бы мы тогда знали, что нашим спасителям осталось всего несколько часов жизни! А они и сами торжествовали. Они сами были поглощены общей радостью. Вот один из них затынул:

Марш вперед! – трубят в поход
Черные гусары!

¹¹⁶ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 26. Ноябрь 1963 г. Автор публикации не указан.

Звук лихой зовет нас в бой.
Наливайте чары!

На глазах – слезы, а в душе пожар радости... А потом, в ответ, с телег несется новая песня:

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую
И, как один, прольем кровь молодую...

Остановка, маленький отдых для раненых. Надо переложить, оправить сбившуюся солому, утолить жажду от волнения, от поднявшейся у многих температуры. Обрываются песни и скрип обозный, и наступает удивительная степная тишина с радостным бульканьем перепелов и жаворонков, с полынным горьковатым ветерком и беспредельной степной далью! Но вот все насторожились: где-то далеко, как зверь в пустыне, проревело эхо орудийного выстрела...

Трогайтесь, братцы!

И снова обозный скрип, а редкий, проходящий на далекий гром, грохот орудий только острее делает нашу радость... Радостный смех то на одной, то на другой телеге. Переключка мужских и женских голосов. Ведь как ни тяжела была жизнь, а молодость берет свое, и перед лицом смерти юная любовь не хочет смириться: многие влюблены в хорошенькую девушку, сестру милосердия, есть две невесты, приехавшие было навестить раненых женихов да и застрявшие в Дядьковке...

О, неизбывная светлая радость! Она так необъятна, как синий небесный купол. К вечеру приехали в станицу Кореновскую. Она еще вся полна страшным боем и вчерашней победой. Жители встречают нас радостно, потому что и сами счастливы избавлением от красных зверей. Встреча была теплая, радушная. Несколько зажиточных казацких домов устроили на своих зеленых дворах столы для пиршества. Вся станица пришла в веселое возбуждение, которое омрачалось лишь жалобами и слезами претерпевших, потерявших родных и близких, наскоро при уходе красных расстрелянных...

Заняли брошенный красными лазарет, не вместивший, однако, всех привезенных. Раскинули палатки во дворе.

Не все в радости заметили, что захваченная по пути наступления Кореновская осталась временно без защитников; пока такими явились те же 50 дроздовцев, которые вывезли дядьковцев. Материнское чутье жены моей насторожилось: она первой почувала близкую опасность и заговорила с администрацией лазарета о необходимости как можно скорее покинуть Кореновскую или, по крайней мере, отправить калек, беспомощных в минуту опасности. И вот, точно осененные свыше, мы уговорили в тот же вечер погрузить таких в отходивший на Тихорецкую первый поезд. Это обстоятельство внесло тревогу и во всех остальных, так что в Кореновской осталось на ночь очень мало спасенных.

Остались только либо тяжелобольные, требовавшие продолжительного отдыха после перехода в телегах, либо совершенно оправившиеся и не желавшие показывать беспокойства удалыцы. Вся администрация лазарета осталась в Кореновской, забота же об отправляемых была поручена нам с женой...

Когда гасли последние лучи солнца, мы оставили Кореновскую и двинулись в поезде довольно тихим ходом к Тихорецкой...

Прибыли туда ночью. Вокзал кишел народом и шумел, и гремел, как улей с пчелами. Повеяло беспечным тылом и его героями. В зале не было ни одного свободного столика, стула. У станции ждали экипажи, верховые лошади, пролетки. А нам было некуда приткнуться. Мы разместились цыганским табором на лестнице и около нее. Грязные, прикрытые пестрым тряпьем, в изношенной до отказа обуви, герои-первопоходники не имели геройского вида. Сброд

каких-то нищих. Голодные и усталые, обиженные полным невниманием пирующих в залах станции, они часа два томились в ожидании моего возвращения. Наконец дождались приюта на так называемом явочном пункте. Прислали грузовик и всех перевезли туда и накормили...

А ранним утром появился оставшийся в Кореновской фельдшер и сообщил страшную новость: ночью Кореновская снова была взята красными, и там совершилась жестокая расправа с тяжелобольными корниловцами и ранеными дроздовцами, нас спасшими, а также с теми жителями, которые чествовали нас обедами... Ночью пылали подожженные стога сена и слышался страшный вопль бросаемых в огонь раненых...

Так омрачилась наша нечаянная радость.

Н. Ребиков¹¹⁷

ГАУБИЧНАЯ БАТАРЕЯ ВО 2-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹¹⁸

Май 1918 г

23. Батарея стоит в Новочеркасске. В 4 часа получено приказание к 5 часам прибыть на сборный пункт. В 6 часов колонна 3-й дивизии выступила вдоль железной дороги на станцию Аксайская. Шел проливной дождь. В станице Аксайской было объявлено, что завтра батарея в составе двух 48-линейных гаубиц системы Шнейдера будет погружена на баржу. Жители в станице относились к добровольцам очень предупредительно.

24. В 11 часов батарея погрузилась на баржу, и в 13 часов буксирный пароход потянул баржу вдоль по реке Дону. В 20 часов прибыли в станицу Манычскую, где, несмотря на темноту, выгрузились и стали по квартирам.

25. Дневка в станице.

26. На рассвете колонна 3-й бригады русских добровольцев выступила в глубь донских степей. Шел сильный дождь. На ночь остановились в хуторе Полячки. Хутор населен иногородними. Жители бедные. Разместились тесно. Переход 25 верст.

27. В 8 часов колонна выступила на станицу Мечетинскую. В 2 верстах от станицы колонна остановилась. Пехота сошла с подвод и построилась. Вперед пошла кавалерия и конногорная батарея. На дороге 3-ю бригаду встретили генералы Деникин и Алексеев, которые сказали приветственные речи. У станицы были выстроены части Добровольческой армии. Ответную речь сказал полковник Дроздовский. После чего был произведен смотр частям. Сперва проходили части Добровольческой армии, а затем 3-я бригада. Таким образом состоялось соединение 3-й бригады с Добровольческой армией. Разместились по квартирам в станице.

28. Вся 3-я бригада перешла в станицу Егорлыкскую, где стояла кавалерия генерала Эрдели. Генерал Эрдели произвел смотр бригаде. Переход 25 верст.

От 29 мая по 9 июня бригада стояла по квартирам в станице Егорлыкской.

Июнь 1918 г

Прибытие отряда Дроздовского произвело большое впечатление на старые добровольческие части. Особенно обилие боеприпасов, а также броневик «Верный». Все это вселяло бодрые надежды на будущее. В этот период времени из батареи было командировано в Новочеркасск несколько офицеров для приема 6-дюймовой полевой гаубицы.

10. Батарея в 21-м часу в составе колонны 3-й дивизии выступила в направлении на Торговую. Пехота была посажена на подводы.

11. В 12 часов был большой привал у зимовника Пишванова. В 16 часов колонна тронулась дальше. Движение происходит среди безбрежных степей, покрытых высокой травой.

¹¹⁷ **Ребиков Николай Николаевич.** Студент Московского университета. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1916). Прапорщик Кавказской стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1918 г. в 3-й гаубичной батарее, затем в 3-й артиллерийской бригаде; с 14 марта 1919 г. подпоручик, с 22 июля 1919 г. поручик, летом 1919 г. начальник орудия 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. Капитан (с 14 апреля 1921 г.). Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й вып.). Во время Второй мировой войны командир батальона РОА. После 1945 г. в Германии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная быль». Умер 18 июня 1969 г. в Гамбурге.

¹¹⁸ Впервые опубликовано: Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н. Седьмая гаубичная. 1918—1921. Нью-Йорк, 1960.

12. В 2 часа колонна прибыла на разъезд Трубецкой и остановилась на привал. В 5^{1/2} часа пехота пошла в направлении на ст. Торговую. Приближаясь к поселку, пехота развернулась в цепь. Батарея стала на открытую позицию на склоне, обращенном к красным. Красная артиллерия открыла огонь, но стреляла очень плохо. Батарея своим огнем сперва заставила замолчать красные батареи, а затем перенесла огонь по пехоте красных. Ввиду малочисленности снарядов приходилось расходовать их чрезвычайно экономно. К 12 часам красные начали приходить во все большее и большее замешательство. Наша пехота ворвалась на станцию. Полковник Дроздовский, не зная, что наша пехота уже на станции, приказал обстрелять станцию. Батарея выпустила по станции несколько снарядов, а там уже находились 9-я рота и броневик «Верный». В 17 часов село Воронцовско-Николаевское было окончательно занято нами и батарея разместилась по квартирам. Весь переход от Егорлыкской с боем – 75 верст. К концу боя прибыла 6-дюймовая полевая гаубица с передком. Гаубицу вез грузовой автомобиль.

13. Батарея стояла по квартирам в селе Воронцовско-Николаевском.

14. Для обеспечения Добровольческой армии с севера было приказано занять мосты через реку Маныч. Выполнение этого началось в 8 часов выступлением дивизии на село Шаблиевка. Пехота дивизии была погружена в эшелон. Артиллерия же вместе со 2-м конным полком и конно-горной батареей двигалась походным порядком под командой полковника Ползкова¹¹⁹. Мортирный взвод шел в составе двух 48-линейных и одной 6-дюймовой гаубицы при двух снарядных ящиках. 6-дюймовые снаряды везли на обывательских подводах. Село Шаблиевка занял 1-й офицерский полк. Село Шаблиевка обстреливалось красным бронепоездом. Колонна 3-й дивизии, пройдя Шаблиевку, остановилась на ночлег в хуторе Екатерининском.

15. В 5 часов батарея в составе колонны полковника Жебрака выступила к переправе через реку Маныч для занятия железнодорожного моста. Колонна двигалась из Екатериновки на зимовник Кульгавов. Вдоль железной дороги наступал отряд полковника Фридмана:¹²⁰ бронепоезд и 6-я рота. При подходе к зимовнику Кульгавов колонну начали обстреливать артиллерийским огнем. Батарея выехала из колонны и стала на позицию на западной окраине зимовника. Здесь впервые открыла огонь 6-дюймовая гаубица. Подступы к мосту были укреплены; были вырыты окопы, и были устроены проволочные заграждения. 6-дюймовая гаубица очень удачно стреляла по окопам и произвела замешательство у красных. Пехота двинулась во весь рост в атаку. 3-я рота переправилась по горло в воде через реку Маныч и пошла в обход моста, артиллерия усилила огонь. Пехота подошла к мосту и его заняла. Батарея снялась с позиции и двинулась к мосту. Пошли дальше развернутым порядком на железнодорожную будку к северу от моста. У станицы Великокняжеской красные сопротивления не оказывали. Отряд свернулся в колонну и вошел к 17 часам в станицу. Артиллерия стала по квартирам на западной окраине станицы. В результате боя красные были отброшены и была захвачена большая добыча.

16. Батарея стоит в станице Великокняжеской. Захвачены у красных кони, столь нужные для батареи.

17. В 8 часов батарея в составе колонны походным порядком перешла на ст. Торговая. 6-дюймовую гаубицу погрузили в железнодорожный эшелон и перевезли по железной дороге на ст. Торговая. Переход 34 версты.

¹¹⁹ Ползков Михаил Николаевич, р. 1875. Из дворян. Окончил Орловский кадетский корпус, Павловское военное училище (1895). Полковник, командир артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон, командир легкой батареи. В Добровольческой армии в 3-м легком артиллерийском дивизионе (27 января 1919 г. старшинство в чине), затем командир дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии. Умер 6 июня 1938 г. в Вассербиллинге (Люксембург).

¹²⁰ Фридман Александр Карлович, р. 1876. В службе с 1895 г., офицером с 1898 г. Полковник. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, затем помощник командира 2-го Дроздовского полка, старшинство в чине с 5 ноября 1919 г., на 30 декабря 1919 г. помощник командира 1-го Дроздовского полка; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Чехословакии. В 1945 г. схвачен в Праге и вывезен в СССР.

18. Мортирный взвод (т. е. гаубичная батарея) стоит в селе Воронцовско-Николаевском. Ввиду предполагавшегося перехода красных в наступление главное командование решило не упускать инициативы из своих рук и перейти самим в наступление. 3-й дивизии было приказано занять ст. Развильное. Для чего: 1) отряду полковника Жебрака – 2-му офицерскому стрелковому полку под прикрытием бронепоезда к 23 часам перейти железнодорожным эшелоном на ст. Крученскую. 2) Отряду полковника Ползикова: 2-й конный полк, легкая батарея и мортирный взвод – в 23 часа выступить на село Николаевка и там сосредоточиться.

19. Село Николаевка оказалось занятым красными. В это время на ст. Крученская высаживался 2-й офицерский полк Жебрака. Красные бронепоезда открыли сильный огонь и подбили наш бронепоезд (собственно говоря, это не был бронепоезд, а платформа с 3-дюймовым орудием. Вместо щитов платформа была кругом обложена шпалами, которые давали гораздо меньшую защиту. Бронепоезд называли «еловый»). В 6 часов 30 минут колонна полковника Жебрака и полковника Ползикова соединились. Мортирный взвод стал на позицию и вел огонь по красному бронепоезду. Пехота пошла в атаку на село Николаевка с востока. В 14 часов наша пехота ворвалась в село и выбила красных. В 16 часов без боя было занято село Поливечное, а в 20 часов ст. Развильное.

20. 3-й дивизии совместно со 2-й дивизией приказано занять село Песчаннокопское. В 14 часов мортирный взвод в составе колонны полковника Ползикова (2-й конный полк и легкая батарея) выступили на село Песчаннокопское. Колонна шла правее железнодорожного пути, и 2-й офицерский полк везли в эшелоне под прикрытием «елового» бронепоезда. 5-й польский эскадрон 2-го конного полка ворвался было в село, но был оттуда выбит. Мортирный взвод стал на позицию и открыл огонь по окраине села и по цепям красных. Красные бронепоезда вели сильный огонь по нашему бронепоезду и пехоте.

В 19 часов красные вследствие наступления колонны генерала Боровского со стороны села Богородицкого начали отходить. Наша пехота перешла в решительное наступление и заняла село. В селе нашли много скрывшихся матросов. Мортирный взвод ночевал в поле перед селом. Переход 17 верст.

21. Днем мортирный взвод перешел в село и стал там по квартирам. Жителей в селе осталось мало. Мужчины почти все были мобилизованы красными, а другие бежали, боясь «кадетов» вследствие рассказов большевиков о якобы грабежах и насилиях белых.

22. Приказом Главнокомандующего Добровольческой армией от 22 июня за № 331 мортирный взвод переименован в гаубичную батарею. В 18 часов все части 3-й дивизии сосредоточились и выступили на село Белая Глина. 3-й дивизии приказано взять село Белая Глина с северо-востока между железной дорогой и речкой Рассыпной. Левее со стороны Павловки наступал отряд полковника Кутепова. Правее с севера отряд генерала Боровского. Колонна шла без мер охранения. Перед выступлением из Белой Глины прибыли парламентареры. В 12 верстах от Песчаннокопского гаубичная батарея остановилась у железнодорожного переезда. Наша пехота пошла вперед. Красные ракетами освещали местность. В колонне было запрещено курить и разговаривать.

23. В 2 часа полковник Жебрак во главе 2-го батальона самостоятельно атаковал Белую Глину и занял хутор перед селом. Батальон попал под сильный огонь и понес очень большие потери. Красные перешли в контратаку и выбили батальон из хутора. 3-й батальон также понес потери. В это время начало светать. Гаубичная батарея стала на позицию и открыла огонь по красным. В это время слева – колонны полковника Кутепова и справа – генерала Боровского продвигались с успехом. В 8 часов 30 минут наша пехота вновь перешла в наступление и большевики бросились бежать. К 11 часам батарея вступила в село и стала по квартирам. Тотчас же после занятия села началось вылавливание красных, которые там скрылись массами. В пехоте были убиты полковник Жебрак и 43 офицера – часть офицеров была сожжена живьем, будучи ранеными. Полковник Жебрак был также сожжен. Переход 20 верст.

24. Состоялись торжественные похороны полковника Жебрака и 43 офицеров.

25—28. Батарея стояла в Белой Глине – село огромное.

29. В 13 часов 3-я дивизия выступила на станицу Ново-Покровскую, где она должна сменить 1-ю дивизию. Станица обстреливается артиллерийским огнем красного бронепоезда. Ново-Покровская – первая кубанская станица, занятая добровольческими частями. Жители встречали очень хорошо. В станице сформирован 4-й пластунский батальон, который придан 3-й дивизии. Переход 20 верст.

30. 3-я дивизия стоит спокойно в станице Ново-Покровской. Вечером пришло приказание ночью выступить из станицы в направлении на станицу Терновскую.

Июль 1918 г

1. Колонна перед рассветом двинулась в направлении на станицу Терновскую. Двигались недалеко от полотна железной дороги. В 6 часов у ст. Порошино появился красный бронепоезд, который открыл огонь по колонне. Наша легкая батарея открыла огонь по бронепоезду, появился и наш «еловый» бронепоезд. Красный бронепоезд начал быстро отходить, а наш бросился преследовать. Во время перестрелки наш бронепоезд был подбит и загорелся. Несмотря на это, он огонь не прекращал. Все это время колонна беспрепятственно продолжала путь вперед. Без большого боя были взяты станица Терновская и ст. Порошино. Пройдя станицу, 2-е орудие батареи стало на позицию и открыло огонь по уходившему поезду красных. Было выпущено 3 снаряда. В 12 часов колонна от ст. Порошино двинулась дальше в направлении станицы Тихорецкой. Приказано атаковать Тихорецкую с востока. Гаубичная батарея двигалась за солдатским полком. (Солдатский полк, впоследствии Самурский, был сформирован из военнопленных красных. Бой под Тихорецкой был его первым боем. Полк действовал очень хорошо. Первым его командиром был полковник Шаберт.) Во время движения вперед колонна все время обстреливалась беспорядочным огнем красных бронепоездов, которых последовательно отгоняли своим огнем легкие батареи. В 17 часов у переезда, в 5 верстах от Тихорецкой, батарея стала на закрытую позицию и открыла огонь по цепям красных. Солдатский полк двинулся храбро в атаку. В это время передки батареи, стоявшие сзади, были обстреляны артиллерийским огнем. Пришлось переменить место стоянки. В передках были убиты две лошади. В это время колонна полковника Кутепова заняла станицу Тихорецкую, а колонна генерала Боровского атаковала красных со стороны Демьяновки. Красные начали в беспорядке отходить, неся большие потери. Батарею в это время посетил генерал Деникин, который разговаривал с офицерами батареи. Батарея снялась с позиции и двинулась в направлении на хутор Тихорецкий, который уже был занят нашими войсками. С темнотой батарея расположилась под открытым небом у водокачки. На станции была захвачена большая военная добыча, несколько эшелонов и два или три бронепоезда. Батарея с боем сделала 52 версты.

2. Батарея стоит в Тихорецкой на площади. Батарея выделила на формирование захваченного бронепоезда несколько офицеров во главе с полковником Скопиным¹²¹, который был назначен командиром бронепоезда. Из 2-го орудия ушли капитан Романов и прапорщик Горяный (полковник Скопин – бывший командир 28-го тяжелого артдивизиона. Капитан Романов служил в Кавказской Гренадерской Артбригаде. Прапорщик Горяный окончил 10 ускор. курс Сергиевского артиллерийского училища).

3. Батарея разместилась по квартирам в хуторе Тихорецком.

¹²¹ **Скопин Иван Васильевич**, р. 1875. Офицер с 1897 г. Полковник, командир 28-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии; летом 1918 г. командир 1-й тяжелой (3-й гаубичной) батареи 3-й дивизии, со 2 июля 1918 г. на бронепоезде «Единая Россия», с 11 декабря 1918 г. командир того же бронепоезда, с 7 апреля 1919 г. командир 1-го бронепоездного дивизиона. В Русской Армии в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегад». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батареи 6-го артиллерийского дивизиона.

4. Батарея стоит в армейском резерве.

5. В 23 часа 6-дюймовая гаубица под командой капитана Львова погружена в эшелон для следования на стан. Сосыка в распоряжении 1-й дивизии.

6. Батарея стоит в хуторе Тихорецком.

6-дюймовая гаубица присоединилась к колонне 1-й дивизии и участвовала в бою под станицей Крыловской, которая была занята без большого труда. 18 верст – переход.

7. Ночью 6-дюймовая гаубица была вызвана для поддержки атаки на станицу Ново-Екатериновскую, которая была взята на рассвете. После чего гаубица вернулась на станцию Крыловская.

8. На рассвете батарея погрузилась на Тихорецкой в железнодорожный эшелон для перевозки на станцию Крыловская, куда она и прибыла и выгрузилась в 14 часов.

Действовавшая отдельно 6-дюймовая гаубица на рассвете участвовала в наступлении на станцию Кисляковская, где она вела огневой бой с красным бронепоездом. Удачным попаданием снаряда была взорвана площадка бронепоезда. После упорного боя станция была взята. На ночь батарея расположилась в станице. Переход 19 верст.

9. Батарея стоит в станице Кисляковской. В 23 часа батарея в составе колонны 1-й дивизии выступила на Кушевку.

10. На рассвете занята без боя станица Кушевка, где батарея расположилась по квартирам. В 16 часов нашими подрывниками взорван железнодорожный мост через реку Ея. Как тогда говорилось, то было сделано, чтобы не было железнодорожного сообщения с местами, занятыми немцами.

6-дюймовая гаубица направлена на станцию Кавказская.

11. Батарея стоит в Кушевке. В 20 часов две 48-линейные гаубицы были погружены в эшелон для переброски на екатеринодарское направление.

6-дюймовая гаубица прибыла на Кавказскую.

12. Батарея в составе двух 48-линейных гаубиц перевозится на екатеринодарское направление.

6-дюймовая гаубица выгрузилась в станице Темюжбекской и вела огонь по красным.

13. Эшелон с батареей прибыл на станцию Платнировская. В 16 часов эшелон с батареей перешел на станцию Пластуновская. Станция обстреливается красным бронепоездом.

14. На рассвете батарея выгрузилась и стала по квартирам в станице Пластуновской. Станция обстреливается красной артиллерией.

15. В 14 часов батарею приказано спешно перейти в станицу Платнировскую, ввиду прорыва красного отряда Сорокина на станицу Кореновскую. Батарея совершила движение в Платнировскую без прикрытия. Переход 18 верст. Станция Платнировская занята пластунами.

16. На рассвете начался бой с целью выбить отряд Сорокина из Кореновской. Батарея стала на открытую позицию в одной версте к северу от Платнировской, влево от железнодорожной линии. Поле было покрыто снопами скошенной пшеницы. В прикрытии батарею была дана сотня пластунов и полсотни конных. В 7 часов, вследствие отхода нашего левого фланга и сильного натиска красных, наша пехота начала быстро отходить. Стоявшее немного впереди легкое орудие взялось «на задки» и пошло рысью назад. Тогда полковник Медведев¹²² разослал всех своих разведчиков, чтобы остановить пехоту. Батарея же усилила огонь. Наша пехота

¹²² Медведев Александр Константинович, р. 1882. Окончил Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Подполковник (капитан), командир 2-й батареи 4-го мортирного артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон, командир взвода артиллерии. В Добровольческой армии; сентябрь 1918 г. – январь 1919 г. командир 1-й (3-й) отдельной легкой гаубичной батареи, командир 7-й легкой гаубичной батареи 3-й артиллерийской бригады, с 13 апреля 1919 г. командир 4-го дивизиона 3-й (Дроздовской) артиллерийской бригады, в мае 1920 г. командир гаубичного дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Полковник (до сентября 1918 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Умер 12 февраля 1964 г. в Шартре (Франция).

остановилась на уровне батареи. Вскоре наша пехота перешла в контратаку и отбросила красных. Позиция батареи сильно обстреливалась артиллерийским и ружейным огнем красных. На батарее был ранен доброволец Охременко (в шею – ружейной пулей). Батарея на ночь осталась в поле на позиции. День был очень жаркий, и воду доставали с трудом. Обед в походной кухне был привезен на позицию. К вечеру на батарее осталось всего 2 снаряда.

6-дюймовая гаубица участвовала во взятии города Армавира в составе 2-й дивизии.

17. Батарея продолжала стоять на позиции, имея всего один снаряд (один снаряд был выпущен по отходившим красным обозам). День начался ружейной и артиллерийской перестрелкой. Днем наша пехота перешла в наступление и заняла станицу Кореновскую. В 14 часов батарея сперва перешла в Платнировскую, а в 16 часов было приказано перейти в станицу Кореновскую, куда батарея пришла в 20 часов и стала по квартирам.

6-дюймовая гаубица была поездом перевезена на разъезд Милованово, где она выгрузилась 18-го числа.

18. Батарея стоит в Кореновской. Станица обстреливается артиллерийским огнем красных. В 19 часов батарея получила 100 снарядов. Снаряды были привезены из города Ейска. В 24 часа батарея выступила в составе колонны 1-го Кубанского стрелкового полка.

6-дюймовая гаубица имела бой под станицей Тифлисской. Ранен прапорщик Троицкий. В 18 часов орудие было погружено в поезд и перевезено на станцию Тихорецкая.

19. На рассвете колонна 1-го Кубанского стрелкового полка внезапно попала под сильный пулеметный и ружейный огонь. Оказывается, колонна проходила вдоль фронта расположения красных, бокового же охранения в колонне не было. К счастью, кубанские казаки не растерялись и бросились с подвод с криками «ура» в атаку. Батарея рысью свернула с дороги, стала на позицию и открыла огонь. Вначале удалось потеснить красных, но потом они сами перешли в решительное наступление и начали теснить кубанских стрелков, у которых было очень мало патронов. Скоро прицел на батарее дошел до 13. Командир батареи приказал отходить. В 1-м орудии были убиты два коня, и его вывезли с трудом. 2-е орудие стало вновь на позицию и выпустило по красным цепям несколько снарядов. В это время ружейной пулей в висок был убит капитан Коваленко, во 2-м орудии был ранен подпоручик Колесниченко. Тяжело контужен подпоручик Ребиков, а в обозе ранен капитан Петрович¹²³. Батарея отходила самостоятельно через хутор Малеванный сперва на восток, а затем на север, где она присоединилась к колонне 1-го офицерского полка. Колонна вышла на ст. Выселки, где батарея и расположилась. 1-е орудие батареи вследствие преждевременного разрыва вышло из строя. На батарее осталось 7 снарядов.

20. В 7 часов 2-е орудие стало на позицию под Выселками и выпустило по красным свои последние снаряды.

21—24. Батарея стоит на ст. Выселки.

25. Батарея без снарядов погрузилась в эшелон и перешла на ст. Тихорецкая, где выгрузилась и разместилась по квартирам.

6-дюймовая гаубица погрузилась 20-го в эшелон и переехала на ст. Выселки, где выгрузилась и стала на позицию.

31. 6-дюймовая гаубица погрузилась в эшелон и переехала на ст. Динская, где поступила в распоряжение 1-й пехотной дивизии.

¹²³ **Петрович Лев Матвеевич.** Из Екатеринослава. Окончил пиротехническую школу. Капитан. В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в 1-й (3-й) гаубичной батарее, затем в 7-й батарее 3-й (впоследствии Дроздовской) артиллерийской бригады, с марта 1919 г. на бронепоезде «Генерал Шкуро». Убит летом 1919 г.

Август 1918 г

1. 6-дюймовая гаубица в составе 1-й дивизии (1-й Кубанский стрелковый полк) стояла на позиции на юго-запад от Динской и стреляла по красному бронепоезду.

2. То же орудие в составе колонны 1-й пехотной дивизии вступило в город Екатеринодар с северной стороны и встало на позицию на Крепостной площади, имея наблюдательный пункт на чердаке Мариинского женского института.

3. То же орудие погрузилось на ст. Екатеринодар в эшелон и переехало на станцию Кавказская, где выгрузилось 4-го числа.

5. Гаубичная батарея (две 48-линейные гаубицы) погрузилась в эшелон и перешла на станцию Кавказская, где выгрузилась и стала по квартирам.

6. Гаубичная батарея (все три орудия) погрузилась в эшелон и переехала на ст. Ставрополь.

7. Батарея выгрузилась и перешла в распоряжение 2-й пехотной дивизии. В 16 часов батарея стала на позиции на северо-восточной окраине города. Взвод 48-линейных гаубиц севернее железнодорожной насыпи Ставрополь-Дивное, а 6-дюймовая гаубица – севернее. Позицию занимает Ставропольский офицерский полк.

8. На рассвете красные повели энергичное наступление на Ставропольский офицерский полк со стороны села Надежда. Наша пехота начала отходить. Вышедший вперед броневик «Верный» загорелся. 6-дюймовая гаубица очутилась впереди железнодорожной насыпи без пехоты. Орудие было взято «на задки» и начало отходить сперва вдоль, чтобы пройти под железнодорожным мостом, т. к. сзади была высокая железнодорожная насыпь. Близко подошедшие красные цепи перестреляли коней, и орудие очутилось в критическом положении. В это время начали бегом подходить роты Корниловского полка, которые только что прибыли эшелоном со стороны Кавказской. Подошел также бронепоезд «Вперед за Родину!». Энергичной контратакой красные были отброшены и положение восстановлено. В 6-дюймовой гаубице был смертельно ранен кадет Еланский, ранены: капитан Хенцинский, подпоручик Станкевич, прапорщики Зрюнин и Коваленко, кадеты Андреев и Завжалов, добровольцы Деменчук, Бурдин и Рожнов. Убито и ранено 15 коней. Красные обратились в бегство. Гаубичная батарея своим огнем преследовала красных и потом пошла за пехотой. К вечеру перешли в село Надежда, где ночевали.

9. Гаубичная батарея с Корниловским батальоном перешла в Темнолесскую, где стала по квартирам.

12. Батарея вместе с корниловцами без боя перешла в станицу Ново-Екатериновскую, где расположилась по квартирам. Переход 18 верст.

13. Красные попытались занять город Ставрополь со стороны Сингелеевской, Корниловский полк вместе с гаубичной батареей получили приказание занять станицу Сингелеевскую. В 20 часов батарея в составе колонны Корниловского полка выступила в поход.

14. Движение колонны шло через Темнолесскую—Татарку. На рассвете прошли Ставрополь. Батарея стала на юго-западной окраине Ставрополя. В 13 часов 30 минут батарея вместе с полком выступила дальше. Подойдя на 6 верст к Сингелеевской, колонна попала под огонь красных. Корниловцы рассыпались в цепь и повели наступление на Сингелеевскую. Гаубичная батарея стала на позицию. 6-дюймовая гаубица несколькими снарядами заставила замолчать красную батарею, а взвод 48-линейных гаубиц вел огонь по пехоте красных. Красные начали быстро отходить, но Сингелеевскую занять не удалось ввиду наступившей темноты. Батарея ночевала в поле. Переход 60 верст.

15. С рассветом наступление на Сингелеевскую возобновилось. Батарея своим огнем поддерживала наступление пехоты. На правом фланге действовал Кубанский полк Улагая. В 12

часов нам удалось занять ст. Сингелевскую. Красные в беспорядке отходили на юг. В 13 часов отряд выступил для преследования красных в направлении станицы Николаевской. В 24 часа колонна без боя вошла в станицу Николаевскую, где расположилась по квартирам.

16. Батарея стоит в станице Николаевской в распоряжении генерала Черепова¹²⁴.

17. 6-дюймовая гаубица получила приказание перейти в распоряжение полковника Писарева у горы Недреманной. В 18 часов гаубица погружена в эшелон и перевезена под город Ставрополь.

18. На рассвете 6-дюймовая гаубица выгрузилась и походным порядком перешла на гору Недреманную. Орудие пришлось поднимать по очень крутой дороге. Орудие везли на волах. Подъем продолжался 8 часов. На горе Недреманной был окружен красный отряд Балахонова, числом около четырех тысяч человек. Осада Балахонова продолжалась уже несколько дней, но сбить его с горы не удавалось.

Взвод 48-линейных гаубиц стоит в станице Николаевской.

19. 6-дюймовая гаубица весь день стояла на позиции. В 24 часа отряд Балахонова открыл сильный ружейный огонь, после чего наступила полная тишина.

Взвод 48-линейных гаубиц перешел в хутор Горькореченский, где стал по квартирам. Переход 20 верст. В хуторе отдыхают две роты корниловского полка.

20. Утром выяснилось, что отряд Балахонова ночью незаметно прошел мимо расположения офицерского Ставропольского полка¹²⁵. 6-дюймовая гаубица пошла в направлении Ново-Екатериновской. Ввиду тяжелой дороги орудие везут на волах. Ночевали по дороге на хуторе.

21. Днем 6-дюймовая гаубица выступила на станицу Ново-Екатериновскую. Орудие везут волы. Гаубица прибыла в Ново-Екатериновскую в 14 часов. В 15 часов орудие выступило в составе отряда для занятия Невинномысской. Орудие имеет всего два снаряда. Пройдя хутор Голопузовку, наша пехота начала наступать, но была обращена в бегство красным бронепоездом. Гаубица выпустила по бронепоезду последние две бомбы, после чего начала отходить на Ново-Екатериновскую, куда в беспорядке отошла наша пехота. Красные не преследовали.

Взвод 48-линейных гаубиц перешел в станицу Убеженскую, дабы воспрепятствовать переправе красных через реку Кубань. Во время спуска с горы взвод был обстрелян пулеметным огнем с противоположного берега реки Кубани. Батарея стала на позицию, но огня не открывала.

22. Взвод 48-линейных гаубиц стоит в станице Убеженской. На фронте 6-дюймовой гаубицы затишье.

23. Взвод 48-линейных гаубиц вернулся в хутор Горькореченский, где стоит в резерве отряд генерала Черепова. Во время подъема на гору взвод был обстрелян шрапнельным огнем красных.

24—30. Взвод 48-линейных гаубиц стоит в хуторе Горькореченском.

¹²⁴ Черепов Александр Николаевич, р. 17 августа 1877. Из дворян Курской губ. Окончил Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор, командир бригады 4-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Командир бригады 1-й дивизии, затем 2-й дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, Черноморский военный губернатор. В Русской Армии в августе 1920 г. участвовал в Кубанском десанте, командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии. Возглавлял отдел Союза Первопоходников в г. Нови-Сад. Служил в Русском Корпусе (командир 4-го полка). Председатель Союза Инвалидов в Германии, председатель Союза Первопоходников, вице-председатель Союза чинов Русского Корпуса в США. Умер 15 марта 1964 г. в Нью-Йорке.

¹²⁵ 1-й Ставропольский офицерский полк (1-й Ставропольский стрелковый полк). Сформирован в начале июля 1918 г. в Добровольческой армии после занятия отрядом полковника Шкуро Ставрополя из имевшихся в городе офицеров, юнкеров, студентов и гимназистов. Вошел в состав Добровольческой армии. Расформирован 16 апреля 1919 г. Командир полк. Малышкин.

Обзор боевых действий за 2-й Кубанский поход

Огнеприпасы. За время 2-го Кубанского похода батарея очень страдала от недостатка снарядов и зарядов. Из дневника видно, что батарея несколько раз стояла продолжительное время без снарядов – в резерве.

Самозащита батареи. Прикрытие батареи (за исключением боя под Кореновской) не придавалось. Пулеметов на батареи в это время не было. Орудийные номера (офицеры) винтовок не имели, револьверами же были вооружены далеко не все офицеры. Зато пехота, с которой действовала батарея, была прекрасна, и на ее защиту можно было положиться.

Формирование. На станции Тихорецкая батарея выделила офицеров под командой полковника Скопина на формирование бронепоезда «Единая Россия». Затем выделила 6-дюймовую гаубицу для образования тяжелой полевой батареи.

Пехота в бою. Наша храбрая пехота часто стремительно двигалась в атаку во весь рост. Возникает при этом вопрос, что, может быть, это было напрасно и даже вызывало излишние потери. Я думаю, что это не так: стремительная атака во весь рост безусловно производила на красных большое впечатление и они часто в беспорядке отступали. Как правило, на стороне красных был большой перевес в силах. Красные в бою не проявляли большой стойкости.

Солдатский Самурский полк. Из многочисленных пленных был сформирован солдатский полк. Вначале к этому формированию относились с недоверием. В первом же бою под Тихорецкой Солдатский полк себя вполне оправдал и заслужил доверие. В батареи также появились солдаты из пленных, которые служили верой и правдой.

С. Нилов¹²⁶
НА БРОНЕВИКЕ «ВЕРНЫЙ»
(из воспоминаний 1918 года)¹²⁷

Майским вечером за околицей степной станицы Мечетинской у ветряка стоит невысокий генерал с седыми бровями. Позади него расположены строем марковцы, Партизанский полк и кубанские сотни пластунов. Все внимательно смотрят на север, откуда уже издалека виднеются и выходят штыки пехоты и флюгера пик кавалерии. Играет музыка, и впереди колышется белоглазое андреевское знамя. Старик с седыми бровями – генерал Алексеев – снимает фуражку и кланяется знамени.

«Я думал, – говорит он, – что мы остались одни, но оказывается, что и за тысячу верст отсюда, в далекой Румынии, русские сердца бились любовью к родине...»

* * *

Короткий, но сильный ливень совершенно испортил дорогу, и я с трудом добрался до станицы Мечетинской. В штабе армии я получил приказание выдвинуться на центральную улицу – генерал Алексеев желает посмотреть броневик. Из небольшой казачьей хаты, в сопровождении генералов Деникина и Романовского, вышел верховный руководитель Добровольческой армии. Он приветливо поздоровался со мной, подошел к броневiku и постучал пальцем по броне.

– Ну, Антон Иванович, – обратился он к генералу Деникину, – теперь вы можете гордиться, и у вас технические войска завелись. Какая у вас команда? – обратился генерал Алексеев ко мне.

– Офицерская, ваше высокопревосходительство, только шофер солдат.

– Да, латыш. Я уже слышал о нем от полковника Дроздовского. А вы откуда, капитан?

– Из Смоленска, ваше высокопревосходительство.

– О, мы, значит, земляки. Давно ли вы из дому?

– Полтора года.

– Я тоже оттуда уехал, прежнего там теперь ничего не осталось... Поезжайте с Богом. Надеюсь, что ваш броневик покроет себя славой и вы доведете его до Смоленска, как довели до Дона.

Верховный удалился. Броневик «Верный» запыхтел и, разбрасывая грязь, пополз в Егорлыкскую.

* * *

10 июня 1918 года солнце только начинает всходить, когда 3-я дивизия Добровольческой армии подходит к станице Торговой. Из небольшого хутора на левом берегу Егорлыка поднимается стрельба. Полковник Дроздовский бросает в атаку часть пехоты и наш броневик «Верный». Короткая схватка, и красные поспешно отходят на правый берег, на хутор Кузнецов,

¹²⁶ **Нилов Сергей Родионович.** Капитан 61-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне—октябре 1918 г. командир бронеавтомобиля «Верный», затем командир 1-го бронеотряда. В Русской Армии с мая 1920 г. переведен из бронечастей в 7-ю батарею Дроздовской артиллерийской бригады, в октябре 1920 г. командир той же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й вып.). Умер 21 августа 1976 г. в Монморанси (Франция).

¹²⁷ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 27. Май 1966.

сжигая за собой мост. По берегу Егорлыка залегают цепи 2-го Офицерского стрелкового полка. До хутора Кузнецова всего двести шагов; там мелькают белые голландки матросов, они в домах поставили пулеметы и не дают стрелкам поднять головы.

Подполковник Протасович¹²⁸ вкатил орудие в сарай, проломал стену и бьет прямой наводкой по пулеметам. Большевики, сосредоточив огонь по орудию, переранили его прислугу. Стрелки лежат и несут потери. Вдоль цепи, во весь рост, в сопровождении полковника Дроздовского идет генерал Деникин. Пули поднимают пыль возле его ног, но он не обращает на них внимания. Обращаясь к стрелкам, он говорит:

– А ну, посмотрим, каковы молодые в бою. Нечего зря лежать, пора брать Торговую.

Капитан Туркул с крутого берега бросается в реку. Как один, спешит за ним вся рота. Не все хорошо справляются с глубиной реки... Короткий пулеметный огонь, стремительная атака – и хутор взят. Преследуя красных, стрелки подходят к железной дороге. Далеко вправо видна пыль – там движется какая-то колонна. Полковник Дроздовский мне говорит:

– Поезжайте и узнайте – чьи войска? Должны быть корниловцы. Возможно, это вторая бригада...

За бугром я встречаю цепь, которая при виде моего броневику залегает. Я вылезаю на крышу «Верного» и начинаю махать белым платком. Из цепи поднимаются несколько человек и подходят ко мне. Корниловцы! В пыли приближается вся колонна.

– А мы уже хотели открыть по броневику огонь, – смеется командир Корниловского полка полковник Кутепов. – Передайте полковнику Дроздовскому, что я разворачиваю свой полк правее его.

Солнце палит невыносимо. Моя команда сняла рубахи и полуголая сидит в тени забора. На брошенном хуторе достали хлеб, молоко, каймак...

На автомобиле подъезжает генерал Деникин. Командую «смирно» и подхожу к нему с рапортом.

– Ишь, как вы разделись, – говорит он, указывая на мою полуголую команду.

– Ваше превосходительство, молока не хотите?

– Угощаете?

– Так точно.

Генерал Деникин выходит из автомобиля и тут же у забора пьет молоко из одной чашки с шофером.

– Ну что, с корниловцами не удалось подраться? – спрашивает меня Главнокомандующий.

– Да я только ездил в разведку...

– Знаю я эти разведки – пострелять хотелось, – смеется генерал Деникин.

* * *

23 июня 1918 года. Разбитая под Торговой красная армия Веревкина (около 15 тысяч) занимала район Песчанокопская – Белая Глина, преграждая добровольцам дорогу на Тихорецкий железнодорожный узел. В районе Сосыка—Каял находилась армия Сорокина (40 тысяч),

¹²⁸ **Протасович Виктор Александрович.** Окончил Псковский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1905). Подполковник, командир батареи 28-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в июне 1918 г. рядовой в 3-й артиллерийской бригаде, затем командир 2-й батареи, с 13 апреля 1919 г. командир 2-го дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде, сентябрь—октябрь 1919 г. 1-го дивизиона. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник (с 16 июня 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона на Корсике. В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1931 г. помощник командира Дроздовского артиллерийского дивизиона в Париже. 1956—1964 гг. начальник 1-го отдела РОВС, член правления Общества Галлиполицев. Умер 2 октября 1966 г. в Монморанси (Франция).

которая решила перейти в наступление на север и этим отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска. Кроме того, значительные силы красных (Думенко) группировались в верховьях Маныча, а против Великокняжеской была собрана сильная Царицынская группа. Всего красных было около 80 тысяч, в то время как добровольцы насчитывали не более 9 тысяч человек.

Узнав, что Сорокин наступает, генерал Деникин решил сам перейти в наступление. В ночь на 19 июня Добровольческая армия выступила на юг тремя колоннами. Правая – 2-я пехотная дивизия генерала Боровского (без Корниловского полка) с бронеавтомобилем «Корниловец», имея задачей занять село Богородицкое и наступать на Белую Глину. Средняя – 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского и бронепоезд с задачей разбить красных в районе Песчанокопская—Развильное и наступать на Белую Глину. Левая колонна генерала Эрдели – 1-я пехотная дивизия полковника Кутепова (без Марковского полка), 1-я конная дивизия и броневик «Верный». Задача – разбить красных в районе Сандата—Ивановка, отбросить на восток и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия в захвате Белой Глины.

Приданный 1-й пехотной дивизии 3-й Кубанский полк лихой атакой захватил село Ивановку, взяв пленных и пулеметы. Мы на броневике «Верный» поддержали эту атаку. На следующий день, преследуя большевиков в направлении на село Красная Поляна, наш броневик, за которым следовало человек десять казаков на хороших лошадях, выдвинулся далеко вперед. Вдруг мы заметили, как на галопе уходит одно орудие красных и с ним зарядный ящик. Увидав наш броневик, орудие снялось с передка и открыло огонь по «Верному». Мы остановились, развернулись и стали отходить. К нам подскочили казаки, и мы снова стали преследовать орудие. Опять орудие снялось с передка и открыло по нам огонь – мы стали отходить. Так повторялось несколько раз. Верст через десять мы увидели, что красные упряжки окончательно выбились из сил. Большевики бросили орудие и зарядный ящик и скрылись в кукурузе.

Войска генерала Эрдели, отбросив группу красных к востоку, 22 июня около 11 часов утра прибыли в Ново-Павловку. Жители ее нас приняли очень хорошо, и хозяин квартиры, где остановилась команда броневика, сейчас же затопил баню, предложив нам ею воспользоваться. Вымылись мы на славу и только легли спать, как явился казак и доложил, что генерал Эрдели требует меня к себе.

– Вы очень нуждаетесь в отдыхе? – спросил меня генерал.

– Если необходимо вести броневик, я готов.

– Прокатитесь тогда на Ново-Покровскую и если встретите красных, то разгоните их.

Проехав по дороге верст 15, я никого не встретил и уже возвращался обратно, когда увидел на полевой дороге, ведущей в Белую Глину, разъезд черкесов, затеявших перестрелку с конницей красных. Черкесы подскочили к броневнику и стали просить помочь им. Хотя это и не вызывалось срочной необходимостью, я все же свернул на Белую Глину и огнем прогнал конницу красных за их пехоту. По «Верному» стала стрелять артиллерия, и я отошел назад. Уже стемнело, когда я возвратился в Ново-Павловку.

Здесь генерал Эрдели сказал мне, что я перехожу в подчинение начальнику 1-й пехотной дивизии полковнику Кутепову, который сейчас выступает к Белой Глине, а конница идет на Ново-Покровскую с целью отрезать группу большевиков от Тихорецкой.

На рассвете 23 июня 1-й Кубанский стрелковый полк, одна батарея и мой бронеавтомобиль «Верный» сосредоточились в ложине в трех верстах южнее Белой Глины. Цепь кубанских стрелков вышла на бугор и залегла в высокой пшенице. Красные сразу зашевелились и из окопов южнее села открыли огонь. Открыла огонь их батарея. К «Верному», стоявшему укрыто в ложине, прискакал офицер – полковник Кутепов просит выдвинуть броневик вперед. На бугре, указывая мне на наши цепи, поднимавшиеся на холм, откуда летели пули, полковник Кутепов мне сказал: «С Богом, поезжайте, но только не увлекайтесь... Дальше полуверсты не удаляйтесь от цепи...»

«Верный» пролетел ложину, обогнул наших стрелков и остановился около большевистских окопов. Застучали пулеметы. Через минуту все побежали. Позади поднимались наши цепи, стреляя на ходу по отступавшим. Я вылез на крышу броневика и осмотрелся. Красные бежали к Ново-Покровской, и преследовать их не было смысла – все равно их перехватит конница генерала Эрдели.

Впереди же, в одной версте, виднелась освещенная восходящим солнцем Белая Глина. Она невольно манила меня к себе, как мне казалось в этот утренний час, своим мирным видом и тишиной.

«Не увлекайтесь и не удаляйтесь», – вспомнил я совет полковника Кутепова, но, наклонившись внутрь броневика, я дотронулся до плеча шофера, произнеся: «Вперед!»

Широкая, заросшая травой улица станицы переходила в площадь; от церкви к земской больнице перебежали отдельные красноармейцы; они удивленно смотрели на броневик и не стреляли, не стрелял и я. За площадью начинались дома городского типа, и из их окон там и сям выглядывали испуганные лица.

Броневик остановился. Вокруг тишина... Внезапно на широкой улице, уходящей в сторону, откуда должен был наступать полковник Дроздовский, появился автомобиль. Он мчался с большой скоростью прямо на мой броневик.

– Легковой автомобиль! – крикнул мне поручик Бочковский и стал наводить свой пулемет.

– Подождите... Не открывайте огонь, – остановил я его. – Еще неизвестно, чей автомобиль, с той стороны должны подойти наши...

Но в это время легковая машина поравнялась с нами. В ней сидели четыре человека в кожаных куртках. Стало ясно – большевики.

– Огонь! – закричал я пулеметчикам.

Большевики обернулись и с недоумением смотрели на меня. Еще мгновение – и автомобиль исчез бы за поворотом. Заработал пулемет. Пули подняли пыль вокруг автомобиля. Большевики пригнулись... Уйдут, уйдут – стучало в голове... Но автомобиль вдруг потерял управление, налетел на телеграфный столб, сломал его как спичку, врезался в забор, проломал его и влетел в сад...

– Ну, наверное, все убиты, – радостно сказал мой шофер Генрих, открывая настежь свое окно.

Я схватил карабин, спрыгнул с броневика и бросился в сад. Автомобиль с разбитым радиатором стоял упершись в дерево. На сиденье лежало свернутое красное знамя. В кустах слышны были тихие стоны. Я раздвинул кусты. На траве лежал человек в кожаной куртке, у него была перебита нога.

– Кто ты?

– О, не убивайте меня, – взмолился раненый. – Я ни при чем! Я только шофер...

– Кого ты вез?

– Товарища Жлобу...

Товарищ Жлоба, ну, черт с ним! Я повернулся и вышел из сада. Эта фамилия мне ничего не говорила. О, если бы я знал, кто такой товарищ Жлоба и какую роль он будет играть впоследствии, я перевернул бы весь сад и нашел бы его.

У крыльца дома билась в истерике девушка – она испугалась пулеметной стрельбы. Я пробовал ее успокоить, но она смотрела на меня испуганными глазами и продолжала громко рыдать. От станции железной дороги бежали красноармейцы, неслись тачанки с пулеметами и походные кухни. Все это устремилось на Ново-Покровскую.

«Верный» помчался за ними. На узкой улице броневик врезался в гущу людей и повозок, и сразу же застучали его четыре пулемета. Все смешалось. Валились убитые и раненые, а обезумевшие живые бросались во дворы, прыгали через заборы и прятались в садах.

Через несколько минут улица была очищена. Стонали лишь раненые. Валялись брошенные повозки и пулеметы. На одной тачанке продолжал сидеть рослый парень, видимо ничего не соображавший от испуга.

– Иди сюда! – крикнул я ему, – да тащи свой «кольт».

Парень покорно принес пулемет и робко спросил, что я ему еще прикажу. По временам из-за домов выскакивали красноармейцы, но сейчас же прятались при виде броневика. Мои пулеметчики выпускали короткие очереди и замолкали.

За насыпью железной дороги лежала цепь, которая открыла по «Верному» редкий огонь. Мы ответили и пошли к станции. Из-за построек выскочили конные и сейчас же скрылись, но я успел заметить синие погоны. Свои!.. Партизаны!..

Я вышел из машины и пошел на станцию. Навстречу мне шли три офицера.

– А мы приняли вас за большевиков, – сказали они смеясь. – Видим, со стороны большевиков броневик катит...

– А флаг?

– Да разве его разберешь... Впрочем, вы тоже по нас пальнули!

«Верный» с трудом перебрался через мостик и выскочил на площадь в юго-западном углу Белой Глины. На площади стояла и пыхла такая же железная коробка, как «Верный», немного только пониже. Из бойниц выглядывали пулеметы. Красный броневик!

– Зарядить бронебойными! Вперед!

У меня вспыхнула мысль – сблизиться с красным броневиком вплотную и, пользуясь преимуществом в высоте, прыгнуть в него; если же это не удастся, то просто бросить в красную коробку ручную гранату.

К нашему удивлению, команда красного автомобиля не приняла боя. Видя приближение «Верного», большевики выпустили очередь, выскочили из машины, перепрыгнули через плетень и скрылись в кукурузе.

«Черный Ворон» – прочли мы гордую надпись под красной звездой. Машина была в исправности, мотор еще работал, в пулеметах были продернуты ленты.

Пулеметчик Кобенин забрал «добычу» – сахар и ботинки, поручик Бочковский – запасные пулеметные части, а шофер Генрих – ключи и цепи, каждый по своей специальности... Зачеркнув мелом «Черный ворон», я надписал – «Партизан».

Вдруг из переулка неожиданно вылетел башенный бронеавтомобиль и полным ходом устремился на нас. Мы бросились к «Верному», но наша тревога была напрасна – это был «Корниловец», работавший со 2-й дивизией. Из машины вышел в замасленной и порванной гимнастерке капитан Гунько¹²⁹. Вольноопределяющийся Кобенин торжественно преподнес ему ботинки...

Оставив «Корниловца» на площади, я вернулся к земской больнице, где нашел полковника Кутепова.

– Я вам приказывал не увлекаться, – набросился он на меня, – а вас только и видали! Полтора часа пропадали! Я беспокоился о вас, – добавил он уже мягче и, показывая на валявшиеся трупы красноармейцев, спросил: – Это работа «Верного»?

– Так точно. Куда прикажете сдать?

– А, и пулемет есть! Отдайте стрелкам. А за лихую работу спасибо всей команде...

Солнце поднималось все выше. На северо-восточной окраине трещали пулеметы и над нашими головами рвались шрапнели. Там наступала наша родная 3-я дивизия, и большевики, не знаящие, что Белая Глина уже занята, оказывали упорное сопротивление.

¹²⁹ Гунько Игорь Дмитриевич. Штабс-капитан. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне 1918 г. командир бронеавтомобиля «Корниловец», затем бронеавтомобиля «Витязь», командир дивизиона бронеавтомобилей. Капитан. Убит 31 октября 1918 г. у с. Пелагиада Ставропольской губ.

– Поезжайте на северо-восточную окраину и поддержите 2-й Офицерский полк, – приказал мне полковник Кутепов. – Только опять не увлекайтесь особенно...

У мельницы я встретил 3-й эскадрон 2-го конного полка под командой штабс-ротмистра Цыкалова.

– Как дела? – спросил он меня.

– Прекрасно. Вторая и первая дивизии давно вошли в село...

– Ну а наши понесли большие потери. Хорошо бы атаковать красных с тыла...

– Так за чем же дело стало? Валяйте за «Верным».

Наш броневик помчался по улице; сзади, наклонивши пики с черно-белыми флюгерами, галопом скакал эскадрон. Но скоро лошади вымотались и отстали; лишь штабс-ротмистр Цыкалов да еще два всадника продолжали скакать за нами. Впереди через улицу перебегало много красноармейцев, стараясь скрыться в садах. Не останавливаясь, я обстрелял их из пулемета и полным ходом свернул в улицу направо. Здесь я неожиданно врезался в густую массу большевиков, которые, свернувшись в колонну, спокойно отходили к центру села.

Растерявшийся шофер без моей команды остановил машину... Остановились и пораженные видом броневика большевики. Несколько мгновений продолжалось это взаимное изумление, а затем разом заговорили мои четыре пулемета. Услыша стрельбу и расстреливаемые в упор красноармейцы валились на землю, убитые и вместе с ними живые, не стараясь бежать. Затем, перепуганные, они надевали на штыки свои фуражки в знак того, что сдаются. Я приказал им сложить в одно место винтовки и построиться. В это время прискакал штабс-ротмистр Цыкалов с двумя всадниками и занялся пленными.

На окраине села у мельницы «Верный» снова встретил около батальона большевиков, прижал их к забору и заставил положить оружие и сдаться.

В это же время по улице вдоль ручья понеслись пулеметные тачанки, кухни и разные повозки. Я на «Верном» обогнал их и передними повозками загромоздил дорогу. Обогнув квартал, мы снова устремились к мельнице, где захватили пять пулеметов.

Когда, выйдя из броневика, я смотрел, как большевики бежали и скрывались в огородах, какой-то красноармеец в белой рубашке остановился шагах в ста от меня, поднял винтовку и выстрелил. Я в свою очередь схватил карабин и приложился. Мы стояли друг против друга и выпускали пулю за пулей. Команда броневика с любопытством следила за исходом дуэли, не вмешиваясь в нее. На третьем выстреле я сбил большевика; он взмахнул руками и остался лежать белым пятном на зеленой траве. Мы связали захваченные пулеметы веревкой и зацепили сзади броневика, но способ этот оказался не из удачных, так как колеса пулеметов вскоре полопались. Пришлось их передать 3-му эскадрону, который уже собрался в полном порядке.

К мельнице подходили последние цепи большевиков. Вдали виднелись цепи 2-го Офицерского полка. Увидя броневик, красные залегли в пшенице. Я вылез на крышу «Верного» и, размахивая карабином, обратился к ним с речью. Эту речь я пересыпал ругательствами и угрозами перебить всех до одного, если они не сдадутся. Трудно было объяснить психологию большевиков – почему никто из них не выстрелил в меня, очевидно, их тронула моя речь, так как один за другим они выходили на дорогу и складывали оружие. Лишь один с наглым лицом в красной рубашке не бросил винтовки. Я соскочил с броневика и карабином ударил его по голове...

В это самое время от железнодорожной будки подошел наш бронепоезд и открыл огонь гранатами и по красным, и по «Верному»... Цепь 2-го Офицерского полка, продвинувшись незаметно в высокой пшенице, тоже открыла огонь.

Я выкинул белый флаг и помчался к ним навстречу. Стрельба прекратилась, и офицеры подбежали к «Верному».

– А мы по вас бронебойными пустили, – смеялись они. – Смотрим, как будто наш «Верный», но почему же он в тылу у большевиков?..

Среди цепей верхом на белой лошади ехал полковник Дроздовский.

– А, «Верный», – сказал он с грустной улыбкой. – Жаль, что вас не было с нами.

Полковник Дроздовский, нагнувшись с лошади, пожал мне руку.

– Вы знаете, что полковник Жебрак убит? – спросил он меня.

– Жебрак? – невольно воскликнул я. – Не может быть!..

– Да... Печальный бой для нашей дивизии, полковник Жебрак и восемьдесят офицеров убито, до трехсот раненых... А как ваши дела?..

– Сейчас вместе с третьим эскадроном на окраине села захватил много пулеметов и свыше двух тысяч пленных...

В это время к «Верному» подлетел мотоциклист.

– Вас требует к себе главнокомандующий, – сказал он мне.

Возле будки у переезда стоял автомобиль с георгиевским флажком и несколько кубанских казаков со значками Главнокомандующего. Генерал Деникин поздоровался с командой броневика и, улыбаясь, сказал мне:

– Как вам не стыдно заставлять вашего главнокомандующего прятаться в канаве?

Видя на моем лице искреннее мое недоумение, он, смеясь, объяснил, что, видя броневик, выскочивший в тылу красных из Белой Глины и направляющийся к железной дороге, все его приняли за большевистский и принуждены были укрыться в канаве.

– Спасибо вам за лихую работу, – поблагодарил мою команду генерал Деникин. – А теперь – еще задача: часть красных прорвалась правее железной дороги; они отходят к станции Незамаевской. Я послал их преследовать Польский эскадрон и свой конвой – все, что было у меня под рукой. Поезжайте и поддержите их...

Медленно пополз по вспаханному полю «Верный». Выбравшись потом на полевую дорогу, он покатил быстрее. Вскоре встретился конвой главнокомандующего, ехавший назад; по его словам – красные были уже далеко. Однако, пройдя еще верст пять, я увидел густую цепь большевиков, отходивших на Незамаевскую. Позади них двигалась редкая цепь Польского эскадрона.

Я понесся в атаку, сбил и смешал правый фланг большевиков. Однако они учли, что броневик может свободно ходить по дорогам, и, повернув в поле, стали уходить по пахоте. «Верный» свернул было за ними, но вскоре увяз в черноземе и остановился. Красные открыли жестокий огонь. Польский эскадрон, выскочивший на линию броневика, сразу же потерял двадцать человек, то есть около половины своего состава. В свою очередь я открыл огонь из трех пулеметов и заставил красных вновь спешно отходить. Подобрал несколько тяжелораненых, я погрузил их в машину. Выбравшись наконец на дорогу, я повел «Верный» в Белую Глину, провожаемый гранатами красной артиллерии. Польский эскадрон тоже последовал за мною.

На площади у деревянной церкви хоронили командира 2-го Офицерского полка полковника Жебрака и его офицеров. Печально звучали трубы оркестра, и им вторили погребальные перезвоны колоколов. Держа винтовку на караул, мрачно стояли поредевшие ряды 2-го Офицерского стрелкового полка. Еще сегодня, когда они проходили мимо окопов, они видели там своих убитых товарищей, изуродованных и исколотых штыками, видели и своего любимого командира, храбрейшего и благороднейшего полковника Жебрака, умученного красными.

И в то время, когда печально слышался погребальный перезвон колоколов на другом конце площади, близ паровой мельницы, у каменной стены гремели залпы... Прежде чем вмешался штаб главнокомандующего, полковник Дроздовский, решив отомстить за смерть своих зверски умученных офицеров, успел, охваченный чувством негодования, расстрелять несколько партий взятых в плен красноармейцев... Остальных пленных накормили, свели в роты, назначили им офицеров и влили в Солдатский полк, сформированный из пленных, взятых в Песчанокопской. Позже этот полк был переименован в Самурский.

Этот район, вдоль железной дороги, с его большими и богатыми селами, был наиболее распропагандирован и считался одним из очагов коммунизма. Испуганные крестьяне Белой Глины нашли на фуражки белые повязки и говорили: «Мы – белые!»

В своих «Очерках русской смуты» генерал Деникин пишет: «Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми: и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В первом походе мы вовсе не брали пленных; во втором брали тысячами; позже мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба, но и эволюцией духа».

* * *

В Гражданскую войну, когда обе стороны носили приблизительно одну и ту же форму, говорили на одном языке, происходили иногда забавные, а порою трагические случаи, когда своих принимали за противника, а противника за своих. Особенно часто эти случаи происходили с броневыми автомобилями, часто действовавшими самостоятельно и в отрыве от своих частей.

Во время Второго Кубанского похода, заняв Белую Глину, Добровольческая армия, прежде чем продолжать наступление на Тихорецкую, должна была ликвидировать Южную группу красных, численностью в 6500 человек при 8 орудиях, занимавших район: село Медвежье – станицы Успенская и Ильинская. Для этого была назначена 2-я дивизия генерала Боровского, которой был придан мой броневик «Верный».

Утром 28 июня Корниловский полк под проливным дождем атаковал хутор Богомолов в полутора верстах от села Медвежье, разбил красных и захватил много пленных. Около 11 часов выглянуло солнце и корниловцы перешли в наступление на село Медвежье.

Броневик «Верный» с надетыми на колеса цепями с трудом двигался по вязкой черноземной, размытой дождем дороге. Пройдя цепи красных, он попал под обстрел большевистской батареи, стоявшей впереди села. Обстрелянная дальним пулеметным огнем батарея вскоре подала передки и скрылась в селе. Громадное уездное село Медвежье после дождя превратилось в болото.

Выехав с большим трудом из-за ужасной грязи на площадь и пытаясь перейти через огромную лужу, броневик в ней окончательно завяз. Кругом проходили отдельные красноармейцы. Приходилось терпеливо ждать подхода корниловских цепей. Вдруг на площадь вышла отходящая рота красных – человек 150.

– Эй, товарищ, – закричал кто-то из отступавших, – что ждете? Кадеты к селу подходят! Смывайтесь скорее!

Я сидел на крыше броневика в кожаной куртке, правда, без погон, но в фуражке с кокардой. На крыше броневика развевался большой трехцветный флаг, на стенках были нарисованы трехцветные круги.

– Смывайтесь, – сказал я с досадой в голосе. – Что вы, не видите, что машина завязла в грязи?

– А мы поможем вытащить. Есть канат?

– Вот за это спасибо!

Я выкинул из броневика канат. Красные зацепили его за передние крюки машины и дружно вытащили ее на дорогу. Я еще раз поблагодарил большевиков.

– А теперь, товарищи, бросайте ружья и сдавайтесь.

– Да ты что? Да почему?

– Да потому, что мы самые кадеты и есть.

Красные никак не хотели верить. Тогда я сбросил кожаную куртку и показал им свои золотые погоны. Это, а еще больше пулеметная очередь над их головами убедили красных, что я не говорю неправду. Они положили оружие. Вскоре подошла корниловская цепь.

* * *

Генерал Боровский ночью продолжал движение, и на рассвете 29 июня авангард 3-й дивизии – улагаевский пластунский батальон и броневик «Верный» – уже по высохшей дороге подошел к станции Успенской.

Большевики окопались на буграх в версте от станицы. Пластуны развернулись и залегли. Броневик остался стоять на дороге. Невидимая за горой красная батарея стала назойливо обстреливать нас шрапнелью. Разрывы ложились близко, а в открытой степи укрыться было нигде.

– Долго ли мы будем изображать собою неподвижную мишень? – сказал я командиру пластунского батальона. – Давайте пойдем в атаку.

– Приказано ждать подхода Партизанского полка, а впрочем, если вы пойдете вперед, то и я – за вами.

Броневик был встречен сильным ружейным огнем, но дорога была свободна и не перекопана; едва броневик «Верный» поравнялся с окопами, часть красных подняла руки и закричала:

– Мы – мобилизованные кубанцы...

– Идите навстречу вашим станичникам, – ответил я, указывая им на быстро приближающиеся цепи пластунов.

Влево, в полутора верстах от станицы, на выгоне стояли два орудия – красная батарея. «Верный» повернул на нее. Батарея переменила шрапнель на гранату, и снаряды стали ложиться все ближе и ближе. Атаковать батарею в лоб было бессмысленно, и я уже думал повернуть в станицу, чтобы обойти батарею с другой стороны.

Однако снаряды красных начали вдруг делать все больший и больший перелет. Очевидно, большевики от волнения забыли уменьшить прицел. «Верный» пошел прямо на батарею. Когда он был шагах в трехстах, красные артиллеристы подали передки. Было жаль, но пришлось открыть огонь по передним уносам. Запряжки тотчас остановились, а номера и ездовые бросились бежать.

Мы – я и со мною два пулеметчика – выскочили из броневика, повернули орудие на 180 градусов и быстро заложили снаряд. Я стал за наводчика и дернул за шнур. Граната разорвалась в версте от орудия. Я посмотрел на прицел – 27. Предположение оказалось верным: у большевиков не хватило пороха – вместо того чтобы поставить прицел 10 и спокойно подпустить броневик на 400—500 шагов и наверняка его подбить, они открыли беглый огонь больше чем за версту.

Я переменил прицел и открыл огонь по убегающим большевикам шрапнелью. Но в это самое время над нами разорвалась батарейная очередь, за ней вторая и третья. Как потом оказалось, стреляла корниловская батарея, и надо отдать справедливость, стреляла очень умело. Пришлось спешно прятаться кому под зарядный ящик, кому под машину. Шофер схватил трехцветный флаг и стал им махать с крыши броневика. Стрельба прекратилась.

Через несколько минут на легковом автомобиле, невзирая на отходящие цепи красных, примчался генерал Боровский. Он поблагодарил за взятые пушки, упрекнул за подбитых артиллерийских лошадей и сказал:

– Раз в тылу красных стоит и стреляет батарея, значит, это батарея противника и ее нужно привести к молчанию. Вам обижаться не приходится...

Я и не обижался.

* * *

Рассвет 1 июля. На степном кургане стоит начальник 2-й пехотной дивизии генерал Боровский и указывает мне на юг, где в утреннем тумане смутно вырисовываются высокие тополя.

– Видите там – станица Терновская?

– Вижу, ваше превосходительство.

– Займите ее.

Через час мой броневик, разогнав два эскадрона красных, проходит станицу и несется к станции Порошинская. Самодельный бронепоезд красных, который стоит на этой станции, старается повернуть свои пушки против «Верного» и не может. Он пытит и начинает отходить к Тихорецкой. Броневики и бронепоезд, постепенно сближаясь, мчатся рядом на юг, осыпая друг друга пулеметным огнем.

В это время к станции Порошинская с севера подходит другой, новейшей конструкции, бронепоезд большевиков, вооруженный трехбашенной установкой 120-мм пушек Канэ. Внезапное его появление отрезывает «Верному» путь к отступлению. Бронеавтомобиль поворачивается и полным ходом мчится назад навстречу бронепоезду, стараясь пробиться. Башни бронепоезда поворачиваются, и три пушки открывают частый огонь по «Верному». По мере сближения пушки поворачиваются и, когда бронеавтомобиль встречается с бронепоездом, становятся перпендикулярно ему.

Окутанный дымом разрывов, мчится «Верный», и кажется – не миновать ему гибели... Чувствую это я, чувствует это и команда машины. Нам кажется, что длинные стволы морских пушек тянутся почти до броневика, выстрелы сотрясают броню. Но еще несколько мгновений – и «Верному» удастся проскочить.

Чем объяснить эту удачу? Броневики шел навстречу бронепоезду со скоростью около 50 километров в час, то есть приблизительно 15 метров в секунду. Орудия стреляли по «Верному» прямой наводкой. Если считать, что нужна была одна секунда, чтобы дернуть за шнур и снаряд долетел до «Верного», то за это время он будет уже в 15 метрах впереди. А на эту дистанцию – меньше полкилометра – одно деление угломера, будет полметра. Значит, нужно было скоординировать – левее 0,30. Но красные артиллеристы этого не сделали, так как их снаряды ложились приблизительно на 15 метров позади «Верного». Другими словами, они не взяли поправку на ход цели.

* * *

У крайней хаты станицы стоит в автомобиле генерал Деникин с генералом Романовским и следит внимательно в бинокль за неравной борьбой «Верного» с бронепоездом. Главнокомандующий неодобрительно качает головой.

«Верный» подходит к станице и останавливается около штабного автомобиля.

– Когда это кончится? – гневно набрасывается на меня генерал Деникин.

– Что кончится, ваше превосходительство?

– Когда вы перестанете сумасшествовать? Вчера вы атаковали в лоб батарею, сегодня лезете на бронепоезд. У меня слишком мало броневиков в армии, чтобы ими так рисковать. Для нас будет большой потерей, если такая прекрасная машина, как «Верный», окажется разбитой.

– Не особенно прекрасная, ваше превосходительство. Броня пробивается, и в окна залетают пули...

– Да я не про автомобиль говорю, а про команду. Таких людей вы больше не найдете, берегите их. Спасибо вам за вашу работу, за вашу лихость! – обращается Главнокомандующий к команде броневика. – Я слежу за вами и горжусь вашим «Верным».

Генерал Деникин подает мне руку и уже без прежней строгости в голосе говорит:

– Так послушайте моего совета – берегите себя и вашу команду!

* * *

Прорвав фронт красных, 1-я пехотная дивизия атакует с северо-востока железнодорожную станцию и хутор Тихорецкий. Большевики скопили значительные силы и оказывают упорное сопротивление. Их пулеметный огонь – ужасен. Два раза кидаются броневики «Верный» и «Корниловец» на окопы красных и два раза отходят, неся потери. Я ранен в лицо, ранены и мои пулеметчики. Команда «Корниловца» тоже переранена. Слева от леса бросается в атаку первый эскадрон 2-го конного полка и почти целиком гибнет.

Наступают сумерки. Полковник Кутепов поднимает в атаку кубанских стрелков.

– Прорвитесь на хутор Тихорецкий, – говорит он мне.

«Верный» пронесется сквозь цепи большевиков и подходит к хутору. Оттуда летят пули. Посреди улицы лежит цепь, и пулеметы броневика осыпают ее. Я соскакиваю, чтобы подобрать оставленный пулемет. Возле пулемета лежат три фигуры...

У меня поднимаются дыбом волосы. Боже мой! Черно-красные погоны! Я кричу:

– «Верный»! Свои! Свои! Корниловцы!

Оказывается, Тихорецкая уже больше часу была занята 2-й дивизией... В то время как 1-я дивизия вела упорный бой, 2-я дивизия с тыла заняла хутор и станцию Тихорецкая. Мы об этом не знали, и вот причина – почему я столкнулся с корниловцами.

Вечером я вхожу в зал 1-го класса станции Тихорецкая. За столом сидят генералы Деникин, Романовский и полковник Дроздовский. Мне не хочется попадаться на глаза Главнокомандующему, и я быстро поворачиваюсь назад.

– Капитан Нилов! – кричит мне генерал Деникин. – Нечего прятаться, идите сюда!

Я подхожу и отдаю честь.

– Вы подрались с корниловцами?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Я же только что сегодня предупреждал вас не безумствовать. Вам только бы мчаться сломя голову и драться, а с кем – вам безразлично... У корниловцев есть потери?

– Раз мои пулеметчики стреляли – потери должны быть...

Генерал Деникин, сердито смотря на меня, спрашивает:

– Сколько человек?

– Трое, ваше превосходительство...

– А почему у вас лицо в крови? Вы ранены?

– Немного оцарапало...

– Есть еще раненные на броневике?

– Так точно – трое, кроме меня.

– Ступайте, немедленно перевяжитесь. Нечего бравировать. Ну не сумасшедший ли? – говорит мне вслед генерал Деникин, но в голосе его слышится удовлетворение.

Ныне мне невольно приходят на память те слова французского историка Сореля, которые генерал Деникин приводит в своих воспоминаниях. Эти слова как бы воспроизводят боевой облик Добровольческой армии того времени. Наша стратегия вполне согласовалась с качеством молодой армии, более способной на увлечение, чем на требующие терпения и выдержки медленные движения, могущей заниматься только победами, побеждающей только при нападении и одерживающей верх только в силу порыва.

Б. Прянишников¹³⁰
С ПАРТИЗАНСКИМ АЛЕКСЕЕВСКИМ
ПОЛКОМ ВО 2-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹³¹

1918 год. Россия охвачена пламенем братоубийственной войны. Мой родной Дон, подняв восстание против большевиков, стал колыбелью контрреволюции, базой противобольшевистских сил. В освобожденном Новочеркасске тогда велась лихорадочная работа по организации и вооружению Донской армии. На фронте ежедневно происходили кровавые схватки. Донцы шаг за шагом продвигались на север и восток Области Войска Донского, очищая край от красных.

В это время в Задонье, в Мечетинской, Кагальницкой и Егорлыкской станицах, отдыхала и готовилась ко Второму Кубанскому походу маленькая героическая Добровольческая армия генерала Деникина.

В эти дни я был объят единственной мыслью: как бы послужить делу спасения России от большевиков? Мои родные и слышать не хотели о моем поступлении в ряды борцов с большевиками. Пришлось принять решение против их воли. Был яркий солнечный день, такой, каких бывает немало в июне. Не говоря ни слова родным, в этот день я вышел из родительского дома и отправился на сборный пункт, где формировался обоз, везший снаряды и патроны для Добровольческой армии. С этим обозом я прибыл в Мечетинскую, где в то время находились штаб и большая часть Добровольческой армии.

Я намеревался поступить в Дроздовский стрелковый полк, который спас мой родной Новочеркасск от нового вторжения большевиков в критический момент казачьего восстания, охватившего весной 1918 года низовья Дона. Но бывший со мной случайный спутник-доброволец сказал мне: «Ведь вы – казак, вам нужно поступить в Партизанский пеший казачий полк». И я последовал его совету.

В штабе полка, где я подписал обязательство добровольца, меня представили командиру полка. К моему большому удивлению, им оказался полковник Петр Константинович Писарев¹³². Взглянув на меня, Писарев спросил:

– А ты не сын Виталия Яковлевича?¹³³

Этот вопрос меня встревожил. Я ответил:

– Так точно, господин полковник!

¹³⁰ **Прянишников Борис Витальевич**, р. 21 июля 1903 в Вилоне Калишской губ. Кадет 5-го класса Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии. Участник боев за Ростов в ноябре 1917 г. В мае 1918 г. в Партизанском (Алексеевском) полку. Участник 2-го Кубанского похода. С декабря 1919 г. снова в Донском кадетском корпусе, с января 1920 г. юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Ранен под Каховкой. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. Георг. крест IV ст. 28 июля 1921 г. Окончил Атаманское военное училище. Хорунжий (22 июля 1922 г.). Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции с 1925 г. во Франции, Германии, Румынии. Основатель и редактор журнала «Посев» (1945—1946), газеты «Эхо» (с 1947). С 1949 г. в США, председатель отделения НТС в Нью-Йорке.

¹³¹ Впервые опубликовано: Партизанский генерала Алексева пехотный полк. 1917—1920. Сборник. Первопоходник. № 21. Октябрь 1974.

¹³² **Писарев Петр Константинович**, р. 30 декабря 1874 на Дону. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Техническое училище, Новочеркасское военное училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона Партизанского полка. Летом 1918 г. генерал-майор, осенью 1918 г. командир Алексеевского полка, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, затем начальник 6-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. В Русской Армии командующий Севастопольской крепостью, командир Сводно-казачьего корпуса, командир 3-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командир 1-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шелль (Франция).

¹³³ **Прянишников Виталий Яковлевич**, р. 28 апреля 1865. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского, сын чиновника. Окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское военное училище (1886). Есаул, командир 4-го Донского запасного полка. В Донской армии; с лета 1918 г. войсковой старшина, помощник начальника охраны железных дорог ВВД. Вышел в отставку полковником 4 апреля 1920 г. Остался в Крыму. Жил на Кубани. Умер в 1942 г.

И тут я вспомнил, что Петр Константинович и мой отец были сослуживцами и приятелями по 5-му Донскому казачьему полку. «Ну вот, сейчас вернет меня домой!» – мелькнуло у меня в мозгу.

– Сколько тебе лет?

Хотя мне не было полных шестнадцати, я не моргнув глазом ответил:

– Восемнадцать.

Недоверчиво покачав головой, Писарев сказал:

– Ладно. Если ты такой рослый и крепкий, то иди во второй батальон к капитану Бузуну.

Он найдет тебе место.

Итак, кадет 6-го класса Донского кадетского корпуса начал свои летние каникулы в рядах славного Партизанского, впоследствии Алексеевского пехотного полка. Капитан Бузун¹³⁴ определил меня в молодежный взвод своего батальона. Во взводе было примерно 20 человек, командовал им высокий, стройный поручик, имени которого не помню. При взводе была тачанка с пулеметом «максим».

До выхода в поход оставались считанные дни. За это время я успел познакомиться со своими молодыми однополчанами. Были они сплошь учащаяся молодежь из разных мест России. Юнкер Терещенко – из Киевской школы прапорщиков, которую он не успел закончить вследствие захвата власти; два армянина из Нахичевани. И другие, имен которых память не сохранила. Все мы быстро сдружились, и к моменту выступления в поход взвод был вполне сколоченной, маленькой, но надежной силой.

9/22 июня 1918 года Добровольческая армия начала свой Второй Кубанский поход. Наша 2-я пехотная дивизия под командованием генерала А.А. Боровского была тогда в следующем составе: Корниловский ударный полк, Партизанский пеший казачий полк, 4-й Сводно-Кубанский конный полк, Улагаевский батальон, Корниловская рота. Самым сильным был Корниловский полк, в нашем же двухбатальонном шестисотенном полку насчитывалось 600 добровольцев и взвод конной разведки. Всего в дивизии было три тысячи штыков и сабель.

Первые бои

В ночь с 22-го на 23 июня Добровольческая армия двинулась из Егорлыкской по направлению к узловой станции Торговая. 24 июня наша дивизия без боя заняла село Лопанка. Село было опустевшим – под влиянием большевистской пропаганды почти все жители покинули село и ушли с красными.

Ранним утром 25 июня Корниловский и Партизанский полки выступили из Лопанки и подошли к селу Крученая Глина, занятому красными. Начался первый бой, закончившийся стремительной атакой. Красные поспешно отступили, оставив на поле убитых и раненых. После привала оба полка двинулись на Торговую. В послеобеденные часы полки подошли вплотную к Торговой. Главный удар наносил Корниловский полк, а наш полк обеспечивал его наступление охватом левого фланга красных. Как и под Крученой Глиной, так и здесь красные не оказали серьезного сопротивления. Не выдержав атаки, они бежали.

Взятие Торговой было первым крупным успехом Добровольческой армии: были захвачены пленные, пушки, снаряды и большие интендантские запасы. Взятие Торговой имело и большое стратегическое значение: перерезав железную дорогу Царицын—Новороссийск, Добровольческая армия прервала связь Северо-Кавказской армии красных с Центральной Рос-

¹³⁴ **Бузун Петр Григорьевич.** Капитан. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, с 31 марта 1918 г. командир 2-го батальона и помощник командира Партизанского (Алексеевского) полка, с июня 1919 г. командир 1-го Алексеевского полка, с ноября 1919 г. полковник, с апреля 1920 г. командир Алексеевского полка. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Убит 19 мая 1943 г. у Вальево.

сией. Первые успехи вселили в наши сердца несокрушимую веру в окончательную победу над большевиками. Хотя мы знали, что врага бьют не числом, а умением. А в эти дни умения было на редкость много.

Песчанокопская

После взятия Торговой и Великокняжеской Добровольческая армия начала поворот на Тихорецкую, в тыл группе Сорокина, занимавшей позиции у Батайска и к западу от железной дороги Батайск—Торговая.

Это движение вначале вылилось в ряд фронтальных боев, тяжелых и кровопролитных. Партизанскому полку пришлось вынести напряженный двухдневный бой за Песчанокопскую. Рано утром 2 июля наш полк выступил из Крученой Балки. День был жаркий, солнце немилосердно жгло, мучила жажда. Оба батальона развернулись на широком, даже слишком широком для 600 человек фронте. С большим трудом, под сильным огнем красных из многочисленной группы Калнина, полк медленно продвигался по открытой равнине. Наступление полка поддерживали две пушки Корниловской батареи. Слева от нашего полка, на расстоянии зрительной связи, находился Улагаевский батальон, обеспечивавший наш фланг. А на этом фланге – наш молодежный взвод с пулеметной тачанкой.

Солнце склонялось к западу, когда полк подошел на расстояние одной версты до Песчанокопской. На окраине этого большого села закрепились красные, обильно снабженные пулеметами и поддерживаемые огнем десятка орудий.

Стало смеркаться, когда полковник Писарев отдал приказ атаковать село. Первый батальон ударил во фланг противника, наш второй – в лоб. И тут оправдались сказанные ранее генералом Деникиным слова: «Полк – несравненный таран для лобовых ударов». Атака была стремительной, хотя от огня красных мынесли чувствительные потери. Со стороны упал молодой доброволец. Я задержался на несколько минут, перевязывая его рану. А за это время цепь батальона продвинулась вперед и, полуоборотом вправо, стала примыкать к левому флангу 1-го батальона. Ушел вперед и мой взвод. В сумерках я быстро догнал цепь. Но, присмотревшись к ней, увидел, что она была слишком густая и на нашу непохожая. Это были не наши, а отступавшие красные. Взволнованный неожиданным открытием, я сперва остановился, а затем повернул назад, провожаемый выстрелами отступавших красных.

Наступила полная темнота. Ориентируясь по звездам, я шел примерно в том направлении, где можно было найти своих. Вдруг раздался грозный окрик: «Стой! Кто идет?» Голос показался знакомым, и я ответил: «Свои». Подойдя ближе, увидел поручика, командира нашего взвода, и остатки взвода, залегшие полукругом, с пулеметной тачанкой в центре. Оказалось, что в темноте наш взвод оторвался от батальона и поручик, не зная складывавшейся обстановки, приказал взводу залечь в открытом поле. Я рассказал поручику о только что виденном и пережитом. Я считал, что красные отошли от Песчанокопской, но полной уверенности в этом не было.

В это время на окраине села, примерно там, где у меня произошла неожиданная встреча с красными, пылал пожар. Немного подумав, поручик отправил юнкера Терещенко и меня на разведку в этом направлении. Осторожно двигаясь, часто приседая, чтобы лучше рассмотреть лежавшую перед нами местность, мы минут через двадцать пять добрались до удобного укрытия по соседству с пожаром. Вблизи ходили вооруженные люди. По их говору и повадкам мы определили, что это были свои. Осмелев, мы вышли из укрытия и натолкнулись на командира нашего батальона. Часть села была занята нашим батальоном, и он приказал нам немедленно привести в село наш взвод на ночлег.

Было 11 часов ночи, когда мы, усталые от напряженного боя, замертво свалились на землю и заснули глубоким сном.

Спать пришлось недолго. В третьем часу утра 3 июля наш полк был поднят по тревоге. Брезжил июльский рассвет. Где-то недалеко завязалась оживленная перестрелка, сердито застучал пулемет.

Выяснилось, что красные ночью проникли в наше расположение и окружили полк с трех сторон. Положение создалось критическое. И в эту минуту каждый партизан ощутил, что во главе полка стоял доблестный, хладнокровный, храбрый и волевой командир. Верховом на гнедом коне, представляя заманчивую для противника мишень, полковник Писарев нанес короткие контрудары по вражеским клещам и вывел полк из окружения. Выбравшись из села на степной простор, полк занял оборонительные позиции в одной-двух верстах от Песчанокоской, примерно там, где накануне он занимал исходное положение перед вечерней атакой. Красные вели вялое наступление, поддерживавшееся довольно сильным артиллерийским огнем. К счастью, меткостью красные артиллеристы не отличались, и на их снаряды мы внимания не обращали. Гораздо чувствительнее были потери от пулеметного и ружейного огня.

В течение первой половины дня, под давлением превосходства сил, наш полк медленно подавался назад. Но после полудня к флангам полка подошли другие части Добровольческой армии и полк вновь перешел в наступление. Атака была решительной, и к вечеру Песчано-красные отошли в район Белой Глины.

Двухдневные бои обошлись полку дорого: убитыми и ранеными выбыло около 300 офицеров и партизан.

Под предлогом смертельной угрозы со стороны белых красным удалось увести с собой почти все население Песчанокоской. Все же остались кое-какие аборигены, от которых мы узнали много интересного о деятельности большевиков. Священник одного из двух больших приходов – обе церкви были каменные в этом богатом селе Ставропольщины – рассказывал нам о начинавшихся уже тогда непристойных выходках красных против религии. Впрочем, эти выходки вызвали неблагоприятную реакцию среди жителей Песчанокоской.

Белая Глина

4 июля полк отдыхал в Песчанокоской и приводил себя в порядок после кровопролитной схватки. Тем временем красные собрали кулак около Белой Глины, а без овладения этим крупным селом, больше похожим на средней руки уездный город, нельзя было приступать к операции по овладению стратегически важным пунктом – узловой станцией и станицей Тихорецкой.

Бои за Белую Глину начались 5 июля и кончились 6 июля разгромом красных, охваченных с трех сторон. Здесь произошло некое подобие Канн.

Наибольшая тяжесть боя выпала на 3-ю дивизию полковника Дроздовского, наступавшую в лоб вдоль железной дороги Царицын—Тихорецкая.

У Белой Глины красные сосредоточили 39-ю дивизию старой армии, отличившуюся в боях с турками на Кавказском фронте, отряды Жлобы и более мелкие формирования. Дроздовцы, ведя ночные бои, напоролась на пулеметную батарею красных, понесли большие потери и с трудом продвигались вперед. В это время наша дивизия – корниловцы и партизаны – ударила во фланг и тыл красных, противостоящих дроздовцам, и нанесла им сокрушительное поражение. Остатки разбитой группы Калнина частью бежали в степи Ставрополья, частью откатились к Тихорецкой. Победители захватили много пленных и богатые трофеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.